

Е. М. АПАНОВИЧ

Рукописная
светская
книга XVIII в
на Украину

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СБОРНИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

2

Е. М. АПАНОВИЧ

Рукописная
светская
книга XVIII в.
на Украинском

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СБОРНИКИ

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА

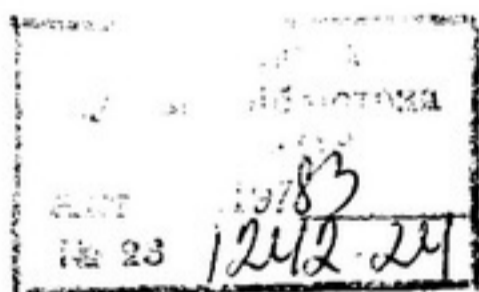

Монография посвящена одному из популярных в XVIII в. в России и на Украине видов светской рукописной книги — историческим сборникам. Исследуются история создания рукописных исторических сборников, их состав и социальная направленность, читательская среда, а также определяется их значение как исторических источников. Основой исследования послужили рукописные фонды Центральной научной библиотеки АН УССР, использованы также исторические рукописные сборники украинского происхождения из библиотек и архивов Москвы, Ленинграда, Харькова и др. Выявлено более 20 новых, неизвестных ранее списков исторических произведений XVIII в., которые впервые вводятся в научный оборот.

Для историков, литературоведов, книговедов, библиотечных работников, всех, кто интересуется памятниками письменности прошлого.

Ответственный редактор
Н. Н. РОЗОВ

Рецензенты
Б. С. ЕЛЕПОВ, В. П. КОЛОСОВА

Редакция литературоведения
и искусствоведения

А 4503000000-176 467-83
M221(04)-83

© Издательство «Наукова думка», 1983

ВВЕДЕНИЕ

Рукописная книга занимает почетное место в истории культуры человечества. В нашей стране, просуществовав около тысячелетия, рукописная книга аккумулировала духовную жизнь народа, его познавательные интересы и художественные потребности. Будучи нередко синтезом словесного и изобразительного искусства, она является памятником языка, письменности, литературы, историографии, живописи и графики и одновременно служит источником для исследователей многих специальностей — литературоведов, языковедов, искусствоведов, книговедов, палеографов, текстологов, полиграфистов, а также историков и художников.

Традиция создания рукописных сборников¹ в качестве источника для чтения уходит в далекое прошлое — во времена докатолического государства. Среди первых, дошедших до нас «четьих» (для чтения) книг были знаменитые, сохранившиеся до наших дней «Изборник Святослава» 1073 г. и «Изборник» 1076 г. В последующие столетия возрастает интерес читателей к сборникам, в которых с XVII в. усиливается светский элемент, и в результате их содержание становится более разнообразным.

Исторические, как и литературные сборники в качестве особого вида рукописной книги сыграли исключительно важную роль в развитии культуры в России и на Украине в XVIII в., особенно демократических слоев населения, содействуя популяризации исторических и литературных произведений. Сборники, в которых очевидное преимущество отдавалось светским сочинениям, получили широкое распространение в России и на Украине в XVIII в. Они становятся наиболее популярным видом рукописной книги. В отдельные периоды XVIII в., когда тематический репертуар изданий строго регламентировался и ограничивался

---

¹ Этим термином принято обозначать рукописную книгу, состоящую из двух и более самостоятельных статей.

царским правительством и церковью, читательские потребности населения в значительной степени удовлетворяла именно рукописная книга, в том числе и такой ее вид, как рукописный сборник². Тут сосредоточивались произведения, часто не попадавшие в печатные издания. Рукописный сборник являлся источником знаний об историческом прошлом своей страны и реализовал литературные запросы читательской среды.

Сборники создавались в результате подбора представителями различных социальных слоев общества наиболее ценных, с их точки зрения, исторических, литературных, научных и других материалов. Таким образом, не просто механически переписывались книги «от корки до корки», а производился сознательный творческий отбор текстов самого разнообразного содержания, нередко делались выписки и компиляции из различных печатных и рукописных источников соответственно интересам и вкусам составителя. Впоследствии сборник мог пополняться и другими текстами — это делали читатели, либо заполняя чистые листы, либо даже приплетая тетради. Так создавалась новая рукописная книга с другими списками, а иногда и иными редакциями тех же произведений.

В состав рукописных сборников в ряде случаев включалось более десятка произведений. Такие сборники нередко представляли своеобразную микробиблиотеку в одном томе. Подобные однотомные микробиблиотеки были своего рода хранилищами светской литературы минувших столетий, которая дошла до нас в значительно меньшем количестве, чем религиозная литература. Только благодаря многократному воспроизводству путем переписки ценные памятники светской письменности прошлых веков в составе сборников стали известны последующим поколениям. Гениальное «Слово о полку Игореве», возникнув самостоятельно в XII в., не сохранилось в оригинале. Список его впервые обнаружили ученые в конце XVIII в. в составе сборника XVI в.

Рукописные сборники отличаются чрезвычайным разнообразием и подвижностью своего состава. Еще в конце XIX в. хранитель Румянцевского музея А. Е. Викторов пи-

---

² Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 107—108; Его же. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976, с. 99—107; Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 19—36, 193—205; Кожин Н. А. История русской рукописной книги XVIII—XIX вв.—В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 185—203.

сал о необходимости раскрытия содержания сборников, в состав которых входят ценные литературные и исторические памятники, в том числе и неизвестные науке: «Огромная масса памятников мелких, которые скрываются в сборниках и из которых многие для разъяснения тех или других исторических или историко-литературных вопросов, для характеристики той или другой эпохи оказываются часто гораздо важнее целых массивных томов литературы переводной, обнаружены едва ли наполовину»³.

В рукописных светских сборниках встречались наряду с крупными и незначительные по своему содержанию и художественному уровню исторические и литературные произведения, без которых, однако, невозможно представить в полном объеме развитие исторической науки и литературный процесс, а также исследовать читательскую среду.

В рукописных сборниках нашли отражение классовая борьба, идеология, мировоззрение представителей различных социальных категорий, политические отношения, быт и нравы. Состав и характер рукописных сборников определялись социальными, политическими, общественными интересами людей, их создавших.

Таким образом, рукописные сборники как фактор и одновременно продукт культуры являются памятником и историческим источником, отражая, прежде всего, социально-экономическую обусловленность, классовую основу явлений культурной жизни XVIII в.

Рукописные книги, в том числе и сборники, сыграли значительную роль в общественно-политической и культурной жизни Украины XVIII в. В силу исторических условий большинство произведений, созданных на Украине в XVII—XVIII в., не были изданы и переписывание оставалось одним из главных способов их распространения. «Не наделены счастьем к изданию,— отмечал великий украинский писатель Иван Франко,— а поэтому не могли иметь такого влияния, какое имели бы, будучи напечатанными... [Они] сохранялись по курным хатам мужицким и дьяковским»⁴.

Действительно, произведения, оставаясь в рукописях, не имели того резонанса, какой они могли бы иметь, будучи опубликованными. Однако и умалять их влияние на духовную жизнь общества, преуменьшать их роль в культурном, общественно-политическом процессе тоже было бы

³ Викторов А. Е. Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870, с. 36.

⁴ Франко І. Я. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Львів, 1896, т. I, с. 1—11.

неправильно. Такие произведения, войдя в репертуар рукописной книжности, становились известными современникам и последующим поколениям, а некоторые из них приобретали широкую популярность. О том, что эти произведения и в рукописях влияли на ум и чувства людей в XVIII в., свидетельствует большое количество списков, дошедших до нашего времени. Наличие этих списков в крестьянских и дьяковских хатах, как свидетельствует Иван Франко, говорит об интересе к ним в демократической читательской среде. Даже единичные экземпляры сочинений-автографов, казалось, неизвестных — о них не вспоминают современники — нельзя исключить из читательского круга. Записи, приписки, пометы на них говорят о том, что эти единичные экземпляры читались, их осмысливали, дополняли.

В общем объеме светской рукописной книжности Украины XVIII в. количественно преобладающее место принадлежит историческим сборникам, в которых особенно часто и в большом количестве воспроизводятся исторические сочинения. Однако следует помнить, что для произведений, попавших в сборники XVIII в. и относящихся не только к этому, но также и к предыдущему столетию, характерна синкретичность. В памятниках письменности XVII—XVIII вв. как бы синтезировалась литература, история, фольклор, искусство. Такая многожанровость и многотемность имели своим результатом то, что, например, летописи и хроники этого периода, являясь первоисточниками и памятниками истории, одновременно были замечательными памятниками литературы и языка и становились предметом исследования не только историков, но и филологов.

Рукописные сборники украинского происхождения включают списки различных произведений в таких сочетаниях, комбинациях и вариациях, которые невозможно встретить в печатных изданиях. Благодаря рукописным сборникам дошли до нас ценнейшие памятники исторической мысли, литературы и языка и раскрылось богатство книжного репертуара XVIII в. на Украине. А книжный репертуар, будучи аккумулятором интеллектуальной и эмоциональной энергии общества, обладает свойством отражать основные тенденции его идейно-культурного развития. Таким образом, рукописные сборники, испещренные записями переписчиков и читателей, являются памятниками украинской письменности и драгоценным источником для воссоздания интеллектуально-духовной атмосферы Украины прошлых веков.

До Великой Октябрьской социалистической революции прогрессивные русские ученые-филологи — А. Н. Пыпин, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский, Н. К. Никольский, П. И. Житецкий, Е. Ф. Карский — привлекали для своих исследований по древнерусской литературе произведения из рукописных сборников, изучая и публикуя их тексты. Украинский материал в таких публикациях и работах присутствовал в крайне незначительном количестве и чаще всего не выделялся из общерусского и белорусского материала.

Отдельные вопросы, связанные с рукописными сборниками украинского происхождения, затрагивали в своих работах исследователи давней украинской литературы. Выдающееся место среди них принадлежит Ивану Франко. Писатель, ученый, революционер-демократ Иван Франко был глубоким и разносторонним исследователем истории и теории литературы вообще и древней в частности. Его работы в этой области сыграли определяющую роль в развитии украинского литературоведения конца XIX — начала XX в. Харьковский университет в 1906 г. присвоил Ивану Франко почетную степень доктора русской филологии, а за работу «Студії над українськими народними піснями», изданную во Львове в 1913 г., он был отмечен премией Российской Академии наук в 1916 г.

Для своих исследований он использовал большое количество нового и малоизвестного рукописного материала, проделав огромную работу по выявлению и публикации памятников письменности, в том числе произведений исторической мысли, описывая в ряде случаев и сами сборники⁵. Иван Франко один из первых на Украине обратил внимание на важное источниковедческое значение записей на книгах⁶.

Н. И. Петров, на протяжении почти полувека занимавшийся вопросами украинского книговедения, издал описания рукописных собраний Киевской духовной академии и

---

⁵ Франко І. Я. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львів, 1910; Его же. Карпаторуське письменство XVII—XVIII вв. Львів, 1900; Его же. До українського вертепу.— Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка, 1906, т. 72, с. 9—79 (далее — ЗНТШ); Его же. Хмельниччина 1648—1654 рр. у сучасних віршах. Львів, 1898; Его же. Вірша про отца Негребецького.— ЗНТШ, 1905, т. 65, с. 14—15; Его же. «Жарт непотрібний» — історична вірша з р. 1702 на історичному тлі.— ЗНТШ, 1912, т. 107, с. 10—38; 1912, т. 108, с. 39—56 и др.

⁶ Франко І. Я. Кінцеві записки в староруських рукописах.— ЗНТШ, 1906, т. 74, с. 145—149.

киевских монастырей⁷, являющихся в настоящее время частью фонда отдела рукописей Центральной научной библиотеки Академии Наук УССР (далее — ЦНБ АН УССР). Н. И. Петров определял авторство анонимных произведений, входящих в состав сборников, учитывая при этом и указания переписчиков. Работа Н. И. Петрова, вышедшая в 1912 г. в Киеве «Очерки из истории украинской литературы XVII—XVIII ст.», и сейчас представляет определенный интерес широким использованием рукописных книг.

Ряд ученых, исследовательская деятельность которых началась еще до 1917 г., особенно успешно продолжали ее после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В результате, в 20-е и последующие годы развернулось изучение памятников письменности, расширилась публикация, для чего было привлечено значительное количество рукописных сборников.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции наступил новый качественный этап в развитии исследования проблем восточнославянской письменности в нашей стране, основывающийся на марксистско-ленинской методологии.

Важная роль в выявлении и изучении рукописных произведений, в том числе украинского происхождения, принадлежит В. Н. Перетцу. Организатор научной работы на Украине в дореволюционное время, создатель и руководитель знаменитых «семинариев русской филологии», в советское время — глава Ленинградского общества исследователей украинской истории, письменности и языка, В. Н. Перетц много занимался изучением рукописных украинских сборников, прежде всего — литературных.

Пребывая в Киеве (1903—1914), он собрал коллекцию рукописей с преобладанием рукописных книг украинского происхождения, которую пополнял и в дальнейшем. В настоящее время в собрании В. Н. Перетца в Пушкинском доме, в Ленинграде, есть несколько десятков рукописных книг на украинском языке или написанных на русском языке, но связанных своим происхождением с Украиной⁸.

---

⁷ Петров Н. И. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875—1879. Вып. 1—3; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1891—1904. Вып. 1—3.

⁸ Древнерусские рукописи Пушкинского дома: Обзор фондов / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965, с. 67—108.

Результаты более полувекового рассмотрения памятников письменности нашли свое отражение в четырех выпусках его работы: «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв.» (Л., 1926, 1928, 1929, 1962). В. Н. Перетц сам исследовал и призывал других историков культуры изучать народную демократическую литературу, привлекая для этого рукописную книжность. «Было бы ошибочно думать,— писал он в 1934 г.,— что все вопросы литературного развития России, Украины и Белоруссии феодального периода могут быть разрешены без изучения массового материала, совершенно не затронутого исследователями прошлого времени»⁹.

Исследованием рукописных сборников занимался известный славист М. Н. Сперанский. В первые годы нашего века он составил и издал описание рукописей библиотеки Нежинского историко-филологического института¹⁰, вошедших впоследствии в фонд отдела рукописей ЦНБ АН УССР. Позже ученый в течение многих лет заведовал отделом рукописей Государственного исторического музея СССР в Москве и руководил работой группы сотрудников, которые расписывали по статьям рукописные сборники музея, в результате чего была создана большая картотека.

Итогом 30-летней работы М. Н. Сперанского явилась книга «Рукописные сборники XVIII века», изданная через четверть века после его смерти. Для исследования автор использовал свыше 500 рукописных книг. Однако он сам отмечал, что им остались неизученными многие крупные коллекции, в том числе и те, которые включают памятники украинской письменности. «К сожалению, при собирании материала для данной работы,— писал М. Н. Сперанский,— не пришлось в достаточной мере воспользоваться собранием рукописей, сосредоточенных в Киеве и других городах Украины, а также в провинциальных городах»¹¹.

---

⁹ Перетц В. Н. Выставка массовой русской литературы XVIII века: Путеводитель. М., 1934, с. 15.

¹⁰ Сперанский М. Н. Описание рукописей библиотеки историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине. Москва—Нежин, 1901, т. 1, кн. 1—2; Сперанский М. Н. Рукописное собрание библиотеки историко-филологического института князя Безбородко: Приобретения 1901—1903 годов. Нежин, 1904; Приобретения 1904—1905 годов. Нежин, 1905.

¹¹ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, с. 26.

Поэтому в книге «Рукописные сборники XVIII в.» украинский материал почти не представлен. Кроме того, автор как филолог рассматривал преимущественно только литературные произведения сборников, оставив вне поля зрения исторические сочинения.

М. Н. Сперанский, широко используя записи читателей, провел анализ их социального состава.

Рассматривая вопрос о взаимоотношении рукописной и печатной книги, он раскрывал роль рукописных сборников как связующего звена между устной народной поэзией и изданными сочинениями русских писателей.

Исследователь древней украинской литературы С. И. Маслов¹² составил и опубликовал ряд обзоров рукописных собраний, в том числе коллекции Исторического общества Нестора Летописца¹³, находящейся сейчас в Центральном государственном историческом архиве УССР в г. Киеве (далее — ЦГИА УССР), а также опись собрания рукописей Киевского университета, являющегося в настоящее время частью фонда отдела рукописей ЦНБ АН УССР¹⁴. Перу С. И. Маслова принадлежит характеристика библиотеки видного просветителя и педагога второй половины XVII — начала XVIII в. Стефана Яворского¹⁵. В отделе рукописей ЦНБ АН УССР хранится принадлежавшая С. И. Маслову коллекция рукописей (83 единицы хранения), а также его архив.

Автор многочисленных работ по истории украинской культуры XVI—XVIII вв. М. С. Возняк издал старинные поэтические произведения¹⁶. Он не только опубликовал их тексты, но и описал рукописные сборники, в состав которых они входили.

П. Н. Попов, занимавшийся разработкой проблемы развития древней литературы, опубликовал ряд памятников

---

¹² Маслов С. И. Мануїл Михайлович Козачинський і його «Трагедія о смерті последнего царя сербского Уроша I и о падении сербского царства». — Радянське літературознавство, 1959, № 4, с. 46—52; Его же. Маловідомий український письменник Іван Величковський. — В кн.: Величковський І. Твори. К., 1972, с. 5—17.

¹³ Маслов С. И. Описание рукописей Исторического общества Нестора Летописца. Киев, 1968.

¹⁴ Маслов С. И. Обзор рукописей библиотеки императорского Университета св. Владимира. Киев, 1910.

¹⁵ Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. 66 с.

¹⁶ Возняк М. С. Матеріали до історії української пісні і вірші. Тексти і замітки. Львів, 1913—1914. Т. 1—2.

украинской письменности XVII—XVIII вв.¹⁷ Архив ученого, в составе которого имеется несколько рукописных книг, является частью фондов отдела рукописей ЦНБ АН УССР.

Кроме того, на Украине изучением украинских рукописных книг занимались филологи — А. И. Белецкий, Н. К. Гудзий, А. А. Назаревский, В. И. Резанов, С. Гаевский, Н. В. Геппенер, С. А. Щеглова, Ф. Колесса, Н. Кистяковская.

В работах русских литературоведов — В. П. Адриановой-Перетц, А. Л. Баклановой, П. Н. Беркова, Г. А. Гукковского, В. А. Десницкого, Л. В. Крестовой, В. Д. Кузьминой, В. И. Малышева, Г. Н. Моисеевой, А. В. Позднеева, В. Ф. Покровской, О. И. Попова, В. Ф. Ржиги, Б. В. Сатурнова, Н. Д. Сидельникова и др. — наряду с исследованием проблем истории русской литературы XVIII в. описываются рукописные сборники и сообщаются данные об украинской письменности того времени. Советский книговед Н. Н. Розов, занимающийся изучением русской рукописной книги, активно использует в качестве одного из источников записи на книгах¹⁸.

В последние три десятилетия новое поколение украинских филологов — В. П. Колосова, В. И. Крекотень, Л. Е. Махновец, В. Л. Микитась, Г. А. Нудьга, Г. И. Сивоконь, Ф. Я. Шолом — посвятили свои исследования вопросам древней украинской литературы. Они впервые опубликовали некоторые оригинальные украинские произведения, находившиеся в рукописях, или же переиздали в более полном объеме и на более высоком археографическом уровне тексты литературных памятников. Публикации сопровождалась пространными характеристиками и комментариями, а в ряде случаев — текстологическим анализом и описанием сборников, в состав которых входили издаваемые произведения.

---

¹⁷ Попов П. Н. «Гріхи розмаїтін» — малоизвестное сочинение Иоаннкия Галятовского. Киев, 1915; Его же. Замітки до історії українського письменства XVII—XVIII вв. К., 1923.

¹⁸ Розов Н. Н. Службеники Новгородско-Софийской библиотеки (состав, приписки, записи, пометы). — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 56—67; Его же. Об исследовании географического распространения рукописной книги. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 160—170; Его же. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в XVI—XIX столетиях. — Вопросы истории, 1970, с. 210—217; Его же. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971; Его же. Книга древней Руси XI—XIV вв. М., 1977; Его же. Книга в России в XV веке. Л., 1981.

Характеристику художественного оформления украинской рукописной книги находим в работах Я. П. Запаско¹⁹, Г. Н. Логвина²⁰, П. Н. Жолтовского²¹.

В то время, когда филологи и книговеды неоднократно подчеркивали исключительную ценность рукописных книг как памятников культуры, в исторических исследованиях, которые, как известно, базируются главным образом на архивных документах, рукописные книги, в том числе и сборники, не использовались. Лишь в археографическом аспекте при издании письменных исторических памятников, а также в источниковедческих и текстологических работах, исследующих памятники летописного характера, упоминается количество списков, разночтения между ними и т. д.²² В последние годы рассмотрением украинских летописных памятников XVII в. плодотворно занимался Ю. А. Мыцык²³.

Вместе с тем, историкам, разрабатывающим проблемы развития культуры, идеологии, общественного сознания, духовной жизни общества и социальной психологии, очень много может дать анализ текстов рукописных сборников с различными списками исторических произведений. Даже сокращение текста — это уже сознательный отбор материала. Тем более важны дополнения и изменения текста, особенно записи читателей, высказывавших свое отношение к прочитанному. Содержание сборника, характер материалов, в окружении которых переписывалось данное произведение или вместе с которым составлялся сборник, также является источником, раскрывающим социально-политические взгляды, культурные интересы создателей сборников.

Исходя из этого, несомненно важным представляется изучение рукописных сборников историками. Поскольку в исторических исследованиях, по преимуществу, не рассматриваются редакции, а также списки источника, специфика анализа и синтеза такого вида источника, как рукописная книга, в советском источниковедении еще не опре-

¹⁹ Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. К., 1960.

²⁰ Логвин Г. Н. З глибин: Давня книжкова мініатюра XI—XVIII століть. К., 1974.

²¹ Жолтовський П. М. Український живопис XVII—XVIII ст. К., 1979.

²² Указания на подобные исследования и издания, связанные с историческими произведениями из рассматриваемых в данной работе сборников, даются в тех частях текста работы, где непосредственно характеризуется каждый отдельный такой сборник.

²³ Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978.

делена. В данной работе оценка источниковедческого значения того или иного рукописного сборника производилась параллельно с определением общих черт и отличий в сравнении с другими типами источников.

В исследовании впервые ставится проблема специального изучения такого вида светской рукописной книги на Украине в XVIII в., как исторические сборники. Выделяются три главных направления исследования: история создания сборников, их состав и читательская среда. Социальный аспект прослеживается в каждом из этих направлений. Поставлена задача исследовать сборники в развитии и в связи с историческими условиями их создания и существования, т. е., соответственно определению А. А. Сидорова, — задача «диалектического изучения книги»²⁴. Рассматриваются исторические сборники, связанные с Левобережной и Слободской Украиной. Не включаются в круг исследования латино- и польскоязычные сборники Правобережной и Западной Украины.

В процессе исследования возникла необходимость установления критериев оценки украинских письменных памятников, которые включаются в понятие «исторические сборники». Важнейшим моментом исследования явилась разработка принципов классификации и типологии исторических сборников XVIII в. украинского происхождения, в соответствии с их общими признаками, хронологическими периодами, а также — по составу сборников, их форме, функциональной направленности и использованию.

Различные списки одного и того же произведения входят в состав нескольких сборников или же являются отдельными рукописями. Следовательно, комплексное и сравнительное описание всех списков с учетом их различий чрезвычайно важно для характеристики состава сборников. В результате подбора всех списков восстанавливается творческая история текста каждой составной части исторического сборника, а также устанавливается эволюция читательских интересов.

Поэтому в дополнение к исследуемым сборникам XVIII в. учитывались сборники XVII и XIX вв., если они включали списки рассматриваемых произведений. Списки XIX в., за исключением датируемых самым его началом, не являются историческим и литературным источником, поскольку их создавали, в большинстве случаев, в качестве буквальной копии, как правило, по заказу какого-либо

²⁴ Сидоров А. А. Советская история книги. В кн.: Книга: Исследования и материалы. М., 1967, с. 15.

коллекционера старинных рукописей или ученого с целью изучения и публикации. Индивидуальность переписчика тут уже отсутствует. Если и встречаются отличия, сравнительно со списками XVIII в., то они не отражают социальных и политических интересов переписчиков, а имеют характер описок, механических пропусков и т. д. Однако и копия XIX в. приобретает научное значение в том случае, когда список-протограф, с которого она сделана, в настоящее время утрачен. Научная ценность списка XIX в. еще больше повышается, если скопированы были и записи на полях сборника.

С целью учета и сравнительного анализа всех списков каждого произведения, входящего в состав рассматриваемого сборника, привлекались для исследования рукописные книги, включающие только текст данного произведения без дополнительных материалов, т. е. книги, которые не являются сборниками в прямом смысле этого слова.

Непосредственное изучение состава каждого отдельного сборника, как определенного вида и типа рукописной книги, дополнялось выяснением его историографической ценности, в зависимости от материалов, заключающихся в нем. При наличии специальных исследований, посвященных произведениям, входящим в изучаемые сборники, в каждом конкретном случае привлекались исторические, филологические и источниковедческие результаты таких исследований, создавших фундаментальную базу, опираясь на которую можно развернуть их книговедческое изучение.

Таким образом, более детальная характеристика исторических произведений в составе сборников определялась недостаточной полнотой их освещения в исследовательской литературе. Если такое освещение в литературе совсем отсутствует, то оно осуществлялось в данной работе, но в ограниченных масштабах, поскольку не преследовалась цель представить всестороннюю, развернутую характеристику произведений. Выяснялись прежде всего моменты, необходимые для исследования книговедческих проблем. Ссылки на использованную в ходе исследования литературу даются прежде всего в том случае, если в ней говорится о списках произведения и о сборниках, включающих их.

Нами был обнаружен ряд неизвестных науке списков, скрытых в описях под другими названиями.

Рукописные исторические сборники XVIII в. украинского происхождения являются составной частью рукописных собраний библиотек и архивов Киева и ряда других городов Украины, а также Москвы и Ленинграда, куда они

попали еще до Октябрьской революции. В XIX — начале XX в. значительное количество рукописных собраний находилось в монастырских и церковных библиотеках, в книжных хранилищах духовных академий и семинарий, для которых традиционным источником пополнения были пожертвования или пожалования, что считалось «богоугодным делом». Комплектовались такие библиотеки и путем широкой закупки книг. Они включали собрания не только церковно-служебных книг, житийных и патристических памятников, но и произведения светской литературы — научной, исторической, художественной и т. д. В монастырях и церквях хранились летописи, хроники и хронографы, которые переписывались часто в сборники вместе с богословскими, религиозно-полемическими, религиозно-нравоучительными текстами. Киевские монастыри, из них наиболее значительные — Киево-Выдубицкий монастырь, Киево-Печерская лавра, а также Софийский собор — владели книжными собраниями с большим количеством светских рукописных книг. В Киевской духовной академии, в составе так называемого Церковно-археологического музея находилась очень ценная и многочисленная коллекция рукописных книг.

Частные коллекции рукописных книг, как и других письменных памятников, складывались различными путями. Семейные архивы, книжные коллекции украинских дворян и казацкой старшины представляли собой комплекс материалов по всеобщей и отечественной истории, литературе, медицине и другим отраслям науки на славянских, греческом, на латыни и других языках. В их состав входили подборки документов, связанные с генеалогией рода, сформированные иногда в отдельные рукописные книги.

Составляемые коллекционерами рукописные собрания отличались широтой профиля. Коллекционеры ставили перед собой различные задачи их использования: научные, просветительские, в служебной деятельности, в религиозных диспутах, для доказательства сословных привилегий, прав на владение землей и т. д.

Среди частных собраний встречались коллекции рукописных и печатных книг, осмысленно и системно составляемых. В них большое место отводилось научной литературе, историческим и художественным произведениям прошлого, входившим в состав различных сборников. Например, выдающимся книжным собранием XVIII в. являлась библиотека украинского шляхтича, депутата Комис-

сии для составления нового уложения 1767 г. Григория Полетики²⁵. Сохранились отдельные рукописи из библиотек представителей казацкой старшины — Якова Марковича²⁶, Якова Козельского, Афанасия Шафонского, Петра Искрицкого и др. На книжечке с прижизненным изданием вирша украинского поэта конца XVII в. Ивана Величковского есть владельческая запись известного казацкого летописца — войскового канцеляриста Самойла Величко: «3 книг Самойла Величко, канцеляриста в[ойскового]». Важная роль в бережном сохранении памятников духовной культуры принадлежала представителям низов казачества, мещанства и сельского населения, которые переписывали литературные и исторические произведения, создавая свои микробиблотеки.

Рукописные собрания формировались также в университетских, публичной, академической библиотеках, музеях и т. д.; они комплектовались за счет покупок, обмена, а также получения книг в дар.

С начала XIX в. появляются издания описаний рукописных собраний, в том числе и рукописных книг. За столетие было издано значительное количество описаний, разнящихся уровнем, полнотой характеристики, системой группировки и т. д. Наряду с описями, носящими характер простого инвентарного перечня, увидели свет обстоятельные научные описания с библиографическими указателями и ссылками, с обозначением особенностей правописания, языка и палеографии, фиксацией записей на полях книг. В этих изданиях сборникам давалось аналитическое постатейное описание. Такие публикации описей рукописных книг сохраняют определенное значение и до настоящего времени.

После Октябрьской революции происходило перемещение рукописного материала из мелких хранилищ в более крупные. Ученым стали доступны многие частные коллекции. Монастырские библиотеки, переданные в государственные хранилища, также открылись исследователям. В то же время часть рукописных богатств исчезла из научного оборота. В Днепропетровске, например, по сообщению академика В. Н. Перетца из 160 рукописей в бывшем

---

²⁵ Каганов И. Я. Полетика Г. А. и его книжные интересы (Из истории книжной культуры XVIII века). — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966, с. 138—144.

²⁶ Каганов И. Я. Маркович Я. и его «Дневник» как материал для истории просветительства на Украине в первой половине XVIII в. — В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961, с. 113—126.

Музее им. Поля (ныне музей им. академика Д. И. Яворницкого) за годы гражданской войны было утрачено 133 рукописи²⁷.

Пополнение советских государственных хранилищ происходило также и в результате поступлений от частных лиц. Особенно обогатился после революции состав крупнейших хранилищ рукописных книг в Москве, Ленинграде, Киеве.

Вследствие перемещений, утрат и пополнений рукописей после 1917 г., а также частично после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. некоторые ранее изданные печатные описи, указатели, справочники, описания и каталоги не всегда дают исследователям точную информацию о составе рукописных собраний и о местонахождении отдельных памятников или об их списках. Советскими учеными — книговедами и библиотекарями в 50—70-е годы XX в. была проведена и продолжает проводиться большая работа по перерегистрации и научному описанию ряда рукописных фондов наших хранилищ.

Самое значительное собрание рукописных исторических сборников, созданных на Украине в XVIII в., находится в отделе рукописей ЦНБ АН УССР. Из общего числа сборников, привлеченных для данного исследования, больше половины принадлежит отделу рукописей ЦНБ АН УССР. Он начал складываться с 1919 г. путем покупок и дарственных приобретений, а также в результате национализации по декретам и распоряжениям Советской власти библиотек помещиков, буржуазии, монастырей и ликвидированных революцией царских учреждений и духовных учебных заведений.

Вместе с рукописными материалами библиотек Киевской духовной академии и семинарии, киевских и других монастырей, частных собраний, коллекций и библиотек фонд ЦНБ АН УССР дополнили библиотеки Нежинского педагогического института, Киевского университета, имевшего многочисленное и значительное по составу собрание рукописных книг, включающих списки выдающихся произведений украинской историографии XVII—XVIII вв.

Значительная часть рукописных книг ЦНБ АН УССР имеет печатные описи, изданные на протяжении второй половины XIX и начала XX в.²⁸ Ряд рукописных историче-

²⁷ *Перетц В. Н.* Рукописи библиотек Московского университета, самарских библиотеки и музея. Л., 1934, с. 5—6.

²⁸ *Петров Н. И.* Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии; *Сперанский М. Н.* Описание

ских сборников XVIII в., не вошедших в эти описи, был выявлен по внутреннему инвентарю и картотекам отдела рукописей ЦНБ АН УССР, в составе фонда которого нами также были атрибутированы ряд списков исторических произведений и сборники, местонахождение которых после их перемещения не было известно.

Для выявления в московских и ленинградских хранилищах сборников, созданных на Украине, кроме печатных и рукописных описаний, были просмотрены опубликованные отчеты: Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ) за 1808—1917 гг.; краткие отчеты этой библиотеки о новых поступлениях за 1914—1973 гг.; Государственного исторического музея СССР (далее ГИМ) за 1905—1925 гг.; Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее ГБЛ) — за 1863—1915 гг. (Отчеты Московского Публичного и Румянцевского музея) и за 1938—1980 гг. (сведения из «Записок» отдела рукописей ГБЛ).

Рукописные собрания ГБЛ имеют в большинстве случаев печатные описи, среди них изданные в последние десятилетия, весьма обстоятельные²⁹. Из фондов ГБЛ для нашего исследования привлекались исторические сборники XVIII в. украинского происхождения, находящиеся в собраниях рукописей И. Д. Беляева, Н. С. Тихонравова, И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича, Библиотеки Общества истории и древностей российских, Музейного собрания.

Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР (далее БАН) издал ряд описаний рукописей исторического содержания, в том числе исторических сборников³⁰.

Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина включает в свой состав многочисленное собрание рукописных книг. Однако небольшое число изданных описей только частично отражает содержание этого собрания. Поэтому были изучены следующие рукописные описания и картотеки и атрибутированы

рукописей библиотеки историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине; *Сперанский М. Н.* Рукописное собрание библиотеки историко-филологического института князя Безбородко...; *Маслов С. И.* Обзор рукописей библиотеки императорского Университета св. Владимира; *Лебедев А.* Рукописи церковно-археологического музея императорской Киевской духовной академии. Саратов, 1916. Т. 1; *Березин В.* Описание рукописей Почаевской лавры, хранящихся в библиотеке музея при Киевской духовной академии. Киев, 1881.

²⁹ Например: *Шапов Н. Я.* Собрание Н. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича: Описание. М., 1959 и др.

³⁰ Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959, т. 3, вып. 1; М.; Л., 1965, вып. 2; Л., 1971, вып. 3.

несколько списков украинских исторических произведений: Каталог церковнославянских и русских рукописей. Отдел IV (История), составленный до 1917 г. и включающий описания собраний П. П. Дубровского, Ф. А. Толстого, П. К. Фролова, Ф. И. Буслаева; опись собрания Общества любителей древней письменности; опись коллекции М. П. Погодина, особенно богатой украинской рукописной книгой; охранный каталог основного собрания рукописных книг (машинопись). Изучены также «Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания», изданный на ротаторе в 1960 г. и типографским способом в 1968 г.³¹

Объектом исследования послужили также рукописные исторические сборники из рукописных фондов библиотек Харькова — Харьковская Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко (далее ХГНБК) и Научная библиотека Харьковского государственного университета им. А. М. Горького (далее НБХГУ), Одессы — Одесская научная библиотека им. А. М. Горького, а также архивов и музеев — Центрального государственного архива давних актов СССР (далее — ЦГАДА); Центрального государственного исторического архива УССР, Областного государственного краеведческого музея в Житомире, Черниговского исторического музея. Учитывались описания сборников, в настоящее время утраченных. Если эти, впоследствии, вероятно, погибшие сборники, когда-либо полностью или частично были опубликованы или же зарегистрированы в описаниях и каталогах, или нашли отражение в научных трудах, они сохраняют значение книговедческих источников и не исчезают из научного оборота. Исследовательские работы, хотя представляют информацию о сборнике лишь через восприятие исследователя, дают возможность получить дополнительные данные для установления объема исторической книжной письменности, созданной на Украине, и для сравнительного анализа списков отдельных произведений.

Как один из важнейших и уникальных источников были привлечены в данной работе записи на рукописных книгах³².

³¹ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVIII вв. Описание / Сост. Д. П. Альшиц. М., 1968.

³² *Исаевич Я. Д.* Джерела з історії української культури доби феодалізму. К., 1972; Обзор публикаций записей и литературы о них см.: *Апанович Е. М.* Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР.— В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги, с. 70—86; Ее же. Исторические записи на старопечатных и рукописных древних книгах.— История СССР, 1979, № 2, с. 151—161.

Рукописная книжная культура на Украине в XVIII в.

ОБРАЗОВАНИЕ И РУКОПИСНОЕ ДЕЛО НА УКРАИНЕ В XVIII В.

Развитие образования, имевшее свои особенности в разных частях Украины, в XVIII в. находившейся в составе нескольких государств, как важная область культуры определялось характером социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

Левобережная Украина после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. вместе со Слободской Украиной входила в состав Русского государства. В стране шел процесс зарождения и развития новых буржуазных отношений внутри феодально-крепостнического уклада, хотя одновременно усиливался крепостнический гнет. Украинские феодалы наступали на права и жизненные интересы крестьянства, рядового казачества и трудящейся части мещанства, захватывая у них земли, превращая их в крепостных. Общие классовые интересы объединяли русскую и украинскую феодальную верхушку — крупных помещиков, казацкую старшину, высшее православное духовенство. Во второй половине XVIII в. украинская казацкая старшина придерживалась самодержавной монархической идеологии и активно добивалась от царского правительства уравнивания ее в правах с русским дворянством.

Вместе с тем, продолжали развиваться исторические связи украинского и русского народов. Против феодально-крепостнической эксплуатации неоднократно совместно поднимались трудящиеся массы России и Украины, дружба которых крепла в борьбе против общих угнетателей, в антикрепостнических восстаниях. На фоне значительного прогресса культуры, науки в Русском государстве формирование украинской нации проходило в тесной связи с процессом формирования русской нации. Происходит, несмотря

на осуществлявшуюся царизмом, феодалами и поднимающейся буржуазией политику взаимоотнождения, еще большее сближение двух братских народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹.

Левобережная Украина выделялась среди других украинских земель значительным количеством низших и средних школ, большинство которых было создано после воссоединения Украины с Россией на протяжении столетия. В низших церковно-приходских школах в селах и городах учились дети старшин, казаков, мещан, крестьян. В них обучали чтению, письму, церковному пению. Вначале детей учили писать полууставным письмом, близким к печатному, а потом приобщали их к скорописи, которая требовала развитого навыка и в чтении, и в письме.

Для обучения грамоте и письму в XVIII в. пользовались букварями (граматками) и грамматиками: Лаврентия Зизания — «Граматака словенска», изданная в 1596 г. в г. Вильно; Мелетия Смотрицкого — «Граматики словенския правильное синтагма», увидевшая впервые свет в г. Евю (возле Вильно) в 1619 г., ее назвал Ломоносов, наряду с «Арифметикой» Магницкого, «вратами» своей учености (до середины XVIII в. это был единый учебник грамматики для России, Украины и Белоруссии); а также — Памвы Беринды — «Лексикон славеноросский», вышедший в 1627 г. из типографии Киево-Печерской лавры. Для чтения также использовались Часослов, Псалтырь, Учительное Евангелие и др.

П. И. Житецкий подчеркивал, что было бы «грубою ошибкою сводить все образовательное значение старинной малорусской школы к граматке, псалтырю и часослову». Эти школы, как утверждал ученый, удовлетворяли общественные потребности, которые «заключались не в одной грамотности, приспособленной к церковному богослужению, но и к усвоению навыков и вкусов, можно сказать, эстетических и даже отчасти литературных»².

В XVIII в. почти во всех городах и сельских приходах существовали приходские школы. А. М. Лазаревский опубликовал отдельные данные о количестве школ в середине XVIII в. в полках Левобережной Украины. В Нежинском полку было 217 школ, в Прилуцком — 69, Миргородском — 37, Лубенском — 172, Черниговском — 154, Переяслав-

¹ Ленин В. И. Украина.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

² Житецкий П. И. Странствующие школьники в Старинной Малороссии.— Киевская старина, 1892, № 2, с. 192.

ском — 119, Полтавском — 98³. В четырех Слободских полках было более 129 школ⁴.

Учителями были преимущественно «дьяки». Их положение определялось не только церковно-служебными обязанностями, но и учительскими функциями. До 1771 г. должность дьяка была доступна представителям всех сословий. Позже киевский митрополит Гавриил Кременчугский сузил круг претендентов на дьяковские должности до лиц духовного звания. Содержание учителям выплачивалось родителями учеников натурой и деньгами. При школах жили школьники — преимущественно сироты. Наряду с постоянными учителями начальных школ при церквях занятия с детьми проводили еще странствующие («мандрівні» или «мандрованные») дьяки, которые, обучая детей, переходили из села в село, из города в город. Один из них так свидетельствовал о себе: «Он, Иоанникий, по изучению славянской грамоты ходил по разным местам лет с 27 в дьячковском звании, русскому письму, чтению и пению обучен он мандрованным дьяком Павлом»⁵.

Интересна биография «мандрівного» дьяка Ильи Турчиновского, который «волочился по школам», а потом стал священником. Он описал «Житие и страдание свое в память детям своим, и внукам, и всему потомству»⁶.

На Слободской Украине среди «мандрівних» дьяков особенно было известно имя Козьмы Парадина, который на протяжении 50 лет ходил не только по городам и селам Харьковщины и Воронежской губернии, но бывал и на Дону, где обучал детей в школах или семьях казацкой старшины и русских помещиков⁷. Учителям-дьякам родители обычно платили 10—15 рублей в год и снабжали одеждой за обучение их детей на дому грамматике, риторике и поэзии⁸.

Этим «бродячим», «путешествующим», «мандрівним» дьякам, которые чаще всего были материально необеспе-

³ Лазаревский А. М. Статистические сведения об украинских народных школах и госпиталях XVIII века.— Основа, 1862, № 5, с. 82—98

⁴ Багалея Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905-й год). Харьков, 1905, т. 1, с. 390.

⁵ Павловский И. П. Приходские школы в старой Малороссии и причины их уничтожения. Киев, 1904, с. 2—12.

⁶ Автобиография южнорусского священника 1-й половины XVIII ст.— Киевская старина, 1885, № 2, с. 318—332.

⁷ Багалея Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова..., т. 1, с. 389—390.

⁸ Данилевский Г. П. Народное образование на Украине. Харьковские народные школы, 1732—1869.— В кн.: Украинская старина. Харьков, 1866, с. 291—292.

ченными выходцами из низших слоев украинского общества, принадлежала большая заслуга в развитии школ на Украине. Значительным и многогранным был их вклад в духовную жизнь народа. Они являлись не только деятелями просвещения, но одновременно выступали авторами замечательных произведений, связанных с народным творчеством. Такие сочинения многократно переписывались в рукописные сборники. «Мандрівні» дьяки, среди которых встречались талантливые музыканты, актеры, художники, устраивали театральные представления в школах и на рыночных площадях. В своих произведениях они отразили тогдашнюю школьную жизнь, полную лишений и нужды. Занимались они и перепиской книг, привлекая нередко для этой цели своих учеников. Выходцы из народа, «мандрівні» дьяки, были тесно связаны с народом, знали его запросы, духовные потребности. Поэтому, когда они проникали в среду войсковых канцеляристов, то привносили демократические тенденции в эту низшую социальную прослойку господствующего класса, приобщенную к писарскому делу. В результате интеграция деятельности учителей из народа и войсковых канцеляристов, нередко европейски образованных людей, обеспечила появление и быстрое развитие светской украинской рукописной литературы.

Начальные школы, давая кадры для низшего духовенства, подготавливая учителей-дьяков для приходских школ, поставляли писцов для многочисленных канцелярий. Профессиональные писцы вербовались также из числа студентов средних учебных заведений — коллегий. На Левобережной Украине и Слобожанщине существовало несколько коллегий — в Чернигове, Харькове, Переяславе, некоторое время — в Новгороде-Сиверском и Полтаве.

Выдающееся место в культуре Украины заняла созданная в Киеве в начале XVII в. школа высшего типа, именуемая с конца этого столетия Киевской академией. Она была одним из первых до основания Московского университета высшим учебным заведением в Восточной Европе, в ней обучались и выходцы из южных славянских стран. Киевской академии принадлежит почетное место не только в развитии образования. Она являлась также центром научной и культурной жизни. В стенах Киевской академии сформировались литературные направления, историческая и философская мысль с материалистическими тенденциями.

Академии принадлежит ведущая роль в распространении образования, в организации многих монастырских и

церковно-приходских школ и школ повышенного типа — коллегий.

Следует отметить, что Киевская академия занимала особое место в развитии традиционных исторических культурных связей Украины, России и Белоруссии. Она дала стране деятелей просвещения, ученых, писателей, композиторов, которые внесли значительный вклад в культуру украинского, русского и белорусского народов. Воспитанники Киевской академии участвовали в организации Славяно-греко-латинской академии в Москве и многих школ и семинарий: в русских городах — Архангельске, Астрахани, Великом Устюге, Владимире, Вологде, Вятке, Иркутске, Казани, Коломне, Новгороде, Петербурге, Пскове, Ростове Великом, Рязани, Суздале, Твери, Тобольске, Холмогорах, Смоленске, а также в белорусских — Могилеве и др.⁹ Ректорами, проректорами и преподавателями этих учебных заведений были также преимущественно выходцы из Киевской академии, а среди них — известные церковные деятели, высокое положение и широкая образованность которых предоставляли им большие возможности не только для организации всестороннего обучения воспитанников, но и «трансплантации» киевской школы искусств — ораторского, изобразительного, музыкального, драматического.

Будучи всеобщим учебным заведением, Киевская академия принимала детей дворянства, казацкой старшины, рядовых казаков, мещан и даже крестьян. Количество студентов в начале XVIII в. достигало двух тысяч человек, в другие периоды немногим превышало тысячу человек¹⁰.

Студенты в XVIII в. учились 12 лет в восьми классах, в которых овладевали латинским, старославянским, украинским книжным, русским, греческим, польским, французским, немецким, древнееврейским языками; изучали философию, богословие, историю, географию, поэтическое и риторическое искусство, астрономию, медицину, математику, в том числе и высшую¹¹.

Читать и писать на нескольких языках учили в грамматических классах: «аналогии» или «фаре», «инфиме», «грамматике» и «синтаксисе». Особенное внимание уделялось изучению старославянского, латинского и украинского языков. В Киевской академии сформировалась своя школа скорописного письма, именуемая палеографами «но-

⁹ Хижняк З. І. Києво-Могилянська академія. К., 1981, с. 169—178.

¹⁰ Титов Х. Стара вища освіта в Київській Україні кінця XVI—поч. XIX ст. К., 1924, с. 196, 288.

¹¹ Хижняк З. І. Києво-Могилянська академія, с. 56—59.

вокиевской». Выпускники Киевской академии, овладевшие скорописным мастерством, в ряде случаев поднимали рукописное дело до уровня искусства. Из воспитанников Киевской академии в значительной степени комплектовались штаты канцеляристов Генеральной войсковой, полковых и сотенных канцелярий, магистратов и ратуш, представляющих собой центральные и местные органы административно-территориального управления Левобережной Украины. Часть тех бедных студентов Киевской академии, которые собирали средства для продолжения учебы, пополняла ряды «мандрівних» дьяков. Кое-кто не возвращался в Академию, оставаясь навсегда «дьяком», какую-то часть студентов поглощала Запорожская Сечь.

В связи с усилением закрепощения крестьян и казаков украинскими и русскими феодалами, укреплением абсолютистской монархии в России количество школ на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. начало уменьшаться, а вместе с тем падала и грамотность.

С распространением на Украину общеимперских законов в последней четверти XVIII в. утвердилась новая система школьного образования. Развитие промышленного производства и торговли, увеличение числа городов и городского населения потребовали образованных людей, расширения сети школ. В последней четверти столетия были основаны новые школы не только на Левобережье, но и в других украинских землях, поскольку воссоединение основной части украинских земель в составе России в конце XVIII в. обеспечило им лучшие условия для развития, чем той части Украины, которая находилась под гнетом австрийской монархии.

В начале 80-х годов специальная правительственная комиссия, возглавляемая бывшим воспитанником Киевской академии — сенатором П. В. Заводовским, разработала систему образования, сущностью которой являлось основание народных училищ двух типов. Их статут был утвержден в 1786 г. Главные народные училища, открываемые в губернских городах, имели четыре класса, в последнем из них учились два года. В главных народных училищах существовала многопредметная система средней школы, где кроме письма, чтения и закона божьего изучали историю, географию, русскую грамматику, основы геометрии, механики, физики, природоведение, архитектуру, картографию, рисование, иностранные языки. В малых училищах, которые создавались в уездных городах, обучались письму, чтению, арифметике в двух классах.

В указе 1788 г. специально говорилось об открытии народных училищ в наместничествах на Украине — Новгород-Сиверском, Черниговском, Киевском и Харьковском, где в следующем году такие школы уже действовали. Через пять лет главные училища были открыты в Екатеринославе и Симферополе. К началу XIX в. в украинских губерниях насчитывалось 8 главных и 17 малых народных училищ, а в них 125 учителей и 3498 учеников. Однако во многих городах Украины училищ не было. В ее отдельных районах количество училищ распределялось так: в Киевской губернии — одно училище (в Киеве), Подольской губернии — в трех городах, на Волыни — в четырех, на Полтавщине — в трех городах, Черниговщина имела шесть училищ, Слободская Украина — пять, юг Украины — два училища¹².

В значительно худшем положении было дело просвещения на Правобережье, находившемся под гнетом шляхетской Польши до конца XVIII в. Польская шляхта и католическое духовенство насаждали среди украинского населения католические школы — иезуитские и пиарские, а также униатские, с обучением на польском и латинском языках.

Основанная еще в конце XVI в. православная Львовская Ставропигийская школа и такие же школы в Луцке и Виннице в XVIII в. постепенно приходят в упадок. Однако, несмотря на прямое запрещение польско-шляхетских властей, братства создавали и содержали низшие парафиальные школы в городах и селах. В таких крупных городах, как Дрогобыч и Броды существовало по три школы, а в Стрые — даже четыре. В школах были постоянные учителя-«бакаляры» и «мандрівні» дьяки. Я. Д. Исаевич выявил в актовых магистратских и гродских книгах, а также в записях на рукописных и печатных книгах немало упоминаний о «мандрівних» дьяках на Правобережной и в Западной Украине, зарабатывавших учительством, а также перепиской книг. В результате сложились своеобразные центры переписывания книг — города Стрый, Яворов и др.¹³

Польские феодалы стремились не допустить детей украинских крестьян к обучению и добивались закрытия православных школ, усматривая в них очаги социального и национального протеста. В проекте «Ликвидации унии» (на-

¹² Удод О. П. Початкова освіта на Україні наприкінці XVIII — в першій половині XIX ст. — Український історичний журнал, 1969, № 9, с. 83—85.

¹³ Ісаєвич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. К., 1966. с. 148—149.

чало XVIII в.) отмечалось, что «наиболее непокорными и поддерживающими других в непокорности являются именно те украинцы из плебса, которые умеют читать свое письмо», и делался вывод о необходимости «уничтожить причину их непокорности, запретить учиться хлопским сынам по школам, которые существуют при церквах... Чтобы хлопские дети приучались не к книжкам, а к плугу, сохе, бороне, цепу»¹⁴.

С воссоединением Правобережной Украины с Левобережной в рамках Русского государства в 1793 г. на правобережное население распространилось действие общеимперских законов о народном просвещении.

Хотя в Галиции, входившей с 1772 г. в состав Австрийской империи, проводилась политика онемечивания, правительство Австрии, стремясь привлечь на свою сторону верхушку украинского населения и подготовить из ее среды преданное униатское духовенство и чиновничество, открыло в 1774 г. в Вене униатскую семинарию, которая в 1784 г. была переведена во Львов. В том же 1784 г. во Львове был основан университет с немецким и латинским языками преподавания, при котором в 1787 г. открылся богословский и философский факультеты с преподаванием на украинском языке. Были также организованы, наряду с трехклассными и четырехклассными школами с немецким языком обучения, одноклассные школы с обучением на украинском языке. Закрепившись в Галиции, австрийское правительство ликвидировало свои уступки украинской культуре. В начале XIX в. (1809) украинские кафедры при Львовском университете были закрыты.

В Закарпатской Украине, где венгерские феодалы в течение нескольких столетий осуществляли политику окатоличивания и мадьяризации украинского населения, во второй половине XVIII в. существовало небольшое количество церковно-униатских школ, в которых изучали «русинскую», т. е. украинскую грамматику. В Ужгороде в конце XVIII в. действовала униатская семинария, переведенная из Мукачево. Однако и в Закарпатье действовали отдельные украинские православные приходские школы, а при немногочисленных православных монастырях были даже школы с повышенным уровнем обучения, в которых готовили не только кадры для духовенства, но и учителей для народных сельских школ. При Краснобродском монастыре (теперь Межилаборский район Восточной Словакии) существовала

---

¹⁴ Там же, с. 150—151.

украинская философская школа, в которой преподавались славянорусская грамматика, поэтика, риторика, история, философия, богословие. В школе была собрана значительная библиотека. Будучи важным центром просвещения и культуры западной части Закарпатья, Краснобродская школа поддерживала связи с Галицией и Восточной Украиной. Особенно тесными были контакты с украинской братской школой в Сяноке¹⁵, существующей там с первой половины XVI в. Интересно отметить, что сяноцкая школа была одновременно старинным центром переписки книг. Имеется запись 1551 г. на «Апостоле» о том, что эта книга переписана неким Власием «в школе Сяноцкой». Запись сделал сяноцкий протопоп Василь, свояк Власия и отец Михайла Васильевича, переписчика знаменитого Пересопницкого евангелия¹⁶.

На Буковине во время господства султанской Турции и молдавских феодалов в некоторых городах и селах существовали молдавские церковные православные начальные школы, в которых обучали читать и писать на молдавском языке и заучивали катехизис на церковнославянском языке. Позже австрийское правительство проводило в Буковине политику онемечивания.

Краткая характеристика состояния образования на Украине в XVIII в. показывает, что определенная часть населения тут обладала грамотностью, существовал довольно широкий круг людей, способных заниматься не только чтением, но и перепиской книг. Однако в этой прослойке грамотного населения были градации — от приобщенных только к правописанию до высокообразованных, запросы которых простирались широко, затрагивая различные формы исторических познаний, литературного творчества и т. п. Эти интересы они чаще всего и удовлетворяли, формируя библиотеки, создавая рукописные сборники.

Рукописное дело основывалось не только на усвоении грамоты и письма, а также на становлении почерка, выработке форм букв и метода их написания, что происходило, прежде всего, в школе, а также непосредственно в практической деятельности.

Среди переписчиков книг первенство по численности и по уровню мастерства принадлежало профессиональным писцам, для которых рукописное дело являлось служебным

¹⁵ Мишанич О. В. Література Закарпаття XVII—XVIII ст. К., 1964, с. 15.

¹⁶ Ісаєвич Я. Д. Джерела з історії української культури..., с. 51—52.

занятием, источником существования. Это прежде всего так называемые канцеляристы, т. е. мелкие служащие канцелярий. В силу своего служебного положения они были свидетелями и участниками ряда событий, происходивших в сфере политических и общественных отношений.

Следует обратить внимание, что на Украине термин «писарь» обозначал высокие звания и влиятельные должности в казацко-старшинской иерархии — генеральный писарь, полковой писарь, сотенный писарь, т. е. тех, кто участвовал в местном и центральном управлении Левобережной и Слободской Украины. Большинство из них были крупными землевладельцами, имели крепостных и феодально зависимых крестьян.

Иным было социальное и имущественное положение канцеляристов, обслуживающих многочисленные канцелярии. Они представляли собой особый круг светской интеллигенции с некоторыми демократическими тенденциями. На них возлагались составление, переписка, копирование документов, ведение дел и т. д.

Многочисленным был штат писцов Генеральной войсковой канцелярии — высшего исполнительного органа власти на Левобережной Украине во второй половине XVII—XVIII в.

Генеральная войсковая канцелярия была и своеобразной высшей школой по подготовке специалистов-писцов, знатоков канцелярского дела, владеющих совершенной для того времени техникой письма, знающих формуляры различных типов документов.

Но и среди них существовали градации, в зависимости от опыта и квалификации. Высшую квалификацию представляли старшие войсковые канцеляристы, которых в штате Генеральной войсковой канцелярии чаще всего было двое.

Эти канцеляристы являлись непосредственными начальниками всего канцелярского персонала, который в отдельные периоды доходил до ста человек. Последние делились на группы подписков, протоколистов, регистраторов, копиистов, толмачей (переводчиков) и др. Вне штата находилась группа без должностей и без оплаты, которая зачислялась в канцелярию специально для обучения письму и деловодству. До 1728 г. общее руководство Генеральной войсковой канцелярией осуществлял «реент» — знаток права, административных процедур, методики деловодства.

Писцы Генеральной войсковой канцелярии не только обогащали профессиональное мастерство, но и расширяли

свои юридические и исторические познания. Доступ к государственным и другим документам предоставлял возможность войсковым канцеляристам использовать их как исторические источники. Они включали эти документы в сборники. Привлекая документальные данные, канцеляристы дополняли и хронологически продолжали переписываемые ими хроники и летописи, сами сочиняли исторические произведения, как, например, войсковой канцелярист Самойло Величко.

В полковых и сотенных канцеляриях также имелись канцеляристы, для которых продвижением по службе являлась должность канцеляристов Генеральной войсковой канцелярии. Магистраты и ратуши городов имели свой штат канцеляристов. В число их обязанностей входило копирование важнейших государственных документов — императорских грамот, гетманских универсалов и т. д., а также оформление другой документации, непосредственно связанной с деятельностью магистратов и ратуш.

— Чрезвычайно интересную маргинальную графику канцеляристов городских и земских судов Правобережной и Западной Украины собрал П. Н. Жолтовский¹⁷. Рисунки канцеляристов на полях актов книг и при буквах-инициалах не лишены художественной формы и отражают образы, подробности и реалии прошлых веков. Часть таких рисунков связана с содержанием книг, некоторые имеют анималистический и символический характер, другие представляют геральдические и орнаментальные композиции, зарисовки архитектурных сооружений или же сатирически заостренные шаржи.

Судя по записям на рукописных исторических сборниках, их переписчиками часто были канцеляристы. Создавали они сборники для себя и других, иногда зарабатывали перепиской книг. Несомненно, значительная роль в развитии рукописного дела на Украине принадлежала «мандрівним» дякам. Но они переписывали очень много книг по заказу, зарабатывая средства на пропитание, и о себе не оставляли никаких записей. Поэтому невозможно даже приблизительно представить объем их писарской деятельности.

Записи на книгах иногда указывают на представителей белого и черного духовенства как переписчиков книг, однако в XVIII в. роль монастырей и церквей в создании светской рукописной книги на Украине — незначительна.

¹⁷ Жолтовський П. М. Канцеляристи малюють на полях.— Жовтень, 1980, № 8, с. 118—124.

Секуляризация, проникающая во все сферы экономической, социальной и духовной жизни, захватила и рукописное дело. Монастыри и церкви уже утратили свое положение центров письменности, которое они имели в прошлые века, когда в специальных скрипториях трудились над перепиской книг монахи, вырабатывавшие свой стиль письма. В прежние времена в монастырях и церквях создавались исторические и литературные памятники — жития святых, сказания, летописи и т. д. Но и в XVIII в. священники и монахи занимаются перепиской чаще всего религиозных книг, хотя в середине этого столетия был издан царский указ, запрещающий пользоваться при богослужении в церквях рукописными книгами, поскольку в них встречались отступления от канонических текстов.

Разветвленный многоступенчатый административно-политический аппарат выработал свои традиции в оформлении деловой документации. Развитое деловое письмо влияло на характер и методы создания светских сборников, в частности тех, в состав которых в качестве приложений к историческим сочинениям включались копии важных государственных документов.

До нашего времени дошла рукописная книга со своеобразными моделями официальных писем и других документов за 1680—1712 гг. (I,7378) (При характеристике книг из фонда отдела рукописей ЦНБ АН УССР называем только шифр, без указания места хранения.) Эта группа материалов объединена в сборнике под наименованием: «Книга, глаголемая Листовня. Інструкції албо теж способи до вшеляких писарських потреб інформації і доклади в сей книжци обрѣтаються розмаїтє». «Листовня» принадлежала уроженцам слободки Богушковой: священнику Даниелю Захаровичу Гирману и его братьям — Демьяну и Моисею¹⁸. Во владельческой записи на нижних полях отмечается, что книжка была «списана вся в Мяртвоводѣ на перевозѣ в зѣмовнику Богомяртвоводском», в 1712 г., в декабре, рукой Даниеля Гирмана (с. 1—9). Можно предположить, что подобные «Листовни» не были единичным явлением на Украине в то время.

Характер и стиль переписки исторических сборников, продолжая частично традиции копирования религиозных книг, имели своим истоком деловую письменность и были тесно с нею связаны. Однако, эволюционируя вместе с нею,

---

¹⁸ Старинный малорусский письмовник «Книга, глаголемая Листовня» / С предисловием В. Д. Гринченко. Чернигов, 1901.

письмо светских рукописных книг развивалось также и по собственным направлениям, вырабатывая свою специфику.

Процесс переписки книг, в частности создание рукописных сборников, был чрезвычайно трудоемким, требовал много времени, умственных, физических и душевных сил. Весьма красноречиво об этом говорят сами современники, свидетельства которых выявлены также в сборниках, хранящихся в фондах отдела рукописей ЦНБ АН УССР. Эпиграмма, принадлежащая украинскому поэту конца XVII в. Ивану Величковскому, хотя и адресована «Пишущему стихи», но, очевидно, ее можно отнести, вообще, к переписчику тех времен: «Труда, сущаго в писаніі, знати не может, иже сам не вѣсть писати. Мнит, быти легко писанія діло; три персти пишуть, а все болить тѣло». Эта эпиграмма, по замечанию одного из издателей произведений И. Величковского — В. П. Колосовой, является вольным переводом популярного в средневековье латинского двустишия: «Scribere qui nescit nullum putat esse laborem. Tres digiti scribunt, totum corpusque laborat» «Кто не умеет писать, не знает, какой это труд: пишут три пальца, а работает все тело»¹⁹.

Рукописный сборник, включающий автограф стихотворений Климентия Зиновиева (VIII 73м/193), интересен для рассмотрения данного вопроса своим разделом: «О писарах розных, то есть іменно, що книги готовые преписуют, и выдають з головы якіе новые рѣчи. И о писарах теж градских и о мнастырских, грамоты або зас листы пишущих и всякие крѣпкие права».

Стихотворение содержит яркую характеристику и оценку современником профессиональных мастеров письма, переписчиков рукописных книг. Климентий Зиновиев, которому приходилось и самому заниматься рукописным делом, о чем он упоминает в этом стихотворении, с сочувствием и пониманием относится к писарскому труду, вызывающему физическое изнурение и требующему огромного умственного напряжения, умения и таланта. Перефразируя известную поговорку — «до гетьманской булавы треба доброї голови», он ставит труженика-писца на высокий пьедестал,

Писарское дѣло, хоч то не цѣпом махать,
да голову горш цѣпа тяжко часом вертать.
Бо потреба, пишучи, всяко размышляти,
жебы яко наилучшей сенсов докладати.
Иж бо в людеи не было писмо згорштелно,
да жебы то было от всѣх похвалително.

---

¹⁹ Величковський І. Твори, с. 11.

І треба всякую рѣчь особно памятать:
 о яких дѣлах кажут ему в листах писать.
 І часом ся случает писати так трудно,
 же, аж не напившись горѣлки, то нудно.
 І треба до писанин частых присѣдѣнии,
 и к тому и очима з пълностью глядѣнии,
 І на вязы тяжко ест нахыляючися,
 и на персы и к столу опираючися.
 І часто может писар так попрацювати,
 же ся притрафляет ночи двѣ не поспати.
 Зачим до писарства, хоч не треба булавы,
 тылко ж еднак потреба доброй головы.
 За що треба вѣм всяких писарей хвалити
 и за тружданя оных горливе любити.
 И сей вѣршопис мѣет к писарям горливість,
 бо и сам там был, знает тую долегливост.
 І индѣ з казнодѣими писар братство мает,
 же посполу из ними писмом ся труждает ²⁰.

О техническом и материальном оснащении процесса переписки книг дают представление письменные источники, сохранившиеся миниатюры и гравюры. Пользовались гусиными перьями, а для нотных текстов — орлиными. В заметках русского книгописца-каллиграфа конца XVI — начала XVII в. сообщаются сведения о средствах, необходимых для «книжного строения»²¹, применявшихся и на Украине. Книгописец-каллиграф дает советы, как расщеплять, срезать, чинить перья для различных видов письма: «большему книжну», «мелку», «скорописному», «знаменну». Он рекомендует, какова должна быть в каждом случае длина расщепа и среза кончика пера и под каким углом, а также — куда должен идти скос — влево или вправо.

Автор проявляет известную изобретательность, предлагая некий прообраз современной авто- или шариковой ручки, которую надобно наполнить через полый верх чернилами «до верха и потом верхний конец наложить перстом вторым правая руки и писать страницу всю». Этот же автор учит, как сохранять долгое время чернила, чтоб они не были ни слишком густыми, ни слишком жидкими; как готовить «сухое чернило» (чернильный порошок) или «запасное чернило» (в брусках) и что нужно делать, если чернила не идут с пера или же наоборот — «аще ли сходит зело». Рецепты чернил, железистых или сажистых, раз-

²⁰ *Климентій Зіновійв. Вірші. Приповісті посполиті. К., 1971, с. 296—297.*

²¹ *Симони П. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописца при книжном и иконном строении: Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV—XVIII ст. М., 1906, вып. 1, с. 37—41.*

83
1242-24

водимых вином или пивом, как и рецепты киновари для заглавий, инициалов, заставок, дошли до наших дней из XVI—XVIII вв. и неоднократно приводились в научной литературе.

На Украине переписывались исторические сборники XVIII в. только на бумаге. Нам не встретилось ни одного случая использования пергамента. Бумагу разграфляли с помощью особой дощечки — тераксы.

При переписывании сборников, как исторических, так и литературных, применялась преимущественно скоропись, хотя полууставное письмо не ушло из практики переписчиков книг и в XVIII в. В палеографическом письме-скорописи начертание ряда букв отлично от современного.

Самым распространенным типом скорописи в первой четверти XVIII в. было письмо киевской школы, сложившейся еще в первой половине XVII в. и сохранявшее традиции старого украинского письма. Буквы киевской скорописи мелкие, округлые, одинакового размера, предельно четкие, без нажимов, расположенные в строке равномерно и свободно, в пропорциональном и плавном ритме. Округлые изгибы букв над и под строкой придают художественность этому письму. До середины XVIII в. задержалось на Украине так называемое новое киевское письмо, для которого характерна большая угловатость и вытянутость букв, что произошло под влиянием стиля польского и латинского письма. Со середины XVIII в. письмо на Украине заимствует из русской скорописи росчерки, нажимы, крючкова-тость. В последней четверти XVIII в. здесь утверждается российская скоропись того времени, сформированная под влиянием гражданского печатного шрифта, отличающаяся простотой начертания букв, написанием букв — *с* и *к* исключительно только как трех параллельных линий III , а буквы *в* — в виде квадрата $\square$.

Однако следует отметить, что с утверждением нового стиля письма прежний не исчез полностью, они еще долго сосуществовали параллельно. Носителями старой графики часто выступали пожилые люди, усвоившие ее, обучаясь в школе в детские и юношеские годы ²².

²² Об украинских школах скорописи см.: Каманин И. М. Главные моменты в истории развития южно-русского письма в XV—XVIII вв.: Палеографический сборник. Материалы по истории южнорусского письма в XV—XVIII вв. Киев, 1889, вып. 1, с. 1—19; Захарчишина П. І. Палеографічні особливості львівського письма XVI—XVII ст.— В кн.: Історичні джерела та їх використання. К., 1964, вип. 1, с. 189—194; Хомутецька З. С. Палеографічні особливості актових книг Кременецькіх судів XVI ст.— Там же, с. 195—209.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СБОРНИКОВ

В общей массе светских сборников, созданных на Украине в XVIII в., исторические сборники количественно намного превышают литературные. Смешанные литературно-исторические сборники встречаются как единичные экземпляры.

Среди исторических сборников определяются следующие их типы и виды, соответственно характеру создания и функциональной предназначенности.

Значительная часть сборников составлялась переписчиками для личных целей. Как правило, это были представители низов или средних слоев казачества, старшины, мещанства, крестьянства и духовенства, переписывавшие в сборники заинтересовавшие их произведения из печатных изданий и рукописных книг. Так, писарь Погарского сотенного правления Иван Рыбаковский в 1732—1733 гг. переписал в тетради с печатных изданий — «Синописис» — первый учебник истории Украины и России, изданный в 1680 г. и «Апокрисис» Христофора Филарета. Таким образом, он сформировал сборник в 290 листов, в котором «Синописис» размещался на листах 1—89. Сборник этот писарь создавал для себя, в чем убеждает запись по листам, в которой говорится, что его вдова Евдокия подарила эту рукопись, хранившуюся до этого в семье Рыбаковских, протопопу Петру Кибальчичу (311/688с).

Книги, переписанные на заказ или по заданию, составляют другой тип сборников. По заказу, очевидно, писались книги, к созданию которых приобщалось несколько человек. Некоторые сборники переписывало до полутора десятка человек (I, 202; VIII 149м/49). 26 почерков обнаружены нами в историческом сборнике 60-х годов XVIII в. (VIII 151м/51).

На полях сборников встречаются пометы заказчиков или старших писцов с распоряжениями переписчику. В смешанном сборнике с историческими произведениями (VIII 213м/52) на листе 53 старческим нетвердым почерком,

отличным от текстового, и другими чернилами помечено: «отсель писать». В других местах стоит слово «есть».

Немногочисленный, но чрезвычайно интересный тип сборников, создатели которых переписывали в них исторические произведения ни «для себя», ни на заказ, ни по заданию, а для других читателей, ставя перед собою явно просветительские цели, о чем, как правило, они сообщали в своих предисловиях к сборнику. Хотя переписчик, очевидно, сохранял такую книгу в своем владении, однако следует думать, он давал ее для прочтения и переписки другим.

Такой тип сборника, который переписывался для многих читателей с целью популяризации исторических знаний и распространения исторических произведений, представляет особенную источниковедческую ценность, поскольку переписчики в предисловиях излагали свои соображения о целях и методах написания исторического труда, а также о своем отношении к историческим событиям. Подобные прецеденты встречаются уже в предыдущем столетии.

Михаил Павлович Лосицкий, переписавший в 1670 г. Густынскую летопись, предпослал ей предисловие. В нем он высказывался о важности исторических знаний, призывал читателя популяризовать переписанное им историческое сочинение, особенно среди молодежи, доказывал необходимость документирования прошлого своего народа. История учит любить родную землю, писал этот просветитель XVII в. «Кождому челоѡковѡ читане гисторій есть барзо потребно, бо кгда би не описано и по свѣту не подано, зараз бы с тѡлом без вѣсти все сходило в землю, и люде бы, як у тмѡ будучи, не вѣдали, що ся прошлых вѡков дѣяло. Которую Кройнику, прочитавши, можешь подати до увѣдомления и протчим потребующим юнѣйшим» (309/540с, л. 85 об.).

Леонтий Боболинский в 1699 г. в Чернигове переписал хронограф украинской редакции и ряд исторических материалов, написав к ним предисловие — «Слово ко любимому читателю всякому». Переписчик рекомендует читателю самому внимательно и осмысленно изучить книгу, а затем ознакомить с нею неграмотных, очевидно, предполагая пересказ книги: «Любимый читателю, чти со всяким прилежанием и разсуждением, добро бо ест писмены, а не брашнами [все] насыщатися, да не токмо сам чтяй, но и прочим, незнающим писмене исповѣси и подаси во увѣдомлиніе, како имать господь бог чрез многия дѣла человеческия познатися и како всякая власть царей пребысть и еже когда, где и что событсся совершенно увѣси, и будеши пре-

мудр и смыслен о всѣх сих, иже обрѣтаются в книзѣ сей вещей и для чего имя имать в ней себѣ кройническое» (ф. 30, № 89, л. 12—20).

Войсковой канцелярист Григорий Покас в серединѣ XVIII в. переписал два исторических произведения (ГПБ, F.IV, № 812), дав этому сборнику название — «Двѣ гисторіи о казацком народѣ» и составил к нему предисловие — «К читателю», датированное им 20 января 1751 г.¹

Предлагая свою книгу «тобѣ, любомудрый читателю, для приятного препровождения нашего времени», Покас уверяет, что при чтении «безстрастно и внимательно рассуждая, всѣ обстоятельства онаго народа и великость их малороссійской націи ясно увѣдать возможете, и надѣяться, что желаніе, по которому мы о других народѣх охотно знать хотим, вас к прочтенію сѣх гисторій учинит склонных».

С еще большей определенностью просветительскую цель создания рукописной книги сформулировал другой переписчик этого же сборника, тоже войсковой канцелярист — Алексей Дзивович, скопировавший его через пять лет, в 1756 г. (НБ ХГУ, № 135с). Вслед за предисловием Григория Покаса Алексей Дзивович поместил свое вступление, в котором сообщает, что он переписал сборник Покаса «в точности», и далее поясняет, с какой целью: «Сіи гисторіи не толко достойны, ну и нужны, а паче полезны знанію челоуѣку, от рода в сих исторіях свое первобытіе и пребываніе имѣющему, для того списал не только собственно для себе, но ради всѣх, хто би не пожелал сих исторій

---

¹ Среди архивных документов отдела рукописей ЦНБ АН УССР нами обнаружена «Вѣдомость войскового товарища Григория Андреева сына Покаса, против формы учиненная 1772 году, сентября 30» (ф. XIV, № 4972, л. 58 об., 86). Из «Ведомости» явствует, что Григорий Покас «вступил в службу войсковую с начала 1737 года, а в 1738-м году пожалован войсковым канцеляристом, и с онога пожалован войсковым товарищем 1757 года. В заграничных военных походах 1737 и 1738 годов при арміи под командованием тогда бывшего генерал-фельтмаршала Минниха, а потом по званию войсковых канцеляристов в разных внутренних комиссиях бивал и десять лет во урядѣ войта погарского служил». «Крестян нет,— сообщает далее Г. Покас,— а имѣется из малороссян посполитого звания людей сем дворов полку Стародубовского, сотнѣ Погарской в деревнѣ Бугаевской». О своем семейном положении он говорит: «Женат на малороссійской дворянки. И двое синов от первого брака, в отставки от армии поручиками, живут на своей препитаніи». По данным В. Л. Модзалевского, второй женой Г. Покаса была дочь сотника Леонтия Галецкого, которая получила в качестве приданого дворян в этой деревне. Таким образом, сам Г. Покас принадлежал к малозажиточной прослойке казачества (Малороссійский родословник. Киев, 1908, т. 1, с. 235).

ползоваться. Списал войсковой канцелярист Алексей Дзѣвович 1756 году, ноября 15 дня»².

Создание подобных сборников само по себе является знаменательным историческим фактом, свидетельствующим о развитом общественном сознании, высоком уровне образованности и культуры лучших прогрессивных представителей войсковых канцеляристов.

Рукописные книги, состоящие из так называемых диариушей (дневников) и журналов, фиксировавших деятельность Генеральной войсковой канцелярии, можно условно также отнести к историческим сборникам. При создании диариушей предусматривалась их делопроизводственная функция. Однако будучи своеобразными документальными хрониками, которые делились по числам и месяцам, диариуши, как и журналы, включали часто в свой состав живые и темпераментные описания событий, не лишённые художественных достоинств, о фактах административно-политической жизни, судебных делах, о старшинских спорах за земли, о закреплении старшиною казаков и крестьян, о поездках гетмана и генеральной старшины в Москву и Петербург, о придворных церемониях и т. д. Зафиксированы в ряде случаев прямые высказывания известных исторических лиц. Одновременно некоторыми своими записями диариуши и особенно журналы приближаются к протоколам или же превращаются в собрания документов, поскольку в них вносились копии государственных и судебных материалов³. Эти объёмистые тома, которые создавались для служебных целей и хранились в Генеральной войсковой канцелярии, не были доступны широкому кругу читателей. Однако отдельные документы и «журналы» попадали, очевидно благодаря войсковым канцеляристам, в другие исторические сборники. Одновременно следует подчеркнуть большую источниковедческую ценность диариушей.

В отделе рукописей ЦНБ АН УССР сохраняются сборники с диариушами за 1722—1723 гг. (I, 66720), за 1727—1731 гг.— два тома: за 1727—1728 и 1729—1731 гг. (I, 53762, Лаз. 13,1) и за 1750 г. (I, 53764—I, 53968), форматом в лист, объёмом в 400—600 и более страниц, создателями

---

² В деле с «Ведомостью» Покаса имеется упоминание от 1772 г. об Алексее Дзивовиче. Его называют в это время абшитованным (в отставке) полковым судьей, служащим в экономии графа Румянцева (XIV, № 4972, л. 25).

³ Горобець В. І. Діариуші — визначні пам'ятки української писемності XVIII в.— Історичні джерела та їх використання, 1972, вип. 7, с. 102—114.

которых было не менее 10 человек войсковых канцеляристов.

Большинство переписчиков, в том числе и канцеляристы, не ставили своих имен. Одним из редких исключений могут служить имена двух писцов в диариуше за 1722—1723 гг. (I, 66720). На 19 листе канцелярист Филипп Борзаковский сам назвал себя «писателем сего диариуша». Его продолжал с марта 1723 г. другой канцелярист — Павел Ладинский, отметивший свое авторство в акростихе:

Планет княжич небесных мѣсяц март начася,
Когда сей діаріуш мнѣ писать казася,
А именно о всяких дѣлах общих, знатных,
Монарших и войсковых, тайных и приватных,
Во время правления, по между гетманством.
• • • • •
Діаріуш сей писать и аки в зеркаль
Кратко а раздумливо пишемся зріти.
Да бодрость и охоту ко тому ж імѣти,
Імѣти и искусство и вежливость знати,
Як і в якій что сим и почем писати ⁴.

Людей, имевших соприкосновение с рукописной книгой, издавна делили на две основные категории — «создателей» книги, т. е. авторов и переписчиков, а также — ее читателей, в том числе и владельцев-читателей. В сборниках чаще, чем в других видах рукописной книги, происходило слияние этих лиц.

При установлении конкретных особ, имевших отношение к созданию сборников, встречаемся с большими трудностями, проистекающими из анонимности подавляющего числа этого вида рукописной книги. В общей массе выявленных исторических сборников едва ли можно насчитать больше десятка книг, в которых зафиксированы имена создателей и их социальное положение. Встречающееся на страницах некоторых сборников глухое упоминание только одного имени, без сопровождающих данных, с одинаковым основанием может быть отнесено к создателю, владельцу или читателю. Установить идентичность почерков текста и подписей затруднительно, поскольку в подписи деформируется привычное и типическое начертание букв.

В этой ситуации необходимы косвенные данные, раскрывающие хотя бы частично личность создателя сборника,

⁴ Некоторые части текста из этого сборника опубликовал А. М. Лазаревский в кн. «Отрывки из дневника гетманской канцелярии за 1722—1723 гг.» (Киев, 1897); стихотворение Павла Ладинского частично приводит В. С. Иконников (Опыт русской исторнографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1572).

его социальное и служебное положение, общественные и политические взгляды. Текстологический и языковой анализ представляет данные о национальной принадлежности переписчика. Наиболее характерными особенностями является прочтение украинцами *ѣ* (ять) как *i*, произносившееся в русском языке как *e*. Переписчик мог писать одно слово в двух-трех вариантах, например — «всѣ», «всі», «вси». Также часто в этот переходной период становления украинского литературного языка, когда еще окончательно не оформились грамматические нормы, мягкое *и* заменялось твердым *ы*.

Частое употребление буквы *ы* особенно было присуще украинскому книжному языку XVIII в. — «нево*лы*», «о*пы*сание», «*мы*р», «*Лы*тва», «*сты*хи», «*вы*дят», «лю*бы*тель», «срав*ны*л», «*ны*м» и т. д. Украинские переписчики в глаголах прошедшего времени мужского рода писали окончание — *в* (в русском *л*), например — «ход*ыв*».

О национальной принадлежности свидетельствует широкое использование собственно украинской лексики, замена ею церковнославянизмов и одновременно более частое, чем в русских текстах, употребление латыни и польских слов.

Кроме того, в зависимости от социального, общественного и служебного положения переписчика текст приобретал отличительные особенности, например — трафаретные канцелярские обороты и штампы, если переписчик принадлежал к числу профессиональных писарей, или религиозную фразеологию, если он был представителем духовенства. Демократические слои населения при переписке особенно активно привносили элементы живой разговорной народной речи.

Исторические рукописные сборники дают богатый материал для наблюдений над процессом формирования украинского литературного языка XVIII в., когда происходила постепенная замена его книжной основы народной. В сборниках отразилось интенсивное проникновение живого народного языка в староукраинский книжный язык, особенно усилившееся к концу XVII в., а также проявилась специфика фразеологии светской исторической украинской рукописной книжности и ее отличие от деловой актовой письменности и церковно-славянских текстов.

С помощью текстологического анализа получаем также данные для оценки таких сторон личности переписчика, как уровень его образования, широта эрудиции и даже — степень одаренности.

В связи с этим переписчиков сборников следует прежде всего разделить на две категории. Одни выполняли эту работу, очевидно, по заказу, делали ее совершенно механически, ничем не выражая своего отношения к тексту. У них мы не встречаем абсолютно никаких записей, помет. Ошибки и опiski носят иногда такой характер, что явно свидетельствует о неосведомленности переписчика, его невнимательности. О механической переписке говорит следующий факт. В сборнике с двумя историческими произведениями, который создавали 11 писцов (I, 202), второй переписчик, не особенно вникая в смысл, фразу «швед, вступивши в Польшу, короля польского Августа Второго з королевства сгонил» — прерывает на середине и начинает новый абзац со слов «Августа второго», считая, что это дата (л. 119). Невысокий уровень образованности, неосведомленность в истории проявляется в ошибочном написании имен исторических деятелей, например, «Іедин» вместо «Гедемин» (в ряде списков написано «Гедим», в том числе и наиболее раннем, послужившем основой для издания Летописи Грабянки), «Якчемо» вместо «Ягайло» и т. д.

Однако наряду с подобными переписчиками исторических сборников существовали (и их было большинство) образованные создатели рукописной книги, владеющие значительными познаниями в истории, литературе и др. Как можно предположить, они обучались в Киевской академии, знали латынь, некоторые европейские языки. Переписку они осуществляли квалифицированно, проявляя нередко и литературную одаренность. По ряду признаков можно сделать вывод, что эта категория сборников создавалась прежде всего «для себя».

Так, переписчик сборника, содержащего историческое сочинение — «Краткое описание Малороссии», а также документы (I, 839), проявляет должную эрудицию. Все говорит о том, что текст переписывался им не механически. Отклонения от наиболее раннего списка только улучшают его, не нарушая смысла, придавая ему эмоциональную окрашенность. Иногда заменяя при переписке отдельные слова или фразы, переписчик подбирал соответственно более яркие выражения. Создателя этого сборника отличает знание исторической терминологии, а также раскованность изложения.

Для переписчиков данной категории вообще характерно активное, творческое отношение к тексту. Они исправляли ошибки своих предшественников, сокращали текст, излагая некоторые места более сжато, изымали религиозную

фразеологию, модернизировали язык. Вторгаясь в текст, они вносили дополнения, которые последующие переписчики включали в свой список. Таким образом, эти дополнения превращались в интерполяции и глоссы.

Особенностью сборников, созданных на высоком профессиональном уровне, является наличие, иногда в большом количестве, записей переписчиков на полях, приписок в начале и конце книги, а также отдельных помет, что свидетельствует об активном, творческом отношении к процессу переписки. На поля выносились заголовки к тематическим частям текста в виде цитаты, пересказа события или даже обобщения и оценки.

Таким образом, активное, творческое отношение переписчика к тексту ставит его в положение не простого копировщика, а своеобразного соавтора.

Изучение сборников показывает, что в процессе создания текста существовал этап проверки скопированных материалов или, как мы сейчас говорим, производилась вычитка текста. Это делал прежде всего сам переписчик, о чем свидетельствуют исправленные, дописанные его рукой слова. Иногда ошибочное слово он брал в скобки, а правильно написанное выносил на поля. Иногда с целью сохранения эстетического внешнего вида рукописи, переписчик наклеивал полоски бумаги с аккуратно написанным исправленным словом.

В ряде сборников исправления и дописки сделаны не рукой переписчика, а кого-то другого, позже написания рукописи. Возможно, их делал заказчик или кто-либо по его указанию, а возможно, и читатели при чтении рукописи. Такие исправления иногда перерастали в редакторские правки. Исторический сборник, включающий «Краткое описание Малороссии», переписанный со множеством ошибок, в ряде случаев даже искажающих смысл (I, 203), несет на себе следы правок, сделанных другим почерком. Сравнительное изучение различных списков «Краткого описания Малороссии», в том числе и опубликованного, позволяет сделать вывод, что в данном случае эту своеобразную редакторскую работу выполнял образованный человек, знающий историю Украины. Он вносил смысловые правки, свободно читая текст, а также исправляя орфографию и синтаксис, в частности, возвращал украинское правописание и произношение там, где *ѣ* переписчик переделал на *e*. Например, «Хотен» у переписчика редактор исправил на «Хотин» (л. 4 об.). В именах первые буквы редактор исправлял на заглавные, расставлял знаки препинания.

Таким образом, в число создателей сборников нужно включать не только заказчиков и переписчиков, но и редакторов.

Датировка сборников сопряжена с такими же большими трудностями, как и их именная атрибуция. Время создания сборников только в единичных случаях определяется на основании прямых, непосредственных данных, которые возможно получить из предисловия, послесловия, записей писца, владельца, читателя. Большой частью дату приходится устанавливать предположительно — половина или четверть века, десятилетие — по косвенным данным: палеографическим признакам, филиграням, текстологическим особенностям. Привлекаются также косвенные сведения из самого текста и записей на книге. Вскользь высказанные и зафиксированные по различным поводам замечания переписчика, владельца, читателя при анализе дают некоторые результаты, как и сопоставление их с датировкой произведений и материалов, входящих в состав сборника. Сведения о времени написания материалов, являющихся частью сборника, и косвенные данные помогают установить крайние даты, в пределах которых один из этапов может быть связан с созданием сборника. Разумеется, установленное таким образом время создания сборника имеет приблизительный характер, но тем не менее представляет возможность утверждать — «не позднее», «не ранее».

Так, например, одну крайнюю предположительную дату можно назвать для смешанного литературно-исторического сборника (ДА/п479). Среди скопированных писем исторического содержания некоторые обозначены датами в пределах 1735—1778 гг. Таким образом, в этом случае можем утверждать, что сборник составлен не ранее 1778 г. Материалы исторического сборника (VIII 151м/51), связанные с путешествием императрицы Елизаветы Петровны в Киев и избранием последнего гетмана Украины — Кирилла Разумовского, имеют самую позднюю дату — 1750 г. Следовательно, сборник переписан не ранее 1751 г. В историческом сборнике (ГБЛ, ф. 173, № 97) на полях нами обнаружено такое замечание переписчика: «Лет уже 135 унії». Делаем вывод, что одна из составных частей переписана в 1731 г. и сборник ранее этого срока не мог быть создан.

Составная рукопись — конволют представляет особый вид сборника, характерным признаком которого служит одновременность переписки входящих в его состав произведений. Однако и составные сборники имеют свои

разновидности. Создание сборников, под переплетом которых соединялись рукописи различных дат, производилось как бы в один прием. Вместе с тем, несколько известных нам сборников сформировались в два и больше этапов. Нарращивание объема дополнительными произведениями осуществлялось несколькими лицами и на протяжении очень длительного периода, растягивающегося иногда на многие годы. Так, например, книга, переписанная Леонтием Боболинским в 1699 г., была дополнена еще одним произведением через столетие.

В пределах одной семьи казацких старшин Дворецких представителями ее разных поколений создавался сборник в течение 150 лет. Эта книга размером в четверть листа, объемом в 186 листов, очень сложного состава — с «Лѣтописцем» и отдельными летописными заметками, выписками из хроник, пословицами, афоризмами, изречениями, орациями, средневековыми переводными религиозными произведениями и т. д. — писана несколькими почерками украинского полуустава и скорописи (ГПБ, Q, XVII, № 220). Почти через сто лет потомок первых создателей сборника Василий Иванович засвидетельствовал в своей записи на нижних полях по листам (119 об., 121—123, 125—131, 133—146): «Сія книга лѣтопис, с дѣдов и іс прадѣдов соченена фамиліев Дворецких, и нинѣ находітся в господини Дворецкого Василя, значкового товариша; должность на его возній подкоморскій повѣту Остерского. Василь Дворецкий. Се замѣтки писаны 1770 году июля 8». В конце стоит значок, удостоверяющий, что данная запись — автограф Василя Ивановича Дворецкого.

Его дед — киевский полковник Василий Федорович Дворецкий, очевидно, был автором «Лѣтописца», который начинается 1340 г. (л. 12), однако изложение несколько раз прерывается записями афоризмов и других текстов. Наиболее интересным является рассказ о событиях 1647—1672 гг. (л. 16—31), явно основанный на личных впечатлениях и включающий подробные данные о В. Ф. Дворецком. Освещается повсеместная присяга украинского населения после Переяславской рады 1654 г. на верность русскому государству: «по всѣх мѣстах, всѣ люде, так козаки, яко и посполитый люд», в том числе и «в Киевѣ генваря шестнадцатого дня боярин Василий Васильевич Бутурлин присяги козаков и мещан слухав. Козаки присягали у Воскресенія господня, а мещане з посполством всѣм у соборной церкви пресвятой Богородици, на рынку умурованой» (л. 19).

Автор дает самые резкие отрицательные характеристики гетманам — отступникам от решений Переяславской рады: Иван Выговский — «собака», «всѣй Украинѣ изводитель и згубца»; Павел Тетеря — «большой згубца и разорител всей Украинѣ, одной мысли из Выговским Ивановом» (л. 20, 23).

В. Ф. Дворецкий вместе с семьей подвергался преследованиям со стороны гетманов Ивана Брюховецкого и Петра Дорошенко, принявших турецкий вассалитет. «Жону и дѣти утративши и всѣ набытки своі», — пишет В. Ф. Дворецкий в «Лѣтописце». Его жена и дети находились полтора года в заточении в Каневе. Он освободил их с оружием в руках (л. 20, 21 об., 24). Иван Брюховецкий сбросил В. Ф. Дворецкого с полковничества, а Петр Дорошенко заключил в чигиринскую тюрьму, где он более года сидел «у кайданах окованный, заедно з воеводами царскими». В. Ф. Дворецкий бежал из тюрьмы в Батурин, а в 1669 г. «з малым сином своим Юрасем» уехал в Москву, откуда «из грамотою назад вернулись» (л. 26 об.).

Имеется еще несколько маргиналий, связанных с Дворецкими. На обороте 58 листа записан реестр выделанного пива и кваса для Иоанна Дворецкого, а на обороте 62 листа говорится о кончине в январе и апреле 1654 г. двух представителей этой семьи — Иоанна Васильевича, киевского полкового судьи⁵ и его сына «в молодых лѣтах» Петра, который был похоронен в Лавре. Другими почерками конца XVIII в. на верхних полях листов 22—26 записано: «Собственная Ивана Дворецкого. Зосталася от прадѣда его Дворецкого... внуку Федору, да дается ему спасенія». На л. 11 об. запись о землетрясении 31 мая 1738 г.

В связи с рассмотрением вопроса о датировке сборников может возникнуть вопрос и о продолжительности их переписки. Однако установить это в каждом конкретном случае, как и определить общие средние показатели по преимуществу невозможно. Различен объем сборников — от десяти до многих сотен страниц, а также их формат — в лист, в четверть листа, восьмую его часть. Безграничны индивидуальные особенности переписчиков в быстроте и темпах письма. Наряду с книгами, переписанными одним лицом, имеются сборники, в создании которых принимало участие несколько десятков человек. Они могли писать од-

---

⁵ По данным В. Л. Модзалевского, он был сыном киевского полковника Василия Федоровича, владел селом, двумя хуторами и двором в г. Остре (Малороссийский родословник, с. 340).

новременно в разных тетрадях или последовательно один за другим. На протяжении дня могло уделяться переписке различное количество времени, так что число дней не может служить мерилom ее темпа. По всей видимости, определенных норм для переписки одного сборника не существовало.

Ни в рукописных источниках, ни в литературе нами не обнаружено сведений о темпах письма на Украине в XVIII в. Учитывая схожесть условий книгописания в России и на Украине, можем привести сообщение русского источника XVIII в. о времени, затрачиваемом на переписку одной тетради, хотя, возможно, и несколько в преувеличенном виде, в связи со специфическим назначением этой информации. Мастер наставляет ученика — на каких именно условиях следует подражаться на работу по книжному письму: «Сеж ти учение книжного писма. На люди не пиши. А почнет хто приговарить, и ты от часовничной тетрати менши алтына не возми, потому в два дни тетрат, скажи, едва написат, масло и свечи горят, и на чернило натягивай, на хлеб и на вологу, было б чем дѣло сподобляти»⁶.

Обобщая прямые и косвенные данные о датировке выявленных светских рукописных исторических сборников, созданных на Украине, можем сделать вывод, что во второй половине XVIII ст. их было сделано в пять раз больше, чем в первой половине этого века.

Украинское книжное письмо XVIII в. имело свою специфику. Однако графика поздней книжной украинской письменности еще не послужила предметом изучения палеографической науки. Исследовательские работы, в том числе и последних лет, посвящены палеографии деловой, актовой письменности XVI—XVIII вв. В то же время сборники XVIII в. представляют богатейший материал для изучения письма на Украине в это время.

Полуустав задержался в украинской книжности до начала XIX в., и в этом ее отличие от актового письма. Из деловой документации полуустав исчез еще до XVIII в., за исключением царских грамот и других торжественных актов.

Переписчики книг отдавали явное предпочтение парадному и каллиграфическому почеркам. Создание рукопис-

---

⁶ *Симони П. К истории обихода книгописца, переплетчика...*, с. 161.

ной книги, переписывание в сборник исторических и литературных произведений — это было не обыденным явлением, а выдающимся фактом духовной жизни. Он требовал соответствующего оформления. Употребляя парадный почерк, переписчик рассчитывал на определенный эстетический эффект, и его графика отличалась артистизмом, тонким вкусом. Особенно изысканно, четко и тщательно вырисовывались буквы писцами киевской школы. Буквы писались отдельно, ровной линией, почти без наклона. Высота букв равнялась их ширине, так что они могли вписаться в идеальный квадрат. Части букв, выступающие над верхней и под нижней линиями строки в виде изящных полукружий и петель, придают ритмичность тексту страницы. Однако эстетическое оформление текста в лучших образцах письма сборников достигалось не только начертаниями (размерами и пропорциями) букв, но и продуманным, соответствующим расстоянием между строками, размерами полей, которые иногда очерчиваются со всех четырех сторон. В результате текст страницы помещался, в сущности, в рамку.

Имеются рукописные книги, в которых подобные рамки на каждой странице были украшены орнаментом. Каллиграфический почерк, как и парадный, отличался максимальной разборчивостью букв. Иногда (более всего в заголовках) для украшения употреблялись архаические формы букв, а также декоративное письмо-вязь.

Именно красота и максимальная разборчивость отличают графику сборников от графики деловой письменности, особенно черновиков последней. Для переписчика сборника наличие черновика исключалось. Его роль исполнял источник — рукописное и печатное произведение, которое копировалось. В противоположность документальному письму книжная графика не допускала упрощения форм и сокращений, за исключением общепринятых титлов.

Однако и при переписке книг в ряде случаев присутствовал фактор быстроты, особенно при составлении исторических сборников большого объема. Они переписывались, как правило, четким, но скромным, сдержанным, функциональным почерком, а иногда и очень неразборчивым, небрежным.

Таким образом, мы не можем говорить о всеобщей однотипности графики письма сборников XVIII в. При наличии основных черт и главной тенденции существовало разнообразие ее форм и почерков. Последнее обстоятельство определялось и различиями школ украинского письма, ко-

торые также значительно дольше задержались в книжном письме по сравнению с документами, а кроме того — индивидуальными особенностями, возрастом и психологическим состоянием писца в момент переписки.

Пестроту почерков можем наблюдать в отдельных сборниках, переписанных несколькими лицами. Одни переписчики писали просто, небрежно; другие — каллиграфически; третьи — приближались к полууставному письму; четвертые — оформляли текст парадным почерком. Ярким образцом подобного разнообразия графики письма может служить исторический сборник, переписанный 26 почерками (VIII 151м/51).

Почерк второго писца (л. 7—15) выделяется особой красотой и четкостью. В идеально ровных строках каждая буква, напоминая печатную, вписывается в квадрат, так что в данном случае можно говорить о полууставе. Рядом с ним очень небрежный почерк, выдающий большую поспешность.

В таких сборниках с различными почерками можно отметить последовательность и очередность в переписке, хотя часто встречаются и повторения почерков. Исторический сборник (I, 581, 593) переписывало два писца, но они все время чередовались после копирований одной — трех страниц.

В отношении объема переписанного материала каждым писцом мы должны отметить отсутствие какой-либо системы и пропорции. Создатели сборников не следовали старинным традициям переписки книги по тетрадам. Одиннадцать почерков, идущих последовательно, выявлено в историческом сборнике (I, 202). На каждый почерк пришлось количество страниц (соответственно сменяемости почерков) — 9, 15, 8, 3, 2, 9, 13, 2, 5, 1, 10, 1,5. При этом не только в середине, вверху, в конце страницы один переписчик сменял другого, но и в середине фразы. Такая же картина наблюдается и в другом сборнике с 15 почерками (VIII 149м/49).

Для украинского книжного письма XVI—XVIII вв., соответственно церковнославянскому языку, характерной особенностью являлось наличие надстрочных знаков или, как их называли тогда, — «знамения книжного писания», «письмена вымолвные» или «тоносы». Они имели вид греческих прасодий и ставились над гласными: оксия (полукружье с ударением), вария (ударение), камура (полукружье), а также над согласными — паерик (птичка), заме-

няющий гласные *ѣ* и *ь*⁷. Вопрос о значении этих знаков в украинском языке XVIII в. до сих пор специально не исследовался.

Кроме просодий в украинском письме прослеживаются присущие ему два надстрочных знака. Камура (полукружье) с точкой над *и* во втором издании *Летописи Самойла Величко* и в третьем издании *Летописи Самовидца* определяется как йотированный звук, который в современном украинском языке обозначается буквой *ї*⁸.

Почти постоянно употребляемая точка над *и*, как прослежено нами, обозначала твердость, т. е. указывала на то, что украинцы в XVI—XVIII вв., как и в современном языке, всегда произносили *и* твердо. Неоднократно можно наблюдать, как один и тот же писец в одном и том же слове, но в разных местах текста мог писать или *и* с точкой или *ы*, например, полковник — полковнык.

В первой половине XVIII в. надстрочные знаки еще очень четко просматриваются не только в рукописных книгах, но иногда и в деловой документации. Во второй половине века они употребляются уже и в книжном письме менее последовательно. С утверждением русской системы письма в учреждениях Украины в самом конце XVIII в. надстрочные знаки исчезают⁹.

При сравнении письма исторических и литературных сборников заметно, что последние почти все тщательно готовились. Среди литературных сборников, как правило, небольшого объема и формата, мы почти не встречаем небрежно, поспешно составленных, за исключением редких

⁷ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке.— В кн.: Исследования по русскому языку. Спб., 1895, т. 1, с. 994.

⁸ *Величка Самійла*. Сказаніе о войнѣ козацкой з поляками. К., 1926, с. XVI; *Літопис Самовидця*. К., 1971, с. 41.

⁹ В данной работе в приводимых цитатах из сборников надстрочные знаки опускаются. Йотированный звук, изображавшийся в украинском языке XVI—XVIII вв. с помощью полукружья с точкой, передается современным написанием, т. е.—*ї*, как это было осуществлено в изданиях летописей *Величко* и *Самовидца*. Встречающееся в рукописях *ї* обозначало тогда современное украинское *і* (русское *и*), поэтому оно таким образом и передается в цитатах данной работы. Буква *є* из рукописей передается через *e*, хотя, очевидно, они имели некоторое отличие в произношении (*e* произносилось более твердо). Однако *є* встречается только в некоторых рукописях. В остальном текст цитат воспроизводится полностью, соответственно оригиналу. При чтении цитат следует учитывать, что украинцы *ѣ* произносили преимущественно как звук *і*, а букву *и*, как и в современном языке, всегда, твердо.

случаев черновых вариантов, а также некоторых песенников.

Каждый из рукописных исторических сборников при всей общности присущего им книжного письма, представляет собой неповторимый образец своеобразного графического памятника. В то же время выявленные рукописные сборники XVIII в. могут послужить источником для изучения эволюции и изменений графических форм письменности на протяжении столетия. С другой стороны, определение этих форм является инструментом для атрибуции рукописных сборников и установления времени и места их написания.

Хотя исторические сборники в своей массе оформлены, за исключением графики текста, более чем скромно, в них нередко даже заглавия разделов написаны обычной скорописью, только бóльшего размера, однако отдельные переписчики стремились все же как-то разнообразить сплошной скорописный текст, занимающий десятки и сотни страниц. Они пытались имеющимися в их распоряжении ограниченными средствами приукрасить сборники. Заглавия не только всего произведения, но и его разделов, брались в рамки и писались жирным шрифтом, с нажимами, уставным почерком или вязью. На мачтах букв рисовались различные точки, волнистые линии, применялась штриховка и т. д. Употреблялась киноварь для заголовков, инициалов, больших букв. Главы заканчивались колофоном, а внизу вырисовывались спирали, банты, узлы и т. д. Все указанные приемы, кроме украшения рукописи, имели еще функциональное назначение — выделить главы, облегчить чтение.

В единичных случаях встречаем выполненные чернилами традиционные заставки — прямоугольники с вазами и букетами, инициалы в рамках с орнаментальным фоном упрощенной композиции.

Переписчик исторического сборника с двумя произведениями (I, 6490) сделал не совсем искусную попытку обогатить его оформление. Название первого произведения он разместил на заглавном листе и его обороте, в обоих случаях помещая в рамку, которая очень напоминает издание «Апостола» первопечатника Ивана Федорова. Штриховкой пером отненены колонны, их постаменты и капители, изображен фриз, вмонтирована орнаментовка листьями. Заставки и инициалы также выполнены штриховкой и заполнены орнаментом — ветками со стилизованными цветами, листьями, виньетками. В одном случае оставшееся пустое

место на странице заполнено изображением круга. Сам текст названия выполнен частично вязью, также с использованием штриховки.

Подтверждением нашего предположения о введении элементов художественного оформления именно переписчиками могут служить те сборники, которые копировали несколько человек. Большинство из восьми переписчиков исторического сборника (I, 164) не применяло никаких украшений, хотя писали парадным почерком. Правда, первый и пятый — заключали отдельные страницы в рамки. В то же время третий и четвертый — даже не очерчивали поля. Второй писец, переписавший менее 10 листов (л. 43—50) сугубо функциональным почерком, сделал неумелую попытку изобразить пером заставку над вырисованным им крупной закрашенной вязью заглавием. Он начал и не закончил монтировать в прямоугольник стилизованные листья. В другом заголовке переписчик в букву *o* врисовал человеческое лицо.

Подобную картину наблюдаем еще в одном историческом, упомянутом выше сборнике, содержащем 26 почерков (VIII 151m/51). Из 26 писцов только трое сделали попытку приукрасить свой труд. Первый переписчик в букву *o* также штрихами врисовал человеческое лицо. Один инициал он оформил колокольчиками. Некоторые буквы у него имеют вид змеи, а к некоторым пририсовываются листочки (л. 1—6). Третий писец (л. 16—17) врисовывал в букву и между буквами заголовков ромбы и цветы. Владелец двенадцатого почерка написал заголовок жирным шрифтом, большая буква у него фигурная, а текст он кончил колофоном. Здесь можно наблюдать определенные параллели с традициями оформления старинных рукописей XV—XVI вв. Его примеру подражали остальные писцы, владелец пятнадцатого почерка завершает свой текст не только колофоном, но и большим спиралевидным росчерком.

Однако подобное введение элементов украшения в оформление исторических сборников может быть только исключением. В то же время для литературных сборников как рукописных книг, связанных непосредственно с искусством, это — почти правило. Прежде всего, обильно употреблялась киноварь для заголовков, подзаголовков, инициалов, больших букв.

Среди тех немногочисленных обложек исторических рукописных сборников, которые определенно относятся ко

времени создания сборника, преобладают картонные переплеты с кожаными корешками и углами. Есть несколько экземпляров, целиком обтянутых кожей. Единичные рукописные сборники XVIII в. с переплетами на деревянной основе, имевшей, как известно, повсеместное распространение до конца XVII в., получили эти обложки, очевидно, из прошлого столетия.

Для изготовления обложки использовались, по давней традиции, обрывки и обрезки книг, листы старых документов, письма. Если обложка — ровесница сборника, то такие, несомненно, более ранние, чем рукопись, письменные памятники могут помочь в определении даты и места создания ее. Кроме того, они могут представлять интерес как исторический источник¹⁰.

Переплет литературных сборников, также как и общее оформление, богаче и разнообразнее исторических. Создатели литературных сборников заботились о внешней красоте рукописной книжки. Примером может служить авторский сборник двух стихотворных трактатов харьковского казака Семена Климовского, датированный 1724 г. Этот сборник в одинаковой мере можно считать и историческим, т. к. входящие в его состав произведения, хотя и имеют стихотворную форму, но также являются памятниками исторической мысли, поскольку автор рассуждает о государстве, об исторической роли отдельной личности, о монархе и т. д.

Свое сочинение он предназначил в дар Петру I, о чем поэт информирует в специальной записи (БАН, 2. 17.49). Поэтому Климовский постарался оформить книгу (форматом в лист) роскошно и с большим вкусом. Первый лист украшен узорами, выполненными пером. Обложка обтянута шелковой тканью.

В некоторых исторических сборниках утрачены начальные, последние и даже листы из середины. При отсутствии первоначальной пагинации в этих случаях мы не в состоянии восстановить то количество листов сборника, которое было при его создании.

---

¹⁰ Вопрос об извлечении из переплетов отрывков рукописей, имеющих историческое или историко-литературное значение, в свое время поставлен В. И. Малышевым в статье: Старинные переплеты и рукописные находки.— Русская литература, 1960, № 4, с. 188—190; см. также отклики на эту статью В. Адриановой-Перетц, Д. Альшица, Д. Лихачева, В. Люблинского, А. Назаревского, Н. Розова: По поводу сообщения В. Малышева «Старинные переплеты и рукописные находки».— Там же, с. 207—209.

Правда, нам встретился факт закрепления первичной нумерации страниц в более поздней, но близкой ко времени создания историко-документального сборника записи, которая помещена в конце текста и которая гласит: «Всѣх листов сорок семь. Своеручно подписал Пресв. Богородицы Успеніа Елецкаго Черниговскаго монастыря правитель и святителя Николая Котащинскаго монастыря игумен іеромонах Константин»¹¹. Эта именная подпись дает возможность также датировать саму запись в пределах трех лет, поскольку Константин был правителем Черниговскаго монастыря в 1754—1757 гг. А сборник можно датировать в пределах трех десятилетий, так как последний приводимый документ — указ Петра I — относится к 1727 г., ранее которого, естественно, книга не могла быть переписана.

---

¹¹ *Лилеев М. И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. Спб., 1880, № 111, с. 87.

Состав исторических сборников и их читатели на Украине

СОСТАВ СБОРНИКОВ. ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Сборники XVIII в. представляют большую ценность именно своим составом, подбором произведений многих жанров и видов.

Изменения идейного и тематического содержания произведений, входящих в состав сборников, и модификация самого их состава соответствуют этапам развития украинской письменности на протяжении XVIII в.

В это время происходит процесс постепенного освобождения идеологии от полного господства религии, отразившейся в «омирщении» письменности, а также процесс демократизации литературы, на которую огромное влияние начинает оказывать народное творчество. Из исторических сборников почти полностью исчезают произведения религиозно-нравоучительного содержания. В рукописных книгах появляются бурлескно-трагедийные вирши, пародирующие церковные службы и религиозные сюжеты; сатирические произведения острой социальной направленности; исторические стихотворения общественно-политического звучания.

Создатели исторических сборников XVIII в. включали в них произведения не только этого столетия, но и предшествующего. В этих сборниках отразился, в частности, длительный и сложный процесс перерастания летописей в обобщающие, сводные исторические труды и исторические повести. Со середины XVII в. в украинской светской письменности начинается выделение историографии в качестве ее особого жанра. Это было результатом подъема освободительной борьбы и роста национального самосознания в XVII—XVIII вв. Составитель сборников XVIII в. уже не переписывал древние летописи, а проявлял интерес к таким сочинениям прошлых времен, которые были высшей степенью по отношению к летописям и несли в себе

элементы исторического синтетического труда, получившие развитие в XVIII в.

Состав сборников находился в прямой и живой связи с читательской средой, чутко реагируя на все ее изменения. У истоков формирования каждого сборника лежит определенная идея, замысел. Отбор произведений и особенно их компоновка отражают социально-политические интересы, а также общественные и литературные вкусы создателя сборников. Характеристика индивидуальных интересов и вкусов отдельного читателя, отразившихся в репертуаре сборников и в читательских пометках, чрезвычайно важна для освещения всей читательской среды в целом. Изучение же вопросов общественной идеологии и социальной психологии невозможно без оценки читательских интересов рукописной книжности XVIII в. Переписка одного и того же произведения в составе многих сборников свидетельствует о его популярности, а также характеризует читательскую среду. В составе исторических сборников нашла отражение все возрастающая заинтересованность различных социальных слоев украинского общества XVII—XVIII вв. в исторических знаниях и особенное внимание к истории своего народа.

Не только сборники, но и произведения, входящие в них, в подавляющем числе анонимны, что в XVIII в. являлось отдаленным отголоском средневековой традиции безымянности литературы. Однако они не были безличностными. Этот личностный момент выразительно и открыто проявился в некоторых исторических произведениях переходного периода от средневековья к новому времени. Автор, хотя и не оставлял имени, однако декларировал свою общественно-политическую позицию, излагал свою историческую концепцию, раскрывал лабораторию подготовки своего труда — в предисловии, отступлениях в тексте, в пометах на полях, а также в прямых обращениях к читателю. Частично унаследованные, быть может, от проповеднической литературы XVII в., эти авторские заявления наполняются новым содержанием при традиционном предназначении: автор стремится установить контакт со своим читателем.

Анонимность произведений в сборнике иногда вызывалась и тем, что переписчики, даже при наличии имени автора в оригинале, с которого они списывали, не всегда считали нужным переносить его в свой список. Особенно это характерно для первой половины XVIII в. Со середины столетия, когда в сборники активнее привлекаются копии

с печатных изданий, где имя автора, как правило, присутствует, анонимность произведений в составе сборников уменьшается, хотя и не исчезает совершенно.

Некоторые произведения после переписки или издания приобрели псевдонимы. Так, очевидно, без достаточных оснований «Синописис» был приписан Иннокентию Гизелю. Следует учитывать и такую ситуацию, когда автор XVIII в. скрывал свое имя из цензурных соображений.

Поэтому анализ состава сборников также едва ли сможет помочь в установлении имени их создателей, однако изучение содержания сборника нередко предоставляет нам возможность определить социальную и национальную принадлежность его составителя.

Среди немногочисленных сборников XVIII в., в которых указано имя переписчика, выделяется группа, где переписчики, а в данном случае они же и составители сборников, продолжали и развивали начатое авторами переписываемых ими произведений общение с читателем. Формой такого общения в сборниках XVIII в. были предисловия переписчиков и составителей сборников¹. В этих предисловиях они сообщают свои имена и социальное положение, а также говорят о побуждениях, которыми каждый из них руководствовался, приступая к переписке книги. Иногда переписчик называет и цели (в основном просветительские), преследуемые им при создании сборника. Свои обращения к читателю переписчики писали также и на полях, стремясь обратить его внимание на особенно значимые места в тексте. Следуя традиции, они использовали «политесную» форму обращения к читателю: «чительнику милый», «ласкавый», «любый», «наймильший чительнику», «возлюбленный читателю» и т. д.

Важной органической частью состава сборников являются записи, надписи, приписки, дописки, пометы², которые размещаются в начале книги, в середине ее или в конце, на боковых, верхних или нижних полях, продолжаясь

¹ Об историко-литературном значении предисловий см.: Демин А. С., Елеонская А. С., Сазонова Л. И. и др. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.

² Терминология в отношении отдельных видов книжных записей еще не утвердилась в книговедческой науке. Согласно инструкции по описанию древнерусской рукописной книги, принятой в отделе рукописей ГПБ, эти термины должны употребляться в следующих значениях: «приписка» — дополнения к тексту рукой ее писца; «записи» — тексты различного содержания и объема, сделанные читателями книги, в том числе — владельческие и вкладные; «пометы» — краткие и отрывочные сведения о рукописи, не относящиеся ни к писцам, ни к владельцам, в том числе «библиотечные пометы» — о местах хранения

иногда на многих страницах. Для записей использовались также чистые листы и незаполненные части страниц. Встречаются они и на внутренней стороне переплетов и обложек. Записи на книгах разнообразны по своему характеру, содержанию, размерам, графике письма. Они могли принадлежать разным людям. Книга, переходя из рук в руки, обогащалась записями владельцев, дарителей, покупателей, но каждый из них был, разумеется, и читателем.

Следует по возможности четко отграничивать приписки переписчика от записей читателей. Переписчик создавал новый самостоятельный список, в котором обязательно проявлялись языковые, текстовые, а то и смысловые отличия. Таким образом, он проводил сознательную или бессознательную работу над переписываемым им текстом. Элементами этой работы являются и его записи на полях. Они классифицируются по типологическим группам. Наиболее типичными являются маргиналии характера заголовков к отдельным смысловым кускам текста. Такие записи, в свою очередь, делятся на группы, начиная от одного слова — имени князя, царя, названия города и т. д. Разнообразный характер имеют записи-заголовки в виде фразы. Тут также имеются свои различия. Одни фразы брались прямо из текста, т. е. выносились цитаты на поля книги. Для исследования особенно интересны заголовки, сформулированные самим переписчиком, вступавшим таким образом в своеобразные творческие отношения с текстом. При этом для характеристики переписчика очень важно определить систему отбора событий и фактов, для которых он составлял заголовки-приписки.

Записи, фиксировавшие отношения переписчиков к описываемым событиям, а также дополнявшие основной текст, становились частью данного списка произведения и копировались целиком и подряд последующими переписчиками.

В сборниках XVIII в. еще встречается, хотя и очень редко, завершающая приписка переписчиков, которая имела выработанную веками модель. Стереотипы ее сложились еще в Византии. Они получили особенно широкое распространение в славянских землях при копировании церковных книг. Переписчики называли себя, прилагая к своему имени уничижительные эпитеты: «многогрешный и

книг, их названия и аннотации. (Розов Н. Н. Служебники Новгородско-Софийской библиотеки, с. 57). В литературе чаще всего термин «запись» употребляется как общее название для любых записей на книгах. Такое же общее значение имеет термин маргиналии (от латинского — *margines* — края, поля книги).

непотребный, грубый разумом и недостойный смыслом, овца заблудшая, непокровная храмина, сухой кладець, ленивый раб» и т. д. Такая самохарактеристика выполняла также определенную психологическую функцию, подготавливая к той части записи, в которой писец обращался к читателю с просьбой не винить его за неизбежные ошибки и опiski, а исправлять их. В рукописных светских книгах XVIII в. переписчик, как человек нового времени, нового гражданского самосознания, уже не употребляет по отношению к себе уничижительных эпитетов, хотя и сохраняет живой и эмоциональный характер этой приписки, сообщая интересные бытовые подробности, вводя образный элемент.

Нам встретилась одна чрезвычайно интересная стихотворная приписка, иронической интонацией пародирующая стереотипную древнюю модель. Священник киевского Флоровского девичьего монастыря Максим Никифорович Плиска закончил копирование Летописи Грабянки такими виршами (ГБЛ, Тих. 552, л. 198 об.):

Писец до себе.
Много труда я поднял, когда пысал сїї выводы
гысторїї Малїя Росїї.
Аны мнѣ день, аны ночь [не] давали покою;
Неусыпно трудылся над сею строкою,
Как бы мнѣ посправится наилучше старался,
дабы и гладко писал, и не помылялся.
Но трудно се доказать, бо старость обсѣла,
болїзнь главы и очей и бренного тѣла,
Окуляры на носѣ хоть были прибыти,
но и потому здавалис слова як закрити.
Много мынал омылно, а потому знаю,
Что, где начну читати, то все поправляю.
То, разумной чительник, ума остротою
Поправь, что я погрѣшил, пышия простотою,
Где помылка в лѣтерах и где ссенсу мало,
Посправь добре, дабы так, как треба припало.
Мене ж прости за тое, что писал некстатн...

Читательские записи четко классифицируются на два типа. Первый, связанный с текстом книги, раскрывает ее восприятие читателем, его реакцию на прочитанное. Записи приподнимают завесу, за которой скрывается внутренний облик читателя прошлых времен с его мировоззрением, психологией, мыслями, чувствами и настроениями.

Второй тип читательских маргиналий совсем не связан с книгой, на которой они делались. Это записи «для себя», «для памяти». При помощи мемориальных записей владелец или читатель книги фиксировал свои непосредственные наблюдения над действительностью, писал об ис-

торических событиях и фактах семейного, бытового плана, записывал явления, связанные с окружающей природной средой; иногда сухо и лаконично, иногда эмоционально, с толкованием и оценкой событий, комментариями фактов. Подчас в записях звучат отголоски социального протеста. Из числа владельческих записей нами выявлены такие, которые фиксируют принадлежность некоторых сборников к частным библиотекам, что является иногда единственным документальным свидетельством о существовании такой библиотеки в XVIII в.

Таким образом, записи на книгах при изучении сборников выступают как живой уникальный первоисточник и одновременно служат объектом изучения в качестве памятника письменности. Записи, попадая на страницы сборника, становятся частью его состава и, несмотря на небольшой сравнительно с остальным текстом объем, выполняют важные функции. Маргиналии увеличивают общий объем текста сборника, организуют его, а иногда и обогащают его содержание, наращивают информацию самой книги и расширяют количество ее сюжетов.

Записи свидетельствуют об использовании книги, ее бытовании, ее действенности. По сравнению с текстом сборника, воспринимающимся как нечто постоянное, записи выступают носителями преходящего, характерного для определенного, четко очерченного исторического периода. Связанные с конкретным меняющимся моментом, быстро текущим временем, они обладают живостью, гибкостью и динамичностью. Следовательно, и текст, и записи взаимно дополняют друг друга в рамках одного сборника.

Примечательным в маргиналиях является и то, что они несут в себе не только информационную нагрузку, но и духовный интеллектуальный и психологический заряд. Записи связывают, хотя и очень своеобразно, духовный мир владельца, читателя, переписчика с книгой. Оставлявший запись в определенной мере проецировал свою жизнь и деятельность на книгу, идентифицировал свой внутренний мир с нею, как бы повышая этим ее ценность. Таким образом, маргиналии сохраняют информацию о происхождении сборника и о той среде, которую он обслуживал.

Классификация сборников по составу находится в прямой зависимости от характера, жанра и содержания произведений, являющихся составными элементами рукописной книги.

Геронческая эпоха освободительной войны украинского народа против господства магнатско-шляхетской Речи

Посполитой, за воссоединение Украины с Россией под руководством Богдана Хмельницкого (1648—1654) вызвала к жизни множество исторических, литературных и фольклорных произведений: летописей, хроник, сказаний и легенд, виршей, повестей, кратких хронологий, летописных заметок, исторических песен и дум и др. В это время получил распространение обычай, который перешел и в XVIII в., писать дневники, автобиографии, записки, воспоминания, составлять описания отдельных событий и пр. В читательском обращении находились также копии документов гетманской канцелярии и Запорожской Сечи, международных договоров и других дипломатических материалов, а также созданных на их основе литературных пародийных сочинений, например, переписка запорожских казаков с султаном³. Этот конгломерат различных жанров впитывали в себя крупные произведения, например летописи XVII в. и казачьи летописи XVIII в., в которых сохранились отголоски очень многих утраченных и погибших мелких сочинений.

Такие произведения, благодаря смешению жанров, несли в себе элементы синтетического исторического труда и художественной повести. Хронисты и авторы летописей создавали свой труд, прежде всего с историко-познавательной целью, но при этом проявляли литературное мастерство. В результате такие сочинения, как, например, летописи Самовидца, Грабянки, Величко и др., становились увлекательным чтением для нескольких поколений. Следует также отметить идейную и тематическую общность ряда исторических и литературных произведений XVIII в. различных жанров. Например, такая общность присуща казачьим летописям и историческим виршам, а также ряду драматических произведений того времени.

Создатели произведений письменности XVII—XVIII вв., используя разнообразный исходный материал, могли приносить в них значительные части текста других авторов, иногда сокращая, дополняя, пересказывая по-своему. Объединялись материалы нескольких авторов и различных жанров: летописи, хроники, вирши, документы и т. д. Однако это не было механическим соединением чужих текстов, и отнюдь не исключался творческий подход при создании произведения. Вводились и свои сведения — из личных впечатлений и воспоминаний, устных рассказов участников событий и современников, а также фольклорные произведения. Проводилась редакция привлекаемых чужих тек-

³ Этот литературный памятник послужил сюжетом знаменитой картины И. Е. Репина.

стов — сглаживался стиль, уничтожались противоречия, менялся порядок изложения и делались обобщения. Критический подход к источникам проявлялся в корректировании концепций чужого текста. Известны, правда, случаи переноса в сочинение XVIII в. концепций, даже враждебных его автору.

Таким образом, выяснение исходных позиций, проблема источников имеют первостепенное значение в изучении состава рукописных сборников, а также — для оценки общественно-политических, социальных и классовых позиций их создателей.

Для произведений, входящих в сборники XVIII в., характерна общность и схожесть источников, которые можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа — отечественные источники. Для освещения истории Древнерусского государства, включая период феодальной раздробленности, использовались древнерусские летописи, в том числе и южнорусские своды. Для последующих времен — позднейшие русские и украинские летописи, «хронички козацкие», мемуары и дневники походов, часто не дошедшие до нас, что повышает ценность списков произведения в рукописных сборниках. Использовалась также в качестве источников украинская полемическая литература, «жития» и др.

Вторая группа источников включает сочинения античной литературы (поскольку произведения сборников освещали древнейшие периоды истории), а также исторические труды средневековых западноевропейских авторов, в том числе сочинения по церковной истории и византийских хронистов. Античную литературу ряд украинских авторов воспринимали не самолично, а через польских хронистов, которые составили третью, весьма многочисленную группу источников.

Произведения польской историографии XVI—XVII вв. были особенно популярны на Украине. Польская историография уже в XVI в. достигла значительного развития. Были созданы обобщающие сочинения типа хроник, освещающие историю Польши, соседних с нею стран, а также земель, захваченных польской шляхтой. Авторами были крупные политические, общественные, культурные, церковные и военные деятели. Они освещали события с позиций правящих экспансионистских феодальных кругов Речи Посполитой и католической церкви. Вместе с тем, отражая возросший интерес в обществе к историческим знаниям, особенно к истории славянства, польские хронисты сосре-

доточили в своих произведениях большой объем сведений о западных, восточных и южных славянских народах, используя в качестве источников древнерусские летописи.

Много внимания в польских хрониках уделялось истории Украины. Интерес к ней среди правительственных и магнатско-шляхетских кругов усилился после установления их господства на украинских землях. Использование естественных богатств и оборонно-стратегического значения этих земель было одним из важных факторов внешней и внутренней политики шляхетско-магнатской Речи Посполитой. В украинской тематике польских хроник центральное место занимало запорожское казачество. Н. П. Ковальский, характеризуя польские хроники, утверждает, что, «несмотря на тенденциозность освещения истории казачества, наличие ошибок, сведения хронистов по данной проблематике не только следует принимать во внимание, но в некоторых случаях они имеют первостепенное значение»⁴.

Таким образом, польские хроники привлекали внимание украинских авторов исторических сочинений прежде всего своей тематикой. Они знакомились с трудами польских историков XVI—XVII вв. в рукописях и в изданиях, в латинском и польском оригиналах, а также в их переводах. В редких случаях авторы украинских сочинений попадали под влияние не только фактического материала, но и концепции польских хроник. Однако по преимуществу они относились критически к прямой фальсификации, искажению фактов украинской истории польскими хронистами.

Чаще всего украинские авторы XVII—XVIII вв. ссылались на произведения: Яна Длугоша (1415—1480) — «История Польши», с древнейших времен до 1480 г.; Мацея из Мехова (Меховский или Меховита) (1457—1523) — «Трактат о двух Сарматиях», изданный в 1517 г. и служивший в Западной Европе главным источником сведений о Руси; Марцина Кромера (1512—1589) — «Историческая хроника Польши» с древнейших времен до 1505 г., изданная несколько раз в XVI в.; Марцина и Иоахима Бельских (1495—1575, 1550—1599) — «Хроника всего мира», напечатанная впервые в 1551 г., и «Хроника Польши», доведенная до 1597 г.; Александра Гваньини (1538—1614) — «Хроника Сарматии Европейской», издана в 1611 г.; Мацея Стрыйковского (1547—1582) — «Хроника Польская, Литов-

---

⁴ Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини.— В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972, с. 110.

ская, Жмудская и всей Руси», доведена до 1572 г. и опубликована в 1582 г.; Самуила Твардовского (1600—1660) — стихотворное историческое произведение «Гражданская война с казаками, татарами и Московиею, а позднее с шведами и венграми» («Wojna domowa...», далее — «Война домовая»), в двух томах, увидевших свет в 1660 и 1664, 1681 гг. и др.; Веспасиана Коховского (1633—1700) — «Annales Poloniae Climacteres», ч. 1—3, издано в 1683, 1688 и 1689 гг. (далее — «Анналы»). Более всего информации о Киевской Руси, об Украине находилось у Длугоша, Бельских и Стрыйковского, которые в большом объеме использовали древнерусские летописи, в том числе и не дошедшие до нас. Поэтому именно этих польских хронистов особенно ценили украинские авторы.

В XVIII в. был сделан ряд переводов на украинский язык польских исторических книг. В ЦНБ АН УССР, например, хранится анонимный рукописный перевод Хроники Мацея Стрыйковского (I, 57387, 48), книга форматом в лист, объем — 675 листов. В 1718 г. писарь Лубенского полка Стефан Савицкий перевел историческую поэму Твардовского⁵. В предисловии Савицкий формулирует свою концепцию, объясняющую необходимость обращения к польским хронистам. В результате войны под руководством Богдана Хмельницкого «отечество наше от тягчайшего подданства лядского ига... освободило», — пишет переводчик. Но «удивитися, купно же и сожалѣти сему принужден бѣх, — продолжает он, — ибо не един от нас, а найпаче от духовного чина, в нем же и люди о том искуснїя и о типографское дело... описати и типу предати не потрудися... Но вся тїя тако знаменитїя дѣла оних вѣчному от нас преда ни забвенїю, кроме единого токмо, еще в малѣ держащагося о сем воспоминанїя на словесних вишшеизображенных повѣстях». Но наступило время, когда и эти очевидцы и участники «измроша». Вот поэтому и решил Савицкий перевести «письменную историю о оной же (войне), чрез стихотворца Твардовского составленную»⁶.

⁵ Этот перевод опубликован в четвертом томе (Приложения) первого издания Летописи Величко (Летопись событий Юго-Западной России в XVII веке составил Самоил Величко, бывший канцелярист войска Запорожского. 1720, Киев, 1864, с. 1—84). Издатель Летописи Самовидца — Орест Левицкий писал, что поэму Твардовского перевел также полковий обозный Стефан Лукомский, однако его перевод не сохранился. (Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878, с. XI.) Опубликованный здесь, в качестве приложения сборник, составленный Лукомским, — «Собрание историческое» — включает переписанные им фрагменты исторических произведений (с. 321—372).

⁶ Летопись событий Юго-Западной России в XVII веке, с. 1—2.

Далее украинский переводчик характеризует поэму, отмечая, что стихи Твардовского «от болшея части и истинну в себе содержать являются, много обрѣтается: и на козацкую — безчестних, а на лядскую страну — над мѣру похвальных словес... в чтеніи же и слышаніи прикрость наносящих, наипаче в том ученіи и писаніи полском неискусним людем».

Таким образом, обратив внимание читателя на тенденциозность Твардовского, Савицкий все же решил «оніе лядскіе ритми на обикновенную простую историю малоросійским простѣйшим нарѣчіем, ради удобнѣйшого чтенія и уразумленія, превести, оставивши в них вишеизображенное непотребство, еже ко безчестію нашему, а похвалѣ лядской, самое их дѣло превосходящей, от истинни же далеко отстоящей, есть оставленно».

Самойло Величко, продолжив перевод Савицкого «Войны домовою» с 1651 г., применил иной принцип. Он «трудолюбствуя, понудихся для выгоды твоей, любопытствующій чительнику малоросійский, вывести простим стилем и нарѣчіем козацким гисторію о войнѣ з поляки Хмельницкого... оминувши непотребства панагиричные и поетицкіе». Величко стремился оставить только описание исторических событий и военных действий, дополнив данными из дариуша секретаря Богдана Хмельницкого Самойла Зорки и сочинений «иншіх лѣтописцов и записок козацких», а также из книги немецкого автора Самуила Пуфендорфа (1632—1694)⁷. Украинский историк относится к немецкому автору критически, как и к польским хронистам, хотя и отмечает: «В якої оногo Пуфендорфія гисторіи либо не все так написано, як дѣялося, однак и праведные сут речи, лядскую неправду, а козацкую невинность изъявляющие». Величко объясняет, почему немецкому автору приходилось иногда «разминутися в чом з правдою». Он находился «за килко сот мил от Малой Россіи, в странах немецких жившему и досконалой а правдивой реляции о той войнѣ Хмел-

---

⁷ Книга Пуфендорфа вышла впервые в русском переводе в 1718 г. в Петербурге под заглавием «Введение в историю европейскую через Самуила Пуфендорфия на нѣмецком языкѣ сложенное тоже чрез Іоанна Фрідеріка Крамера на латінській преложенное, нынѣ же повелѣніем великаго государя царя и великаго князя Петра Перваго, всеросійскаго императора, на російській с латінского переведенное». Второе и третье издание русского перевода появилось также в Петербурге в 1723 и 1767—1768 гг. Эта книга была популярна на Украине в XVIII в. в среде старшины. Ее имели, например, полковник Лесовицкий, полковный писарь Капустянский, сотник Милорадович и др. (Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 151).

ницкого неимевшему, на почтовых толко авизиях и кгазетах полагававшемуся». В сомнительных случаях украинский автор решает: «Лучше вирити своим русским запискам летописним»⁸. Сведениями из исторических работ Пуфендорфа об освободительной войне 1648—1654 гг. воспользовался другой украинский автор XVIII в. Григорий Грабянка.

Четвертой группой источников для исторических работ XVII—XVIII вв., созданных на Украине, являлись личные наблюдения и воспоминания, местные легенды и предания, рассказы очевидцев и участников описываемых событий.

Таким образом, имеются различия в объеме, соотношении и характере использования источников украинскими авторами XVII и XVIII вв. Однако несомненно наличие общей источниковедческой базы для всей исторической рукописной книжности этих двух столетий.

В результате классификации исторических сборников по их составу нами выделены два типа.

Первый — это сборники XVIII в., включающие списки сочинений предыдущего столетия. Эти сочинения выступают в обрамлении других исторических материалов. Однако здесь встречаются иногда и религиозно-нравоучительные статьи. Подобных сборников немного, но сам факт их существования говорит о том, что идеи и концепции XVII в. сохраняют значение и для читателей XVIII в. Благодаря данному типу сборников можно выделить из массы письменности XVII в. те произведения, которые читатель XVIII в. включал в круг своих интересов.

Второй тип исторического сборника имеет в своем составе в качестве основного ядра казацкие летописи Самовидца и Грабянки или же созданные на их основе более краткие произведения («Краткое описание Малороссии», «Хронологии» и др.).

Мы отказались от характеристики и описания сборников, включающих в свой состав «Синописис», который представлял собой первый учебник истории Украины и России, выдержавший в XVII—XVIII вв. около 30 изданий и получивший исключительно широкое распространение в рукописной книжности. Сборников с переписанным «Синописисом» или его частями, отрывками, цитатами, переработками — большое количество. Даже попытка простого учета их крайне затруднительна. Кроме того, «Синописис» — целиком или его части — группирует вокруг себя преимущественно статьи религиозно-нравоучительного содержания.

---

⁸ *Величка Самійла*. Сказаніе о войнѣ козацкой..., с. 8, 9, 123.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ XVII в.
В СОСТАВЕ СБОРНИКОВ XVIII в.**

Густынская летопись

Историческое произведение конца XVI — начала XVII в., именуемое в научной литературе Густынской летописью, справедливо квалифицируется исследователями как первый в украинской историографии труд, автор которого начинает отходить от средневековой летописной традиции. Заинтересованность читателя XVIII в. этим историческим трудом проявилась в переписывании его. До нашего времени дошло несколько рукописных книг со списками этой летописи.

Поскольку оригинал Густынской летописи, очевидно, не сохранился, до сих пор окончательно не выяснены вопросы ее авторства¹. Не установлено место и время ее создания, а также — происхождения ее отдельных структурных частей, хотя Густынская летопись активно изучалась, как в дореволюционной, так и в советской историографии².

Густынская летопись начинается, по традиции, с библейских времен («от потопа»); в связи с «вавилонским столпотворением» рассказывается о происхождении славянских народов. Затем следует изложение истории Древней Руси — по княжениям, причем, преимущественное внимание уделяется истории Волынской и Подольской земель.

После этого речь идет о событиях, связанных с формированием украинского народа и ранними периодами его истории, о взаимоотношениях с соседними народами. История Белоруссии и Великого Литовского княжества отражена в разделах «О Литвѣ» и «Енеалогія князей литов-

---

¹ Имевшее место утверждение о том, что автором Густынской летописи был писатель-полемист первой половины XVII в. Захария Копыстенский, в последнее время вновь обрело поддержку (Ю. А. Мыцык. Украинские летописи XVII века, с. 12—16). Автор данного исследования к этой мысли не присоединяется.

² О Густынской летописи см.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1520—1526; *Марченко М. І.* Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). К., 1969, с. 35—36 и др.

ских». В Летописи рассказывается также о турецко-татарских нападениях на Украину, о Яне Гусе, Мартине Лютере, римских папах и т. д.

Большое внимание автора к церковным делам указывает на его принадлежность к духовному сословию. Его классовые симпатии проявились в отрицательном отношении к народным восстаниям, например к выступлениям украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1590—1592 гг. Однако антикатолическая и антиуниатская направленность, патриотический пафос, особенно трех последних самостоятельных исторических повестей — рассказов, которыми заканчивается Густынская летопись («О началъ козаков», «О премѣненіи нового календара», «О унії, како почася в русской землѣ»), выдвигает ее автора в ряды прогрессивных деятелей своего времени.

В этих, с большой экспрессией написанных повестях автор выступает защитником православной веры, что в ту эпоху означало отстаивать свое национальное достоинство. Он разоблачает верхушку православного духовенства Украины и Белоруссии, предавшую свой народ и заключившую с Ватиканом и шляхетской Польшей Брестскую унию в 1596 г.

Публицистическим эмоциональным накалом эти три повести близки произведениям полемической литературы, получившей в печатном и особенно рукописном виде широкое распространение на Украине после Брестской унии. Летопись заканчивается 1598 годом.

Чрезвычайно широк круг источников, использованных автором. На полях и, реже, в тексте он делает, как правило, ссылки на них с указанием томов и страниц. Также на полях написаны тематические заголовки к небольшим частям текста. Проведенный нами сравнительный анализ в основном идентичных маргиналий нескольких списков (встречаются только языковые и стилистические различия) убеждает в том, что записи были сделаны составителем летописи и потом несколько видоизменены переписчиками. Автор ссылается на византийские хроники, книги западноевропейских церковных средневековых историков, работы польских хронистов. У последних летописец заимствовал данные античных авторов, к сочинениям которых он непосредственно не обращался.

Предпочтение автор отдавал отечественным источникам, которые и послужили основой Густынской летописи. Исследователи считают, что ее автор имел в своем распоряжении южнорусский свод XIII в. древнерусской летописи,

ее Троицкий и Воскресенский списки, откуда он почерпнул сведения о Северной Руси; кроме того, он знал «Летописец Великого княжества Литовского», а также не дошедшую до нас Украинскую летопись. Использованы в Густынской летописи и «Печерский Патерик», «Пролог» и «Палинодия» Захария Копыстенского.

Автор Густынской летописи осмысливал свои источники и сознательно их перерабатывал. Его труд в значительной степени оригинальный. Полученные сведения он компоновал; давал свои варианты описаний, сопоставляя факты, замечал разногласия в свидетельствах историков; отвергал тенденциозные оценки польскими хронистами событий русской и украинской истории.

В настоящее время известны две редакции Густынской летописи. Одна из них была создана в 1670 г. в Густынском монастыре (возле города Прилук Черниговской области) иеромонахом Михаилом Лосицким (отсюда и название летописи — Густынская). Вторая редакция, более ранняя, очевидно, относится к первой половине XVII в. Автор Густынской летописи начинает свое произведение словом «Лѣтописецъ». Михаил Лосицкий дал наименование «Кройника» («Хроника»). В своем заголовке к Густынской летописи он сообщает краткое содержание и выходные данные своей редакции: «Кройника, которая начинается от потопу первого міра и столпотворенія, и раздѣленія язык, и разсѣянія по всей вселеннѣй, и о разных народах; также и о початку словенского россійского народу, и егда съде Кіев, и како крести благовѣрный князь Володымер Рускую землю и о великом княженіи Кіевском, и о греческих царѣх. Списася сія кройника в Малой Россіи, в монастырю святой живоначальной тройцы общежителном Густынском Прилуцком, за благославленіем превелебного в Богу его милости господина отца Авксентія Іоакимовича, игумена тоей ж святой обители, року 1670, месяца августа 2 дня».

Тексту летописи Лосицкий предпослал, как об этом упоминалось, свое предисловие, примечательное попыткой определить цель и задачи исторического труда и подчеркнуть значение для человека знакомства с историческими традициями своего народа. Здесь — призыв к соотечественникам расширять исторические знания и передавать их последующим поколениям ³.

³ Редакция М. Лосицкого положена в основу публикации Густынской летописи в приложении к изданию Ипатьевской летописи в Полном собрании русских летописей (СПб., 1843, т. 2, с. 231—373). Для

Текст Густынской летописи редакции Лосицкого, очевидно, его автограф, составляет часть исторического рукописного сборника XVII—XVIII в., размером в лист, объемом в 215 листов (ГБЛ, ф. 205, № 118).

Кроме летописи (л. 1—176), в сборник несколькими почерками переписаны исторические документы, связанные с именами Густынского монастыря. Это — «фундуши» князя Михаила Корибута Вишневецкого и его жены Раины Могилянки, выданные Густынскому монастырю на земельные владения за 1615—1619 гг. (6 документов, 4 из них рукою Лосицкого) (л. 197 об.—199 об.); «Листы» и «16 пунктов» наказа киевского митрополита Исайа Копинского священникам, в том числе и о феодальных повинностях монастырских крепостных крестьян — «Постановене подданим, како мают панщину робити» (л. 199 об.—200); «Ограничене» земель монастыря 1657 г., т. е. установление границ его владений прилуцким полковником Петром Дорошенко (л. 204 об.—205); грамота царя Алексея Михайловича гетману Ивану Самойловичу от 1672 г. о монастырских имениях (л. 215—216); два окружных послания черниговского архиепископа Лазаря Барановича 1677—1678 гг. (л. 217—220); «тестаменты» (завещания) игуменов Густынского монастыря Ильи Торского (1645, переписанные М. Лосицким) и Авксентия (1695, л. 196—197 об., 211—213). Последний завещал монастырю свою библиотеку.

В состав сборника входит также историческое произведение «Лѣтописец о первом зачатїи и созданїи святаго обители монастыря Густынского...», которое начинается 1600 и доводится до 1641 г. (л. 182—196). «Лѣтописец...», очевидно, послужил основой для включенной в сборник «Вѣдомости о перевозчатїи і устроенїи монастыря святаго Троецкого Густынского», которая была «сочинена по указу [Киевской консистории] 1765 года, февраля 23» (л. 221—221 об.). Как дополнение к «Лѣтописцу...» внесены М. Лосицким краткие записи (последняя запись — другим почерком) за 1616, 1671, 1671—1673 гг. о пожарах в Густынском монастыре, о строительстве там каменной церкви и каменного колодца.

дополнений и учета разночтений текста издатели использовали так называемые Мгарский и Архивный списки, принадлежащие к более ранней редакции — начала XVII в. Мгарский список входил в состав сборника (326 л.) вместе с произведениями житийной литературы. Архивный список представлял собой отдельную рукопись (268 л.). В издании не включено начало Густынской летописи о происхождении славянских народов.

Почерк «Лѣтописца...» очень схож с почерком Лосицкого, который, возможно, переписал это сочинение, как и некоторые документы в сборник. Все содержание «Лѣтописца...» подчинено изложению истории Густынского монастыря, периодизация которой соответствует правлениям отдельных игуменов (о начале их игуменства отмечено в заголовках на л. 211—217). Составитель «Лѣтописца» сообщил ряд интересных фактов, используя монастырские документы, устные предания и собственные воспоминания. Приводятся также сведения, касающиеся не только Густынского, но и связанных с ним Мгарского и Ладинского монастырей. Например, автор говорит о бегстве монахов Густынского и Ладинского монастырей в Россию, где они спасались от репрессий польской шляхты на Украине после разгрома восстаний 1637—1638 гг., а также о защите Мгарского монастыря, который пытались завоевать католические монахи. Описывается в «Лѣтописце...» немало всяческих «чудес», «божественные» и «сатанинские» вмешательства в события и т. д. Язык «Лѣтописца...» — церковнославянский.

Несколько статей сборника не связаны с историей Густынского монастыря. Это — «Повѣсть правдивая о Киевском монастырѣ св. Михаила Золотоверхового» (л. 208—209 об.) и записи о «чудесах от икон» в Прилуцком полку, в Луцком повете и др. (л. 180—181 об., 210—211)⁴.

Таким образом, сборник, включающий Густынскую летопись редакции Лосицкого, создавался в несколько приемов на протяжении XVII—XVIII вв. Основная часть была составлена в 70-х годах XVII в. самим Лосицким. Затем книга еще несколько раз пополнялась, вплоть до 1765 г. В результате перед нами — вид тематического сборника, посвященного, главным образом, истории одного монастыря. Возможно, создатели сборника придавали ему еще и сугубо практическое значение, например, используя в судебных спорах за земельные владения.

Очевидно, сам Лосицкий украсил рукопись. Страницу с заголовком он поместил в художественную рамку (вазы, обвитые листьями). В центре полукруглого свода изобразил сложного рисунка розетку. Начало книги написано кинноварью, вязью, а заставка выполнена в виде геометрического орнамента кинноварью, заштрихованного коричне-

⁴ «Лѣтописец...» и ряд документов, главным образом из рассматриваемого сборника, опубликовал О. М. Бодянский в сб.: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1848, кн. 8, с. I—VI, 1—76).

выми чернилами. Некоторые инициалы (также киноварь) обрамлены листовным орнаментом. Концовка завершается полувиночкой. Можно предположить, что картонный переплет в темнокоричневой коже, был сделан в Московском историческом обществе древностей российских, которому рукопись была подарена в 1824 г. Орловым.

До нашего времени сохранился еще один список Густынской летописи редакции Лосицкого. Он входит в состав рукописного сборника (форматом в лист, объемом в 202 листа) в сочетании с двумя другими историческими произведениями (309/540 с). Время создания сборника определяется по филиграням серединой XVIII в.⁵ Первые чистые страницы и последний лист бумаги голубого цвета, вставлены при переплете, имеют датированную 1832 г. филигрань, свидетельствуя, таким образом, о времени создания картонной обложки сборника.

Книга открывается историческим произведением под названием «Ядро історіі російської» («из многих достоверных историографов собранное к угождению искусному любопытству изданное»), которое широко известно в литературе. Автором этого произведения был Алексей Ильич Манкиев, секретарь русского посланника в Стокгольме — князя А. Я. Хилкова, пробывший вместе с ним 18 лет в шведском плену и написавший там свой труд⁶.

Доведя изложение русской истории до 1712 г., Манкиев ставил перед собой задачу показать справедливый для России характер Северной войны.

В рассматриваемом списке «Ядра історіі російської» (309/540 с) после заглавия идет обращение «К читателю»⁷,

⁵ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959, с. 38, 72 (перечисленные филигранные зарегистрированы под № 24 и 786, что соответствует 1748 и 1749 гг.).

⁶ Текст посвящения этого труда Петру I Манкиев подписал своими инициалами. Первый издатель этого произведения Г. Ф. Миллер, изъяв посвящение, приложил свое предисловие и приписал труд Манкиева А. Я. Хилкову «Ядро російської історіі, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеції резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу російского юношества и для всѣх, о російской історіі краткое понятіе имѣть желающих, в печать изданное с предисловіем о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых» (М., 1770). Последующие издания XVIII в.—1784, 1791, 1799 гг.—копировали первую публикацию. И только в середине XIX в. был установлен истинный автор этого произведения: Оболенский М. Сведения об авторе «Ядра російской истории» А. И. Манкиеве.—Библиографические записки, 1858, № 2.

⁷ В этом списке автор не указан, лишь позднее, почерком начала XIX в. добавлено под заголовком: «Сочинено князем Хилковым. Спи-

которое отсутствует в печатной книге, а затем — «Оглавление книг сего дѣла», перенесенное издателем в конец. Оглавление, как и наименование частей (книг) и глав в издании и сборнике 309/540с совпадают, за исключением незначительных разночтений, возможно, внесенных Г. Ф. Миллером.

В обоих случаях также приводится заголовок приложения: «Прибавленіе о гербах російских, кои печатные приложены с начала сей книги» с описанием гербов, но без их изображения. «Ядро історії російської» написано двумя почерками. Первый (л. 1—18) — очень мелкий, четкий, отдельный, близкий к киевской школе. Во втором почерке (л. 18—81) — крупном, неупорядоченном и в то же время витиеватом, ощущается влияние московской скорописи. Оба переписчика скопировали и записи на полях, составленные автором произведения.

За «Ядром історії російської» в сборнике следует хронологическая таблица жизни и деятельности Петра I (л. 81 об.— 84 об.), выполненная третьим почерком.

Материалы о Петре I, как и в русских рукописных книгах, были весьма распространены в украинских сборниках. Еще в 1743 г. императрица Елизавета Петровна распорядилась перевести с итальянского языка биографию ее отца, составленную Антонио Катифоро. Этот перевод получил широкое распространение, выдержав в XVIII в. два издания. В рукописных сборниках он стал ядром, вокруг которого группировались другие материалы о Петре I.

В названной рукописи в обширнейшем заголовке — «Краткое описаніе достопамятным дѣлам от дни рожденія Петра Великого и какія взяти города и баталіи были...» — автор называет себя «Александром Чекаловским Государственніа Адмиралтейств коллегіи копійстом» и пишет, что его сочинение было «К своему пріятелю сообщенное в Санкт-Петербурге генваря 31 у 1749 году». Таблица имеет четыре графы: «Лѣта от Рожества Христова», «Мѣсяци и числа», «Достопамятніа дѣйствія», «Коликих лѣт его величество был». Начав с рождения Петра I в 1672 г., ска-

---

сано 1670 года». Очевидно, дата была механически перенесена из предисловия в Густынской летописи Лосицкого. В ЦНБ АН УССР имеется еще один список «Ядра історії російської» (I, 183), составляющий отдельную рукопись в 89 листов. По филигрании и почерку время создания определяем 80-ми годами XVIII в. Здесь несколько отличный заголовок: «Ядро історії російської, из многих достовірних историографов собранное ко угождению проискательным ut alii dormient».

зав о Чигиринских и Крымских походах, о восстании стрельцов и создании регулярной армии, Чекаловский записывает краткие данные обо всех войнах и главных сражениях («баталиях») петровского времени. После сообщения о смерти Петра в 1725 г. составитель хронологической таблицы отмечает еще шесть дат вступления на престол, коронации и смерти преемников Петра. Заканчивает он 1742 г.— коронацией царствующей в его время Елизаветы Петровны.

Листы с первыми двумя статьями лишены каких-либо украшений, не имеют даже очерченных полей. Только второй переписчик обычно заканчивал главу росчерком — в виде большого банта и ставил росчерк в форме перечеркнутой спирали в правом нижнем углу страницы под последним словом, которое, по тогдашней традиции, повторялось в начале следующей страницы. Заглавие выписано на отдельном листе крупными прямыми полууставными буквами, а первое слово в нем — жирным шрифтом с кружочками на мачтах букв.

Густынская летопись, составляющая третью, последнюю и наибольшую статью сборника (л. 85—201), несет на себе следы попыток переписчика художественно оформить рукопись. Она имеет поля с четырех сторон, правые поля очерчены даже двумя параллельными линиями. На верхних полях помещены подзаголовки, более всего по имени князей. Раздел с описанием событий за 1438—1515 гг. имеет подзаголовок: «Кроника речей собранных». Заглавный лист — в двойной рамке с очерченными углами. Здесь наименование летописи, как и далее названия глав, выписаны жирным шрифтом, вязью. На протяжении первых 30 листов летописи инициалы помещаются в квадраты, в обрамлении не очень умело вырисованных листьев и цветов.

Текст летописи копировали три переписчика. Первого переписчика, использовавшего украинскую скоропись середины XVIII в., на обороте 117 листа сменяет второй полууставным письмом, а с листа 158 включается третий, который писал до 163 листа. С оборота этого листа происходит возврат к первому почерку, которым Летопись пишется уже до конца. Все переписчики очень широко употребляют надстрочные знаки.

Авторские записи, скопированные переписчиками в данном сборнике, почти сплошь покрывают верхние, нижние и боковые поля Густынской летописи, но идут не до конца и обрываются на 170 листе. Однако третий почерк приписок (л. 150—170) принадлежит несомненно к более позд-

нему периоду, чем время написания текста, возможно, к концу XVIII в. Его тематические заголовки выходят за круг лексики текста, модернизируют терминологию.

Рассмотренный исторический сборник XVIII в. с Густынской летописью, объединивший произведения, освещающие историю Украины и России, свидетельствует об интересе его составителя к истории обоих народов — украинского и русского.

Густынская летопись ранней редакции дошла до нас в четырех списках, включая две копии XIX в. Два наиболее интересных списка XVIII в. имеют точную дату их создания.

В сборнике 314/541с, размером в лист, объемом в 189 листов, Густынская летопись ранней редакции — «История російского народа, лиц и дѣл знаменитших с обстоятелстви прочіих к ным прилучающихся вещей» — соединена с двумя небольшими статьями: «Святых новоявленных Иоанна, младенца с отцем его Варягом, иже в Кіевѣ пострадаша в лѣто 983» и «Повѣсть дивна и ужасна о смерти блаженнаго Константина, митрополита кievского» (л. 185--189 об.). Время создания сборника узнаем из заглавия, в котором указывается, что книга «переписана року 1764, месяца мая... за благословением Арсенія Могилянского, митрополита кievского, галицкого и Малыя России».

Эту же дату — 1764 г. — находим и в подписи к рисунку пером, занимающему целиком оборот заглавного листа, с изображением Нестора Летописца. Автор рисунка скопировал известную гравюру Л. Тарасевича из «Патерикона», издания Киево-Печерской лавры 1702 г., заменив некоторые детали, а также — скромную прямоугольную рамку гравера на пышное овальное обрамление в стиле рококо, вмонтировав внизу следующую надпись на латыни: «Сделал Иоаган Слобанский 1764 г., мая 15 дня, в Академии».

Слобанский оформил и лицевую сторону заглавного листа, на котором название книги выписано в живописном окружении: крупные цветы, детские фигурки, морды животных, клювы птиц, раковины. Им же сделан рисунок иконы Спаса, играющий роль заставки над заглавием вступительной части, отсутствующей в редакции Лосицкого и являющейся выдержкой из первой главы Летописи Нестора «О разсѣянїи язык».

В остальном оформление сборника очень скромное. Заглавия внутри текста написаны скорописью, только боль-

шего размера. Поля ограничены с обеих сторон, справа на полях очерчено место для записей автора Густынской летописи, скрупулезно перенесенных переписчиками в сборник. Переписчиков было, очевидно, более двух десятков человек. Почерка записей на полях и соответствующих частей текста совпадают. Графика этого сборника отражает эволюцию украинской скорописи во второй половине XVIII в., начиная с киевской школы. Таковым представляется первый почерк, еще очень красивый, с закруглениями в буквах *с*, *ф*, *р*, *у*, но уже *т* и *п* — имеют в верхней части прямые линии. Следующий почерк — тоже красивый, но острый и наклонный, очень похож на польскую и латинскую скоропись, соответствующий периоду новой киевской школы. Третий — переходной. Четвертый почерк является классическим образцом скорописи конца XVIII в. Он упрощен и напоминает печатный шрифт или, скорее, полуустав, без всяких украшательств, геометричность графики — его главная черта.

Отдельной рукописью является еще один список Густынской летописи той же ранней редакции (315/687с). Считаю нужным остановить на ней внимание, хотя это и не сборник, поскольку из этой книги можно почерпнуть данные для уяснения некоторых воззрений переписчика.

Здесь, как и в предыдущем сборнике, имеется вступительная часть, заимствованная из Летописи Нестора, но в конце заголовка сообщается не только время, но и место создания сборника, а также имя переписчика: «За вѣдомом всечестнаго отца Василя Борзаковскаго, священника церкви преподобнаго отца Феодосія Печерскаго, которая стоит недалече монастыря, мурованая в крѣпости Печерской, а вновь переписана Алексеем Германовичем Заграничним, уроженцем полским, а будучим дяком в той же церкви Феодосія при священнику вышеписаному. Лѣта 1778, мѣсяца августа дня 9, за архимандрита Печерскаго Зосима Балковича».

Однако переписчик не ограничился идентичным копированием, а внес кое-что от себя. Приведем два наиболее выразительных его добавления. После слов Густынской летописи о том, что лютеране и кальвинисты «и донинѣ в немецких землях пребивают», Алексей Германович Заграничный добавляет: «И се не дивна, аще и пребивают в немецкой земли по их преданію, но се велми дивно есть, яко и в православних християнѣх во градѣх и селах полских, а что боліе, по всей Великоросин и Малоросіі — язык нѣмецкій, французскій, не только язык, и сами люпри и

калвѣты нѣмцы живут, а найболш в градѣ Киевѣ та вѣра содержится; понеже на Подолѣ градѣ за церквою Николая Притиска стоїт кирка лютерска, то есть богомолня⁸. Самовидец того есть Алексей Германович». Далее в этой вставке он подает автобиографические сведения: родился в Паволоцком ключе, в селе Соколчей, в семье иерсея Григория Ктитаренко Меленского, бывшего до этого священником села Щеглесвского в ключе Коростышевском. Эти обе местности принадлежали в то время шляхетской Польше. В Киеве Алексей Германович жил с 1774 г., вначале на Подоле при Спасской церкви, затем на Печерске при церкви Феодосия, где священником был Василий Борзаковский, у которого отец и дед также были здесь священниками. Концовку Германович оформляет еще и как свидетельство: «Записал сие свѣдетельство года 1778, мѣсяца септеб-ря, дня третього, за держави...». Далее идут сведения о царской фамилии, называется Екатерина II со всеми ее титулами и упоминается польский король Станислав Понятовский, который правил в то время (л. 255 об.— 256).

Происхождение Алексея Германовича Заграничного из Правобережной Украины, входившей тогда в состав Речи Посполитой, в определенной мере объясняет его терпимость к униатству. Он изменил концовку рассказа — повести «Об унії...», завершающего Густынскую летопись. «В том раздѣленіи и доселѣ пребывают, непрестанно гоняще церковь Божию», — так говорится в других списках. У Алексея Заграничного этот текст звучит следующим образом: «В том раздѣленіи і доселѣ пребывают и в согласіе едино не хотяще прийти, за что мы им не можем судити, кромѣ Бога единого» (л. 265 об.).

Заграничный не перенес авторские записи на полях, но он постарался украсить свою рукопись. Деревянные доски обтянуты тисненой кожей с богатой барочной орнаментацией (в центре — двуглавый орел в овале), небольшие заставки — фигурные, бронзовые, каждая страница украшена орнаментированной рамкой со стилизованными цветными элементами. Эти рамки заготавливались заранее, причем пять заготовленных листов остались незаполненными текстом. Некоторые абзацы завершаются плетенкой. Заголовки выписаны вязью, а до 20 листа — киноварью. Инициалы — разрисованы. Заграничный все 687 листов (отсутствуют несколько листов) писал крупным полууста-

⁸ В известных науке архивных документах и планах XVIII в. лютеранская кирка на Подоле в Киеве не упоминается. Поэтому свидетельство Алексея Германовича представляет большой интерес.

вом с надстрочными знаками. Уже в XIX в. вплели в начале книги гравюру 1840 г. с изображением Киево-Печерской лавры, работы гравера А. Афанасьева.

Известны две копии XIX в. списка Заграничного (БАН, 2.44.35; БАН, 16.12.5). Первая, как предполагают, была сделана для владельца большой рукописной коллекции — украинского помещика И. Я. Лукашевича, вторая ранее принадлежала Лубенско-Мгарскому монастырю.

Подводя итог изучению рукописных сборников XVIII в., имеющих в своем составе Густынскую летопись, делаем вывод, что это произведение украинской историографии XVII в. вызывало интерес в различных слоях общества. При этом, в среде духовенства к Летописи приобщались религиозные статьи. В читательских кругах, не связанных с духовенством, ее включали в состав чисто исторических сборников.

«Кройника» Феодосия Софоновича

«Кройника» Феодосия Софоновича, представляющая собой первую на Украине попытку составления обобщающего исторического труда, была написана в 1672—1673 гг. в Киеве. До нас дошли несколько ее списков и редакций, созданных в последние два десятилетия XVII и в XVIII вв. В XIX в. с некоторых списков были сделаны копии. Оригинал не найден. Известные в настоящее время списки собраны и учтены, а три из них обнаружены впервые Ю. А. Мыцыком, опубликовавшим ряд статей о труде Софоновича⁹.

Феодосий Софонович вошел в историю украинской культуры как выдающийся деятель просвещения второй половины XVII в. — историк, педагог, проповедник, церковный писатель, политический деятель.

«Кройника» Софоновича, оказавшая впоследствии большое влияние на развитие украинской историографии, в

⁹ Мицик Ю. А. Феодосій Софонович — видатний представник історичної думки XVII ст. (300-річчя з дня смерті). — Український історичний журнал, 1977, № 12, с. 113—115; Мицик Ю. А. Вопросы публикации текста «Кройники» Феодосия Софоновича. — В кн.: Анализ публикаций источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1978, с. 58—74. Им же опубликована часть текста Софоновича, освещающая события 1648—1654 гг.; Мицик Ю. О. «Кройника о землі Полскої» Ф. Софоновича про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. і возз'єднання України з Росією». — Український історичний журнал, 1979, с. 116—123; и др.

противоположность предшествующим ей летописям, в которых материал излагался погодно, имеет три четко разграниченные структурные тематические части. После «Кройники о Руси», освещающей, главным образом, историю Киевского и Галицко-Волынского княжеств до конца XIII в., следует вторая глава — «Кройника о початку и назвиску Литвы» (до 1533 г.), а затем третья глава — «Кройника о земли Полской», заканчивающаяся 1672 г., т. е. описанием захвата султанскими войсками Каменца-Подольского. В последних двух главах освещается история Украины на фоне истории Литвы и Польши, в состав которых она тогда входила.

Автор «Кройники» отдавал предпочтение древнерусским летописям («з лѣтописцов стародавних»), ряд его идей носит прогрессивный характер, хотя у него проявляется также и идеология представителя православной духовной элиты. В то же время Софонович не осуждает народную антифеодальную борьбу, описывая крестьянско-казацкие восстания на Украине конца XVI — первой половины XVII в. В своей «Кройнике» он впервые в украинской историографии представил обобщенное освещение освободительной войны 1648—1654 гг. Софонович приветствовал воссоединение Украины с Россией. В его «Кройнике» видна заинтересованность украинских читателей историей русского народа.

«Кройника», являющаяся ценным историческим источником и замечательным памятником отечественной историографии, отразившим возрастание интереса к историческим знаниям и развитие национального самосознания украинского народа, привлекла внимание украинских и русских читателей — современников и читателей последующих поколений в XVIII в. Они переписывали ее целиком и частями, создавая отдельные рукописные книги или включая ее в сборники.

В другие рукописи «Кройника» Софоновича была перенесена вскоре после ее написания. Список конца 90-х годов XVII в., воспроизводящий наиболее полно все три главы этого произведения, в настоящее время разделен на две части и находится в разных хранилищах (ГПБ, Погод. № 1476; Центральный государственный архив давних актов СССР (далее — ЦГАДА), ф. 181, ед. хр. 93/122). Этот список был скопирован русскими переписчиками, а исправление и перевод некоторых украинских слов на полях, сделанных в первой четверти XVIII в., свидетельствует о

дальнейшем бытовании данной рукописной книги в русской читательской среде.

В начале 80-х годов XVII в. экононом Киево-Печерской лавры Петр Кохановский дважды переписал «Кройнику» Софоновича. В полном объеме он ее включил, предварительно подвергнув значительной редакторской правке, в созданный им рукописный сборник, которому дал название «Обширный синопсис русский» (ГПБ, Ф. IV, № 215, л. 1—207, 299—361, 365—386). Воспроизведя название первой главы «Кройники» Софоновича, Кохановский изменил его концовку. Он опустил имя автора и сведения о месте создания «Кройники», а год написания ее (1672) исправил на 1681. Подобную операцию он проделал и с названием третьей главы произведения Софоновича, заменив 1673 г. на 1682. Заголовок второй части «Кройники» Кохановский оставил без изменений, поскольку в нем Софонович не упоминал своего имени и даты создания произведения.

«Обширный синопсис русский» Петра Кохановского представляет собой рукописный сборник, форматом в лист, объемом в 680 листов, писанный украинским полууставом, в деревянном переплете, обтянутом коричневой кожей с орнаментированным тиснением. Книга включает 20 статей, в сущности, механически объединенных. Религиозно-церковный характер носят три статьи, но они занимают более половины объема и таким образом свидетельствуют об особенной заинтересованности его составителя этой тематикой. Семь статей посвящены русской истории. Это летописные записи 1241—1399 гг.; сказание о Куликовской битве (в 12 главах); описание происхождения названия Москвы и других городов и местностей Московского государства (фрагмент из «Хроники» Гваньини); статьи о поставлении в киевские и московские митрополиты, об установлении патриаршего престола в Москве, а также об убийстве царевича Димитрия в Угличе. Четыре статьи посвящены истории Украины: о превращении Киевского княжества в воеводство, «о возвращении на первое паки царственное бытие богоспасаемого града Киева», «Лист святѣйшого патриархи іерусалимского (Досифея), писанный до малороссийского народу, утверждаючи о вѣрѣ, року 1679» и «Повѣсть ведлуг нѣкоторых мудрых людей, откуль початок свой и назвиско взяли козаки».

Последняя статья в сборнике представляет собой краткий пересказ Кохановским авторского предисловия книги Иоанникия Галятовского «Скарбниця» (1676). В ней дается высокая оценка боевого содружества запорожского и

донского казачества в борьбе против турецко-татарской агрессии, а также упоминается о какой-то «Кронички, о казаках написанной», присланной Галятовскому в Чернигов из Седнева. Сочинения этого украинского писателя второй половины XVII в. встречаются в сочетании с «Кройникой» Софоновича и в других рукописных сборниках, созданных на Украине в конце XVII—XVIII в. Галятовский, будучи горячим сторонником союза Украины и России, выступая против католицизма, призывал своих соотечественников на борьбу против экспансии султанской Турции и Крымского ханства. Такие его произведения, как «Лебедь» (1679) и «Алькоран» (1683) стали своеобразным идеологическим оружием в борьбе против агрессоров. Поэтому не удивительно, что эти произведения были популярны и среди читателей XVIII в., на протяжении которого произошло четыре русско-турецких войны. Украина была тогда театром военных действий, а также поставщиком провианта для армии. Украинские казацкие войска участвовали в составе русской армии в боевых операциях всех четырех войн.

Три статьи из «Обширного синопсиса» Петра Кохановского связаны с историей Турции: «Повѣсть о Махометѣ — фальшивом пророку»; «Енеалогѣя турецкая, откуль взяли турки свой початок» (фрагмент «Хроники» Гваньини); «Порадок о рыцарстве цесаря турецкого», а одна статья рассказывает об Астраханском ханстве. Можно предположить, что интерес к подобной тематике у Кохановского был вызван Чигиринскими походами турецких войск 1677—1678 гг., воспоминание о которых еще было очень живо в начале 80-х годов, когда создавался сборник.

Еще одна рукописная книга Петра Кохановского, названная им «Хронограф, аще глаголемый летописец русский» и датированная 1681 г., вмещает вторую и третью часть «Кройники» Софоновича (ГПБ, Ф. IV, № 214, л. 447—518). И эта книга, форматом в лист, объемом в 537 листов, в деревянном переплете, обтянутом тисненой черной кожей, также как и первая, переписана украинским полууставом. Здесь Кохановский скопировал другой сборник, известный сейчас в научной литературе под названием «Тверской», исключив текст Тверской летописи из своего сборника и заменив его двумя частями «Кройники» Софоновича. Следует отметить, что владельческие и другие записи на этом рукописном сборнике говорят о бытовании его в украинской и русской читательской среде.

Особая редакция третьей части «Кройники» Софоновича, близкая ко времени создания утраченного оригина-

ла, т. е. датируемая началом 90-х годов XVII в., составляет отдельную рукопись, форматом в четверть листа, объемом в 29 листов (VIII, 107м/57). Текст написан каллиграфической, мелкой скорописью второй половины XVII в. Пагинация, как и буквенная датировка, принадлежит переписчику и начинается со 182 листа. Заставка перед началом текста украшена растительным орнаментом. Заголовки и инициалы выписаны полууставными буквами, вязью, раскрашены киноварью.

Создатель этой книжечки значительно сократил текст Софоновича, имени которого он не называет, за счет данных о Польше, увеличив количество сведений о России, а также продолжил изложение от 1674 г. по 1690. В этой дополнительной части рассказ сосредоточивается на событиях, связанных с совместной борьбой украинских и русских войск против турецко-татарского наступления. Таким образом, материалы рукописных книг неоднократно подтверждают, что турецко-татарская проблема была животрепещущей для украинского народа, что нашествие султанской Турции и Крымского ханства являлось огромным национальным бедствием.

Данная рукопись отличается от предыдущих списков языком и стилем — простым, со многими элементами украинской народной лексики. Для иллюстрации приведем выдержку из последней страницы текста о нашествии саранчи на Украину: «Року 1690 саранча была страшная, которая трвала всю осень, поѣла овси, гречки, проса, горохи, трави, по всем краѣ. Жито, хто не вспѣл заволочит, зараз поѣла. Посля той саранчѣ много коней, товару, свиней, овец поздыхало з голоду, бо всѣ лѣси, болота, поля окрила, була и зазѣмовала. Такой саранчѣ старіе люде не памятают, жебы такая була».

Таким образом, создателя особой редакции третьей части «Кройники», значительно переработавшего и продолжившего ее текст, нельзя считать простым переписчиком. Судя по характеру и стилю текста, можно предположить, что составитель этой редакции «Кройники о земли Полской»; очевидно, принадлежал к демократическим слоям тогдашнего общества, близким к народным массам.

Именно текст этой редакции, по мнению Ю. А. Мыцыка, переписал в 1751 г. войсковой канцелярист Григорий Покас в свой исторический сборник — «Двѣ гісторії о казацком малороссийском народѣ» (ГПБ, Ф. IV, № 812).

Два исторических сборника, включающие первую часть «Кройники» Софоновича, возможно, были созданы в Рос-

сии. Они переписаны русской скорописью. Окружающие произведение Софоновича статьи посвящены преимущественно русской, а также украинской истории, что свидетельствует об интересе в русской читательской среде к Украине.

В один из этих сборников, датируемый по косвенным данным второй половиной 30-х годов XVIII в., форматом в лист, на 339 листах, переписано 27 статей (ГПБ, Ф. XVII, № 19), в том числе «Кройника о Руси» на 30—126 листах. Значительный объем материалов составляют: «Книга Большого чертежа»; описание Сибири и история ее присоединения к России; извлечения из Степенной книги (оглавление и список русских митрополитов); «Родословец великих и удельных князей русских», перевод письма константинопольского патриарха к Петру I (1678), «Челобитная», поданная восставшими стрельцами царям Иоанну и Петру в 1682 г.; материалы о бракосочетании царевича Алексея Петровича (1711) и «Описание» Ново-Иерусалимской церкви Воскресенского монастыря (1685), выписанное из переписных книг дьяком Борисом Остолоповым.

Составитель названного сборника проявил усиленный интерес к турецко-татарской проблеме. Он переписал в книгу семь статей, посвященных дипломатической переписке русского царя и турецкого султана (переводы и копии) (1678—1711). К ним примыкает «шерстная» грамота Мурат-Гирей-хана русским посланникам в Крыму В. Тяпкину и А. Зотову, а также письмо султана императору «Леопальдусу» и ответ последнего. С этой тематикой связана и литературная пародия на дипломатические документы — переписка запорожских казаков с султаном, в XVII—XVIII вв. встречающаяся и в украинских и в русских рукописных сборниках. В данном сборнике она имеет название: «Список с листа салтана турецкого писан в Чигирин к казакам, июля в 7 день, 1678» и «К салтану турецкому отвѣтъ из Чигирина от казаков» (л. 248 об.). Замыкает цикл статей данной тематики произведение Иоанникия Галатовского «Алькоран Махметов» (л. 316—339). Составитель рассматриваемого сборника (ГПБ, Ф. XVII, № 19) переписал перевод «Алькорана Махметова», осуществленный переводчиком Посольского приказа Стахием Ивановичем Гадзеловским с польского на русский. Договорные «Глуховские статьи», челобитные киевских и нежинских мещан и «крестоприводные [присяжные] записи Войска Запорожского» — составляют ядро материалов по истории

Украины. Две статьи сборника выпадают из его тематических рамок, хотя и вписываются в круг привычных интересов читателей XVIII в.: «Космография», «Астрологические замѣчания о 12 мѣсяцах» и «Римскаго кесаря вѣнчанье, во Франкфурте-на-Майне, 1711, дек. 25».

Данной рукописной книге частично близок своим составом сборник конца XVII в., находящийся в настоящее время в Швеции (Гимназическая библиотека города Вестерос. Кодекс АД10). Копия с него, сделанная в первой четверти XIX в. по распоряжению Н. П. Румянцева, хранится в ЦНБ (310/250с) (формат в лист, объем 137 листов). В этой книге вокруг первой части «Кройники» Софоновича — «О Руси» группируются 50 статей, из которых почти половина (21 статья) совпадает с только что перечисленными материалами из сборника ГПБ (Ф. XVII, № 19), посвященными русской и украинской истории. Среди дополнительных статей: «Чертеж всей Сибири, збираный по указу царя Алексея Михайловича», «Разговор, каков имели царские послы с королевскими сенаторами и гетманом литовским» и литературные произведения, подбор которых довольно специфичен. Это — «комедии или действия», «приклады» на библейные и другие религиозные сюжеты. Цикл лирических стихотворений носит светский характер. Две статьи связаны с античными авторами: «Книга, глаголемая Езоп, также и его жизнь» и «Перевод из Цицерона».

Таким образом, первое обобщающее украинское историческое произведение — «Кройника» Софоновича вызвала интерес читательской среды Украины и России и пришла из XVII в. в рукописные сборники XVIII в. в окружении исторических сочинений и документов, четко расчленяющихся на три группы — материалы о России (преобладающие), об Украине и связанные с турецко-татарской проблемой. Эти сборники преимущественно светские, в них почти отсутствуют религиозные статьи.

Сборник Леонтия Боболинского и списки украинского хронографа

К III в. относится знаменитый афоризм Теренциана Мавра, бытующий и поныне: «Книги, как и люди, имеют свою судьбу». В справедливости этого изречения можно еще раз убедиться, познакомившись с историей рукописной книги, созданной Леонтием Боболинским в 1699 г.

Произведение, которое составляет основу сборника Боблинского, уже дореволюционные исследователи определили как украинский хронограф или хронограф украинской редакции.

Хронографы — сводные исторические сочинения по всеобщей истории, известные в Киевской Руси с XI в. и получившие распространение в Русском государстве с XV в., составлялись на основании греческих, западноевропейских, южнославянских и древнерусских источников. В дальнейшем зносились дополнительные сведения о событиях русской истории. В историческую ткань хронографа вплетались также сведения из области философии, богословия, культуры, естественных наук, географии. Таким образом, хронографы приобретали значение своеобразных энциклопедий и удовлетворяли потребности читателя тех времен, прежде всего, в исторических познаниях не только о своей земле, но и о близлежащих соседних и отдаленных странах. Эти произведения являются памятниками историографии и одновременно литературы, поскольку включают сюжеты античного эпоса, эллинистической и византийской литературы.

Украинские хронографы, имея общую основу с русским хронографом редакции 1512 г., в которой излагаются события от «сотворения мира» вплоть до падения Константинополя в 1453 г., включают добавочные статьи — хроники Литвы и Польши. На фоне их излагается история украинских земель. Украинские хронографы отличаются от русских еще и языком, стилем изложения, акцентом на событиях, более интересующих украинского читателя, широким использованием латинских и польских источников.

Списки украинского хронографа в настоящее время в литературе классифицируются по двум редакциям. Первая редакция создана в XVI в. Советский исследователь О. В. Творогов считает, что она восходит к русскому хронографу редакции 1512 г. и продолжает его текст выписками из польской хроники Мартина Бельского¹⁰.

В начале XVII в. возникла вторая редакция украинского хронографа путем расширения первой, в которую была внесена дополнительная часть: «Кройника славяноруская о панствах русских, полских и литовских» со сведениями по истории Древней Руси, Литвы, Польши и Украины. Насчитывается до десяти списков второй редакции. Однако сле-

---

¹⁰ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 188—189.

дует отметить, что украинский хронограф изучен недостаточно и опубликован только частично.

Именно украинский хронограф второй редакции переписал Леонтий Боболинский в свой рукописный сборник. В заглавии он сообщает о месте и времени переписки, называет свое имя и социальное положение: «Лѣтописецъ сї ест Кроїника з розныхъ авторовъ и гисторыковъ многихъ диалектомъ рускимъ ест написана в монастыру Святотроецкомъ Илинскомъ Чернѣговскомъ іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ, законникомъ монастыра Выдубицкого Кїевского, року от Рождества Христова 1699, месяца апрыля, дня 23». Свое предисловие к хронографу — «Слово ко любимому читателю всякому» он заканчивает частичным повторением этих данных: «Твоему благородію, возлюбленный читателю, всѣхъ благъ желающий Леонтъ Боболинский, іеромонахъ и пострыженецъ монастыра Выдубицкого Кїевского» (ф. 30, № 89). За предисловием следует «Оглавление речей, которые в сей книзе обрѣтаются», а затем текст, совпадающий с русскими хронографами — библейская история «от потопа» и вслед за нею всемирная история, где много места отведено истории Византии. И так — до 1453 г., т. е. эта неразделенная на главы часть хроники заканчивается захватом Константинополя турками.

Затем следуют самостоятельные части украинского хронографа. Первый раздел: «Панство краевъ заходныхъ цесаровъ старого Рима» (от времени правления Карла Великого до 1542 г.). Здесь излагается история средневековой Западной Европы, в том числе история крестовых походов, рассказывается о путешествии Колумба, «о людяхъ дивныхъ и розныхъ».

Второй раздел: «О панствахъ турецкихъ, отколь повстало и яко размножилися и зойшли в тіе краї востодніі». В нем сообщается о появлении турок в Азии из-за Каспийского моря и с Кавказских гор, об образовании Османской империи, освещается история правления одиннадцати султанов. Заключает раздел рассказ о султани Сулеймане, который начал править с 1520 г. Последняя глава этого раздела называется — «О набоженстве турецкомъ плюгавомъ».

Третий раздел: «Кроїника славяноруская о панствахъ русскихъ, полскихъ и литовскихъ» — состоит из трех глав. Первая глава — «Кроїника руская» — начинается изложением истории славянства: «Початокъ и выводъ старожитного и валечного народу словенскаго, з которыхъ Русь и вси славяне початокъ и рожай свои выводятъ». Далее освещается древне-

русская история, в частности, говорится «о преславном столечном всего народу русского головном мѣстѣ Киевѣ и якого року по Христвѣ и от кого заложен».

Последующий текст включает украинскую хронику, которая завершается рассказом о нападении турецко-татарских войск на Чигирин в 1677—1678 гг. и о боевых действиях против них русских и украинских войск: «Сказаніе о первом бѣсурманском приходѣ под Чигирин, о втором приходѣ их под Чигирин, о преславной побѣде над турками и татарами, о пришествіи под Чигирин войск православных, о приходе множественных сил царских и войск запорожских ко Кіеву». За этими статьями идет своеобразное послесловие «Пересторога», в котором объясняется читателю необходимость рассказа о Чигиринских походах: «Не дивися сему, читательнику ласкавий, же тые походы под Чигирин турков нечестивых положили в концу русской кройники и діев старожитных».

Вторую главу составляет «Литовская и Жмойтская кройника» («Вывод и початок о Великом княствѣ Литовском и Жмойтском, отколь змоглися и пошли»). Она заканчивается известиями о смерти польского короля Стефана Батория и избранием на престол Речи Посполитой Сигизмунда III в 1587 г. Третья глава — «Короткое собраніе кройники полской» излагает историю «ведлуг наступованя одного по другом всех княжат народу польского, почавши найпервей от Леха, першого монархи», заканчивая последовательное историческое освещение смертью Стефана Батория. Завершают главу две «повести» «О Ивоне, господару волоском» и «О Подкозе, господару волоском» (конец XVI в.), представляющие собой выписки из расширенного краковского издания 1611 г. «Хроники Сарматии Европейской» А. Гваньини в переводе М. Пашковского на польский язык¹¹.

Боболинский как бы предвосхищает традицию, которая складывается в украинской письменности XVIII в. при создании рукописных книг: дополнять исторические произведения документами, письмами и другими историческими, литературными и научными материалами малых форм. Он вписал в свою книгу после хронографа несколько подобных материалов, в том числе на польском языке, создав таким образом сборник. Это — «Kopia listu x. j. m. Bawarskiego de Baden do Cesarza j. m. o bitwie z turkami, odprawionej

¹¹ Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI века..., с. 126.

19 augusta roku 1691»; «Pogrzeb i obiranie na papieństwo w Rzymie»; «Comissia Hadiecka», т. е. договор между Речью Посполитой и гетманом Иваном Выговским (1658); «Наука о дриаквѣ [опиуме], кому треба еѣ заживати», «Лист [киевского митрополита Исаяи Копинского] до ксіонженця Еремії Корибута Вишневецкого, того часу писанный, як з русина ляхом зостал, в року 1634».

Создатель сборника Боболинский отмечал номер главы в верхнем внешнем углу каждой страницы. Нумерация всех страниц и даты сделаны буквенными обозначениями. Книга, форматом в лист, получилась объемистая, текст занял 637 листов. От первой до последней страницы сборник переписан одним почерком, ровным, четким, очень мелким. Своеобразием графики надстрочных знаков данной рукописи является то, что Боболинский ставил полукружье в различных позициях — перпендикулярно и параллельно верхней части букв. Чувствуется, что он перечитывал свою рукопись, исправляя ошибки, заклеивая кусочками бумаги с вновь написанным уже правильно текстом. Каждую страницу Боболинский обвел рамкой, очертив, кроме этого, рамками поля книги. В них поместил заголовки: вверху — к отдельным разделам, сбоку — к частям текста. В самом тексте заглавия и инициалы выписаны киноварью. На первом листе — красочная виньетка с крестом в сиянии лучей.

Из Черниговского монастыря Леонтий Боболинский перешел в Спасский в Новгород-Сиверском, откуда он был родом. Здесь он и умер в 1717 г. Рукопись по его завещанию была передана Черниговскому кафедральному книгохранилищу. Антоний Стаховский, черниговский и новгород-сиверский архиепископ, в 1717 г. сделал вкладную охранительную запись на нижнем поле 31 листа о том, чтобы книга «не была отделена под анафему от помянутой библиотеки», хотя позже он сам подарил эту книгу Черниговской семинарии¹².

В 1792 г. книга Боболинского совершила путешествие в Петербург. По желанию Екатерины II ее статс-секретарь А. В. Храповицкий затребовал рукопись¹³, которая была послана уже с рядом изменений в ее составе. Префект Черниговской семинарии Иоанн Левицкий присоединил к ней «Реестр князьям черниговским и другим нѣкоторым

¹² Известие о двух летописях, находящихся в библиотеке Черниговской семинарии.—Черниговские губернские ведомости, 1852, № 23, с. 248—249.

¹³ Дневник А. В. Храповицкого (1782—1793). Спб, 1784.

погребенным в Черниговѣ с показаніем времени их кончины и мѣста, где погребены», составленный им на основании данных украинского хронографа, переписанного Боболинским, а также печатных изданий — «Российской виблиофики», «Российской истории» князя М. М. Щербатова и др., на которые он дает ссылки. В Петербурге с книги сняли копию, для чего привлекался, очевидно, переписчик украинского происхождения, т. к. в текст «Кройники» попало очень много слов украинского языка конца XVIII в.

Так возник еще один список всего сборника Боболинского, который в настоящее время хранится в Ленинграде, в ГПБ (Эрм. № 320, л. 1, 2, 3)¹⁴. Сборник Боболинского был возвращен в Черниговскую семинарию, где он находился еще в начале XX ст., однако уже не в полном виде.

В 1854 г. издателем Летописи Грабянки Иваном Самчевским были опубликованы в качестве приложения к ней фрагменты из сборника Боболинского — его вступительное «Слово» к читателю, завершающие «Кройнику» рассказы об Ивоне и Иване Подкове, о Чигиринских походах, а также «Пересторога»; кроме того, из числа дополнительных материалов — письмо к Вишневецкому, а также «Реестр князьям черниговским...» Иоанна Левицкого. Неполноту публикации издатель объяснял тем, что, по его мнению, «содержание Летописи Боболинского — скудное для науки новыми фактами». Выбор фрагментов он аргументировал наличием в них «материалов, имеющих отношение к истории здешнего края»¹⁵.

Эта публикация вызвала интерес у исследователей и желание познакомиться непосредственно с новым памятником украинской письменности. Однако выяснилось, что из сборника Боболинского изъято около половины ее объема — текст третьего раздела — «Кройника словяно-русская...» и соответствующие страницы оглавления (л. 379—386, 391—636). При этом специально был обрезан корешок переплета так, чтобы скрыть хищение части рукописи.

В литературе высказывались различные предположения относительно обстоятельств хищения почти половины рукописной книги. Одни считали, что часть книги изъял Самчевский для издания, после чего, якобы, эта часть попала в Киевский исторический архив¹⁶. Д. И. Багалий предпо-

¹⁴ Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 48.

¹⁵ Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854, с. VIII, 273—334.

¹⁶ Лилеев М. И. Описание рукописей..., с. 71.

лагал, что рукопись присвоил польский коллекционер Мариан Горшковский и что уже в начале 20-х годов XX в. она находилась в Кракове¹⁷. Академик Н. К. Никольский, пользуясь польским описанием краковского собрания рукописей, выявил «Хронику Боболинского», но он высказал предположение, что это другой ее список (БАН, рукописная картотека академика Никольского, ящик № 1).

Догадку Д. И. Багалия окончательно подтвердил через полвека советский книговед Я. Н. Шапов, давший развернутую характеристику и палеографическое описание части сборника Боболинского, находящейся в настоящее время в Кракове¹⁸. По печатям на краковской рукописи он установил, что эти фрагменты попали к известному польскому историку и коллекционеру Станиславу Филиппу Кшижановскому, который в 1858—1860-х годах учился в Киевском университете и был владельцем имения Черповоды в Уманском уезде Киевской губернии. В 1866 г. он подарил свою коллекцию рукописей Краковскому историческому обществу, откуда она попала в Библиотеку Польской Академии наук в Кракове (№ 231).

Оставшаяся в Чернигове часть сборника Боболинского до сих пор считается в литературе утраченной вместе со всем семинарским собранием в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.¹⁹ Я. Н. Шапов пишет, что это собрание, а с ним и данный сборник, погибли еще в годы гражданской войны²⁰, хотя Д. И. Багалий в 1923 г. упоминал о сборнике, как о неполном, но существующем. В работах, вышедших в последние годы, повторяется версия об утрате рукописи²¹. Однако эта версия не соответствует действительности. Первая часть сборника Боболинского существует. В настоящее время она находится в рукописном отделе ЦНБ АН УССР, который приобрел ее в букинистическом магазине в 1968 г. (ф. 30, № 89).

---

¹⁷ Багалий Д. Нарис української історіографії: Джерелознавство. К., 1925, т. 1, вип. 2, с. 98.

¹⁸ Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976, т. 1, с. 155—160.

¹⁹ Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славянорусских рукописей в СССР. М., 1962, с. 79.

²⁰ Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики, с. 159.

²¹ Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в., с. 80. Князьков Ю. П. Некоторые вопросы публикации украинского хронографа.— В кн.: Анализ публикаций источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1978, с. 77.

Значительно более ранним списком второй редакции украинского хронографа, чем текст в сборнике Боболинского, является рукопись, хранящаяся в ЦНБ АН УССР (I, 171). Возможно, это и есть оригинал или протограф второй редакции или даже третья особая редакция. В нем наиболее ярко и выразительно проявились особенности украинского хронографа, в то же время можем наблюдать специфические черты, присущие именно этому списку, в котором, в частности, отсутствуют последующие добавления о Чигиринских походах и послесловие — «Пересторога». Исследование данной рукописи может содействовать разрешению некоторых вопросов, связанных с другими списками украинского хронографа, в частности — списка Боболинского. Поэтому считаем необходимым охарактеризовать эту книгу, хотя она включает только одно произведение и относится к XVII в.

Несколько небольших отрывков из нее впервые опубликовал М. А. Максимович²², в состав рукописной коллекции которого в 60-х годах XIX в. входила эта книга. Дальнейшая судьба рукописи не была известна. В литературе о ней упоминали, ссылаясь на опубликованные выдержки. Библиотека М. А. Максимовича была приобретена ЦНБ АН УССР в начале 20-х годов XX в. вместе с коллекцией П. И. Житецкого. Нами установлена принадлежность рукописи I, 171 к бывшей коллекции М. А. Максимовича на основании сравнительного текстологического анализа самой рукописи и опубликованных им ранее фрагментов.

Ю. А. Мыцык заметил весьма важный для установления времени создания украинского хронографа момент и дал краткую источниковедческую и историографическую оценку данного списка²³. Слова из ее текста — «теперешнего короля Владислава IV» (л. 592)²⁴ свидетельствуют, что рукопись создавалась в период 1632—1648 гг.

Привлеченная нами для датировки филигрань только предположительно подтверждает это. Филигрань, с контрмаркой — «Alletoderarieg», возникновение которой относят к первой половине XVII в., изображает в рукописи мужскую и женскую фигуры в двух вариантах. На бумаге, заполненной текстом, эта пара — в западноевропейских

---

²² Максимович М. А. Письма о князьях Острожских. — Собр. соч. : В 3-х т. Киев, 1876, т. 1, с. 167—170.

²³ Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в., с. 33—34.

²⁴ В рукописи нумерация страниц двойная: первоначальная буквенная — переписчика и карандашная — нашего времени. Мы ссылаемся на новую нумерацию.

(французских) костюмах первой половины XVII в., мужчина держит бокал, женщина — цветок. На филигранях чистых листов в начале и в конце рукописи изображены костюмы третьей четверти XVII в.; у мужчины на плече ружье, у женщины в руках листья, между фигурами — куст. Нам удалось найти для филиграни чистых листов только приблизительные аналоги в каталогах²⁵.

Характер письма может служить аргументом в пользу первой половины XVII в. Книга написана скорописью луцкой школы, явно не позже середины XVII в., о чем свидетельствует, например, характерное написание букв Д — с вытянутой левой нижней черточкой и Ж — в виде лежащей цифры 8. Почерк мелкий, круглый, ровный, разборчивый.

Таким образом, если даже это не оригинал второй редакции украинского хронографа, а список, то список, очень близкий к оригиналу и созданный в пределах одного с ним времени. А может быть, даже, повторяем, особая редакция.

Рукопись имеет заглавие, ставшее традиционным для украинских хронографов: «Лѣтописецъ то есть Кройника з розныхъ многихъ а досвѣчныхъ авторовъ и историковъ диялектомъ рускимъ есть зложона». (Во всех других списках — «есть написана».) Составитель хронографа не устает ссылаться и в тексте, и на полях на этих «авторовъ и историковъ» как источники своего труда, в ряде случаев называя их произведения и указывая страницы. «Яко свѣдчутъ русские кройникаре» (л. 471); «Яко русские лѣтописци свѣдчатъ; Пишетъ тежъ Зонаресъ, грецкий кройницаръ» (л. 467 об.), «Яко Меховитъ пишетъ» (л. 470), «Яко вси такъ лѣтописци русские описуютъ», «О чомъ кроники наши русские и полские — Длукгошъ и Меховитъ — в книгахъ свѣдчатъ» (л. 458 об.); «О чомъ такъ Несторъ и Веняминъ, кройникаре Печерские, свѣдчатъ, мовячи» (л. 515 об.); «А в старожитныхъ лѣтописцахъ русскихъ нашихъ описано» (л. 452 об.). Называет он также «кройникара Павла Демитровича» (л. 591 об.), о котором пока в исследовательской литературе почти ничего не известно. Упоминаются также неоднократно Проконий Кесарийский, Иосиф Флавий, Гваньини, «Хронике» которого в отдельных местах структурно соответствует рассматриваемый список украинского хронографа. Но осо-

²⁵ *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV—XVIII вв. / Атлас. Вильнюс, 1967, № 1/5, с. 5; *The nostitz papers notes on watermarks.* — In: *Monumenta chartae papiraceae historiam illustrantia* / General editor: E. J. Labarre. Hilversum. Holland, 1956, с. 81—82, N 457.

бенно часто упоминается Стрыйковский (например, л. 446, 448, 450, 450 об., 451, 453, 454, 454 об., 457, 506 об., 532 и др.), имя которого иногда называется по несколько раз на одной странице, нередко упоминается вместе с другими авторами. Автор «Лѣтописца, то есть Кройники...», счел нужным сообщить о том, что он использовал наряду с рукописными и печатные источники: «Писаных русских и самых друкованых польских лѣтописцов и кройникаров».

На листе 453 идет речь об основании Киева. «Пришли або притягнули з поль оных тех дыхих и посполу з другими словяны (о которых се вышей змѣнновало), три их брата рожоной: Кий, Щок, Хоров и сестра их Лыбедь, княжата руские з великими и барзо валечными народы, яко вси так лѣтописци руские описуют, и начаша владѣти полянскою землею, мѣста [міста, т. е. города.— Е. М.] и замки ку обороне закладать и будувать почали. Напервей теды Кий, старший брат, замок и мѣсто Киев от своего имени над рекою Днепром заложил, где потом была голова и славная столица единовладства Киевского. Всякой певности часов, коли ся дѣяло, вѣдат не могом, гды ж то жаден з наших лѣтописцов не описал, одно з кройникаров об их доходим, мяновите Матей Стрыковский, каноник жамойтский, року от нароженя господнего 430 посвѣдчаает лист... А наши зас славянорусские кройникары а в чотыриста лѣт потом почали писать. Второй брат — Щок недалеко от Киіва збудовал замок и мѣсто на горѣ— Щковицы от своего имени. Так же теж Хорив, третий брат их, Хоровицу в удѣльном своем князствѣ заложил, которое потом Вышгородом звано. А сестра их Лыбедь, над рекою Лыбедю осадил своі укгрунтовавши, там же замок Лыбедь альбо Любеч збудовала на концу вынеслом. Тыи княжата, преднѣшие, рожаная брата, мѣле под своею моцю других не мало».

Отмечаем интересную деталь — использование автором современных ему терминов для освещения явлений, давних даже для его времени, в результате чего слово «армата», т. е. артиллерия, относится им к периоду Киевской Руси: «Зацный историк пишет: Игор, русский крол когди з великою арматою тягнул до Константинополя...» (л. 457).

Своеобразные заголовки — надписи киноварью на верхних полях — размещаются именно на тех страницах, на которых излагается самостоятельный текст украинских хронографов, продолжающих русские хронографы. На листах 532 об.— 533 имеется надпись — «Кройника собране великое князства Литовского». С листа 533 об. до 600 идет повторяющаяся запись: «Короткое собране кройники Ли-

товское»; а с листа 600 (об.) до конца, т. е. включая лист 646, запись тоже многократно повторяющаяся: «Короткое собрание крайники полской». Параллельно и в тексте даются заголовки, но уже тематические, хотя и с упоминанием источников, с определенными вариациями повторяющиеся и в других списках. «Короткое собрание крайники полской, ведлуг власности и наступованю одного по другом всѣх княжат и кролей народу того, почавши напервой от Леха, первого монарха и справцы народу полского, аж до теперешнего кроля Владислава Четвертого, порядок заховуючи» (л. 614). Последние главы именуются: «Гистория о Ивоне, з иных крайник собрано» (л. 636 об.), «Гистория о Подковѣ, государи волоском» (л. 644).

Наиболее примечательным в этой книге (I, 171) является особенно активное общение автора с читателем. В ходе изложения автор несколько раз делает отступление и непосредственно обращается к читателю, излагая принципы, какими он руководствовался, принимая данную последовательность и данный характер освещения событий. В отступлении (л. 489 об.), озаглавленном им «Намова до читальника» (между прочим, тоже выделенном в тексте при помощи киновари), автор просит не ставить ему в вину встречающуюся у него (хотя и редко) хронологическую несогласованность. Он к этому прибегал сознательно, т. к. не хотел, чтобы прерывалось изложение отдельной темы или оставалось незаконченным описание определенного исторического сюжета, т. е. исторической повести. Автор так и называет «Повѣсть». «Наймилший чительнику, прошу же бысми не міл, о то за зле, жем инде в том моем Лѣтописцу лѣта и рока, ач ест того мало, непорядке се клало, инде бо вѣм чинилом то умыслне, абы ся skutком самая речь, о чом бы колвек шла, повѣсть не была переривана».

Автор сформулировал поставленную перед собой задачу — на основе источников воссоздать историческую картину деятельности своего и соседних народов: «Линию ведлуг мозгу, розуму и силы нашой з доводов историков розных и правдивых положити, абы на фундаментѣ, добре заложеном, снаднѣй и грунтовне могло ся будувать и стосовать дѣй наших русских, полских, литовских, московских и иных народов почасті» (л. 452).

Здесь мы имеем впервые в украинской историографии сознательно сформулированное обоснование нового способа исторического изложения — не летописно-хронологического, а тематического, что знаменовало собой новый этап

в развитии украинской исторической письменности. Обособляется появление (как бы мы сейчас сказали) нового жанра — исторической повести, вырастающей из летописи.

Кроме того, автор некоторую хронологическую непоследовательность объясняет еще и несогласованностью источников, проявляя таким образом критическое отношение к ним. «А другая причина тая,— продолжает автор,— же ест великая трудность з незгодных лѣтописцов и кройникаров, а звлаща о лѣтах, в которых ся што коли дѣяло, а не толко што в наших писаных руских, але и в самых друкованых полских великая ест незгода. Всякож ся мудрому твоему розсудку и баченю полецаю, што ми то перебачите рачишую» (л. 489).

В данном произведении аргументируются также применяемые в нем принципы тематической структуры, например, поясняется, почему более всего и прежде всего уделяется внимание истории Древнерусского государства, вышедшего на историческую арену ранее Литовского княжества (л. 506 об.). Непосредственно обращаясь к читателю-литовцу, причем с дружеской интонацией («литвине-брате»), автор доказывает, что тот не поймет своей истории, если не будет знать древнерусской, взаимно тесно связанных между собой (л. 507).

Отступления в тексте автор делает еще и с целью своеобразного подведения итогов в освещении отдельных исторических этапов. Фиксируя важнейшие узловые моменты, он сформулировал выводы, которые дает в тексте также в личных отступлениях и выделяет их кинovarью: «Показалисмо же тут достаточно и доволне вывели теж есмо певную справедливую енялогию розмаинных народов початки [...], выводы не толко тут в нашей, але ку выразу мѣют и иных гисториков так домовых, яко и посторонных згодитися быс кому, а в розмаитом писмѣ бѣглом чителникови буде могли» (л. 440 об.). Попутно автор отмечает слабое и неудовлетворительное освещение истории украинского народа отечественными историками и «кройникарами»: «Тут зас о руском славном народѣ словенском, о котором перед тым жаден историк або кройникар наш руский значнѣй албо порядней исторѣї не писал» (л. 440 об.).

Таким образом, в данной редакции украинского хронографа наблюдаем уже полный разрыв с летописью.

Вслед за Стрыйковским автор делает «вывод слушный и певный, для чого ся наш народ называет славянами». Поясняется, что благодаря «рицарских дѣлностей» соседние народы — «римляне, грецкие и влоские панства» —

стали его называть славянами, а «княжата сыном своим, как иным народу своим людем посполите имена давали, злучене з славою, яко Свѣтослав, Ярослав, Преслав, Борислав, Вырозислав, то есть который сам собѣ своею дѣлностью славу вырозил, Мстислав, который выймуется за славу, Созѣслав, Мечислав, от меча славный, Станислав, становячий Созѣславу». Эта же мысль о происхождении названия славян от термина «слава» несколько раз варьируется в записях на полях книги с целью акцентировать на ней внимание читателя: «Словяне называны суть от славы рыцерской»; «Назвиска словянам злучене з славою»; «Словянами ...суть з рицарской дѣлностью славными» (л. 444—444 об.).

Автор использовал еще один прием, свойственный народной исторической песне, который напоминает в этом отношении «Слово о полку Игоревом». Это — своеобразный зачин (заспів). Он заканчивает вступительную часть «Кройники славянорусской о панствах русских, полских и литовских» таким текстом: «Почнемо о славном звлаща назвиску нашем словенском, для чего ся Москва, Русь, Поляки, Литва и иныи народы так называются» (л. 441). Далее идут красными чернилами три точки и крупная скоропись: «Початок и вывод старожитного и валечного народу словенского, з которого Русь и вси словяни початок и рожай свой выводят». Это он пишет крупной скорописью, киноварью.

Таким образом, автор украинского хронографа гипотетической третьей редакции (I, 171), уделяя большое внимание вопросу происхождения славян, призывает этим, по сути, к единению славянских народов.

Особенно следует остановиться на языковой характеристике данной рукописи. Сам автор декларирует в заголовке, что его «Лѣтописець то есть Кройника... дѣалектом руским есть зложена». Действительно, здесь мы можем наблюдать процесс формирования украинского литературного языка на народной основе, но с очень сильной примесью полонизмов.

Завершая характеристику данной рукописной книги, следует сказать об ее оформлении. Заголовки выписаны крупной вязью. Очень широко применяется киноварь, которой выписаны заглавия и подзаголовки, слова, фразы и абзацы в тексте, некоторые пункты в оглавлении, отдельные авторские записи на полях, где в нескольких местах повторяется еще изображение киноварью руки, указывающей на те части текста, на которые читателю следовало

обратить особенное внимание. Переплет, по всей видимости, XIX в.— картон, обтянутый кожей, украшенной ромбовидным тиснением.

В результате рассмотрения этой рукописной книги делаем вывод об ее исключительной научной ценности. Она, в частности, поможет дать ответ на ряд спорных вопросов, возникших в связи со сборником Боболинского. Прежде всего, это традиционный, почти неизбежный при рассмотрении рукописной книжности вопрос об авторстве. Боболинский сам, как и все переписчики в те времена, обращаясь к читателю, называл себя — «мъне писателя». А. В. Храповицкий, считая его автором, сделал на рукописи запись: «1699 году Боболинским сочиненная». Поэтому и в исследовательскую литературу данный сборник вошел под наименованием «Хроника Боболинского», хотя М. А. Максимович в 60-е годы прошлого века решительно заявил, что Леонтий Боболинский только переписчик²⁶. При наличии списка I, 171, созданного более, чем за полстолетия до «Хроники Боболинского», и который, как говорилось выше, использовал М. А. Максимович, не остается никакого сомнения в том, что Боболинский лишь переписал этот вариант украинского хронографа, воспроизведя, как предполагает ряд исследователей, какой-то сборник, в котором находились и разделы о Чигиринских походах и послесловие — «Пересторога». М. А. Максимович считал, что Боболинский позаимствовал их из «Синописа»²⁷. Однако обилие церковно-славянизмов в последнем, как и в «Слове ко читателю» самого Боболинского, совсем не соответствует украинскому, почти народному языку названных разделов, а также тексту «Перестороги».

Схожесть с рассмотренной только что рукописью, I, 171 и идентичность с Хроникой Боболинского обнаруживает еще один список (уже XVIII в.) украинского хронографа второй редакции (I, 165). Бывший его владелец, посвятивший в 80-е годы²⁸ прошлого века специальное исследование украинским хронографам, сравнил свой список с текстом Боболинского и сделал вывод, что первый является

---

²⁶ Максимович М. А. Письма о князьях Острожских.— Собр. соч.: В 3-х т., т. I, с. 167.

²⁷ Там же.

²⁸ Науменко В. Хронографы южнорусской редакции.— Журнал Министерства народного просвещения, 1885, № 5 (далее ЖМНП), с. 34—82. В упомянутой выше статье (Князьков Ю. П. Некоторые вопросы публикации украинского хронографа, с. 77) ошибочно утверждается, что списки, принадлежавшие М. А. Максимовичу и В. П. Науменко, не сохранились.

копией второго. Например, неразборчивым записям у Боболинского соответствуют ошибочно написанные слова в рукописи I, 165.

Филигрань рукописной книги I, 165, как нами было установлено, имеет следующий вид. На фоне прямоугольника, вписанного в картуш,— буквы РФ-АГ, а также вензель. Это знак Рольной фабрики Афанасия Гончарова периода конца 30—40-х годов²⁹. Таким филиграням соответствуют годы — 1737, 1742 и 1749. Запись внизу на полях на 28 листах, очень неграмотная и неясная, каким-то образом связывает данный список украинского хронографа с киевским митрополитом Тимофеем Щербацким, который занимал митрополичий престол в 1748—1757 гг. Следовательно, книга I, 165, форматом в лист, писалась в середине XVIII в. В ней пронумеровано 483 листа, однако листы 403—418 вырваны. Поэтому польская и литовская хроники упоминаются только в оглавлении. Заканчивается рукопись, как и в сборнике Боболинского, описанием чигиринских походов и «Пересторогой», однако его предисловие отсутствует.

В книге I, 165 явно недостает последних листов, на которых, вероятно, были переписаны письма и другие исторические материалы из рукописи Боболинского. Таким образом, эта книга, очевидно, ранее представляла собой исторический сборник.

Общий для всех списков украинского хронографа передтекстовой заголовок переписчик рассматриваемой книги I, 165 повторил на первом листе после переплета еще раз, добавив в его конце: «До 1652 года чрез много лѣт дописана», что в какой-то мере проливает свет на время создания структурных частей второй редакции. Ее основная часть заканчивалась, как мы убедились при рассмотрении рукописи I, 171, концом XVI в. Следовательно, текст продолжен был через какое-то время до 1652 г., а уже позднее были присоединены несколько записей и рассказы о чигиринских походах.

Изученная нами графика свидетельствует, что по характеру письма и почерку книга I, 165 разделяется на три части. Листы 1—238 написаны красивой уставной мелкой скорописью; с украшением многих заглавных букв изящной разрисовкой красной краской. Листы 239—402, а также «Оглавленіе, речей, которые в сей книзе обретаются» скопированы вторым почерком. Его можно отнести к

---

²⁹ Клепиков С. А. Филигрانی и штемпели..., № 466, 470, 472, с. 58.

скорописи новой киевской школы. Он отличается четкостью, но и некоторой небрежностью (буквы узкие, вытянутые, с ритмическими, но редкими нажимами). От листа 419 до конца идет третий почерк, менее разборчивый и имеющий общие черты со скорописью, которая начинала распространяться с середины XVIII в. На протяжении всей книги расставлены традиционные надстрочные знаки.

Нумерация листов (до 239) — славянской цифирью, она же употреблена также и в тексте. Поля очерчены с обеих сторон, справа — двойные, в первой графе вписаны заголовки к частям текста. Оформление сборника очень красочное, в заголовке переписчик особенно постарался над словом «Кройника», мачты букв выписаны двойными параллельными линиями, заполнены штриховкой или плетенкой в разных направлениях. Кроме этого, в буквах нарисованы цветы, стебли, вазоны с цветами, барочные виньетки. В результате создаются широкие и большие буквы. На соединительных линиях мачт — звездочки, круги с точками. Инициалы, как и заголовки, выполнены киноварью, нередко в обрамлении цветов и листьев. Встречаются на полях рисунки на библейские сюжеты, а также изображающие греческую вазу.

В упоминаемом выше исследовании прошлого века об украинском хронографе отмечено, что при всей идентичности книги I, 165 и списка Боболинского между ними наблюдаются некоторые стилистические и языковые различия³⁰. Еще большие различия, и не только стилистического характера, установлены нами между текстами книг I, 165 и I, 171. Например, в списке I, 165 освещаются более распространено исторические сведения о разделе владений Киевской Руси между сыновьями Владимира, о строительстве Десятинной церкви и др. Эпизод борьбы Владимира с печенегами в рукописи I, 171 заканчивается его поражением (едва сумел спастись, скрываясь под мостом), а в рукописи I, 165 рассказывается, что вслед за этим Владимир учинил разгром печенегам. Некоторое различие в деталях при описании отдельных случаев крещения на Руси до Владимира также выявляется в этих двух рукописях XVII и XVIII вв. (л. 429—430 об.; л. 467 об.—468). Но вместе с тем, в рукопись XVIII в. из книги XVII в. не перенесены ряд ссылок на источники (I, 171, л. 440, 470, 471 и др.) и авторские отступления, о которых говорилось выше. Установлена нами также более точная в ряде случаев

³⁰ Науменко В. Хронографы южно-русской редакции, с. 41.

датировка в рукописи I, 171 сравнительно со списком I, 165.

Особенно ощутимы в этих двух рукописных книгах, которых отделяет одну от другой целое столетие, языковые несоответствия.

Например:

I, 171	I, 165
всходніі	восточные
лежачіі	лежащие
стале и статечне трвают	крѣпко и непо- движно перебувають

Именно то обстоятельство, что оба списка украинского хронографа отличаются один от другого лексикой, привлечением разных фактов, характером ссылок на источники, утверждает нас в мысли, что перед нами скорее всего — отдельные редакции. Вообще, повторяем, проблема украинского хронографа еще ждет своего изучения, с учетом и исследованием всех списков.

Ко второй редакции украинского хронографа, кроме сборника Боболинского и рукописи I, 165, относятся еще четыре рукописные книги, очень близкие между собой текстуально. В первой — конца XVII в., форматом в лист, на 644 листах (ГПБ, Ф. IV, № 688) — утрачены листы в начале, середине и в конце. Поэтому невозможно даже установить — была ли эта книга сборником.

Остальным трем рукописям XVIII в. дано краткое описание Н. Н. Улащиком — издателем части украинского хронографа — «Кройники Литовской и Жмойтской»³¹. Списки украинского хронографа в издании именуются: Тобольский (Государственный архив Тюменской области, Отдел рукописных книг, № 79), который он положил в основу своего издания; Ленинградский (ГПБ, Ф. IV, 372) и Красноярский (ГПБ, Ф. IV, 727, ч. 1, 2). Они имеют одинаковый формат — в лист и созданы приблизительно в одно время — 40—50-е годы XVIII в. Из дополнительных материалов, находящихся в сборнике Боболинского, в названные рукописные книги включена только одна статья — «Наука о дриаке». Однако даже это единичное дополнение дает основание назвать эти рукописи сборниками.

В этих трех списках украинского хронографа последовательно воспроизводятся структура и текст списка Бобо-

³¹ Полное собрание русских летописей. М., 1975, т. 32, с. 1—7.

линского: оглавление, разделы, заголовки и т. д., с той только разницей, что в предисловии — «Слово ко любимому читателю всякому» — не указывается имя Боболинского. Н. Н. Улащик утверждает, что Тобольский и Ленинградский списки имели какой-то общий протограф, а Красноярский список был скопирован с Тобольского.

Из трех томов Красноярского списка в настоящее время сохранилось два, на первых листах которых имеется одинаковая запись XVIII в.: «Сия книга, именуемая кроника, писана в Сибири, в Красноярску». Красноярский и Тобольский сборники чрезвычайно интересны для определения масштабов и границ распространения украинской письменности в XVIII в., произведения которой попадали в далекую Сибирь, где, как известно, среди учителей, священников, высоких церковных иерархов было немало выходцев из Украины, получивших образование в Киевской академии. Так, в 30-е годы XVIII в. черниговский и новгород-сиверский архиепископ стал тобольским митрополитом. Переехав из Чернигова в Сибирь, он, скорее всего, перевез и книги. С этого времени вышла целая серия сибирских списков украинских произведений.

Неопубликованный список Черниговской летописи

Этот исторический сборник, размером в лист, на 180 страницах³², состоит из двух неравномерных по объему частей, переписанных двумя почерками, приблизительно в одно время (VIII 147м/56). Филиграни первой части, которая включает Черниговскую летопись и пять сопровождающих ее материалов и занимает 124 страницы сборника, изображает герб города Ярославля типа шесть — на гербовом щите медведь с бердышем на плече, вверху большая корона и буквы ЯМСЯ, что соответствует 1781—1786 гг.³³

Другой сорт бумаги первой части имеет датированную филигрань — 1783 г. Вторая часть сборника, — 24 страницы (с. 147—170), заполнена одним произведением. Она также имеет филигрань с гербом города Ярославля, но типа пять — танцующий медведь с бердышем на плече, над его головой маленькая корона. Это — 1779—1784 годы³⁴.

³² В данной рукописи — исконная постраничная, а не полистная традиционная пагинация.

³³ Клепиков С. А. Филиграни и штампы, № 768, 777, 778, с. 71.

³⁴ Там же, № 770, 772, 774, с. 71.

Таким образом, обе части сборника были переписаны в середине 80-х годов XVIII в., что подтверждается и записью на с. 147. В текст заголовка последней статьи сборника — «Хронологія благочестивых митрополитов кievских, почавши от святаго Владимира по нинѣшній 1760 год, кто именно и каковы были преосвещеннѣйшіе митрополиты, архіепископы в Кіевѣ» (1000—1765) — включена приписка, отличным от переписчика почерком: «В Гадяцком Красногорском монастырѣ сочиняемая и мнѣ во время моего ъезда по Черниговской губерніи от игумена того монастыря Иларіона Поварницкого в том монастырѣ 1784 года, декабря 2 дня дана».

Графика письма сборника — скоропись последней четверти XVIII в. также подтверждает эту датировку. Наблюдаются лишь индивидуальные различия в почерках двух переписчиков. Первый писал более четко с отдельными элементами киевской школы (буквы *у* и *ж* имеют плавные полукружья). Надстрочные знаки в данном сборнике не ставились. Встречаем обозначение йотированного современного *ї*, однако его знак — полукружье с точкой — редуцировался в точку (например — «принесенії», «о взятії»). Написание многих слов обоими писцами выдает их украинское происхождение, прежде всего многочисленным употреблением *ы* — *Рыму*, *русын* и т. д.

Объединены обе части в рукописный сборник в конце 80-х годов XVIII в. При изготовлении переплета добавили листы голубой бумаги с филигранью 1788 г. Переплет картонный, с кожаным корешком, типичный для этого времени. Сборник не имеет никакого художественного оформления, очерчены боковые и верхние поля. Некоторые страницы разграфлены для таблиц. Для атрибутирования сборника имеет значение запись на полях первых пяти страниц о принадлежности его Григорию Шафонскому — сыну Афанасия Шафонского — автора знаменитого «Черниговского наместничества топографического описания». Афанасий Шафонский владел значительным собранием старинных рукописей³⁵. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что именно он и объединил эти две рукописи в сборник. Приведенная приписка к заголовку «Хронология» также сделана его рукой. Это установлено нами в результате сличения почерка приписки с почерком редактор-

³⁵ *Апанович О. М.* Значення праці О. Шафонського «Черниговського наместничества топографическое описание» для вивчення соціально-економічної історії Лівобережної України другої половини XVIII ст.— Український історичний журнал, 1960, № 5, с. 127.

ских правок и дополнений, сделанных им в авторском экземпляре «Черниговского наместничества топографического описания», хранящемся в настоящее время в ЦНБ АН УССР (VIII 185м/58, ч. I, с. 3, 40, 166, ч. II, с. 60, 70, 77, 126, 127, 128 и др.). Данное произведение своего отца, как и другие его рукописи, Григорий Шафонский передал председателю Киевской временной комиссии для разбора древних актов М. И. Судиенко, издавшему в 1851 г. труд Афанасия Шафонского. Коллекция М. И. Судиенко впоследствии перешла в библиотеку Киевского университета, а оттуда — в ЦНБ АН УССР. Исследуемый нами сборник (VIII 147м/56) в свое время также входил в коллекцию М. И. Судиенко.

Очевидно, с «Хронологии», составленной в Гадячском монастыре, была снята копия для Афанасия Шафонского: в левом верхнем углу первого листа второй части сборника имеется пометка «Копия». Известно, что Афанасий Шафонский перед написанием своего труда лично объезжал Черниговскую губернию для сбора сведений и материалов, а в Гадяче бывал несколько раз. Данные из «Хронологии» об истории Гадячского монастыря он, очевидно, использовал в своем труде.

Для атрибуции произведений, входящих в состав сборника Шафонского, не имеется достаточных сведений. «Хронология» анонимна, она неизвестна в литературе. Однако в результате анализа ее текста получаем очень интересные сведения для характеристики личности ее составителя. По всем признакам это было лицо духовное, но не чуждое светских интересов. Автор вышел за границы задачи, определяемой заголовком, — составить перечень киевских митрополитов. В специально расчерченной таблице, графы которой обозначены рубриками — «Лѣта от Рождества Христова», «Число митрополитов» — называется с менее или более подробной характеристикой 56 киевских митрополитов. После 36 митрополита (1497) в середине страницы 158 составитель «Хронологии» переходит к перечислению гетманов, отметив: «От сых начинается хронология высокославных ясневелможных гетманов, прежде Хмельницкого бывших». И в дальнейшем, до самого конца «Хронологии» он в ряд митрополитов вкрапливает имена последующих 30 гетманов, сопровождая некоторые краткой характеристикой.

Общий характер изложения хронологии киевских митрополитов и украинских гетманов в своей основе традиционен. Подобные хронологические таблицы представляют

собой чрезвычайно лаконичные, малой формы исторические сочинения. В них еще ощущается отголосок летописания, внешне — это своеобразные «микроретописи», но в действительности — это уже новое явление в историографии. В хронологических таблицах проводился сознательный тематический отбор событий.

Своеобразие «Хронологии» из сборника VIII 147м/56 состоит в том, что ее автор вместе с каталогом митрополитов и гетманов излагает также летопись Гадячского монастыря, начиная со времени его основания, отмечая погодно смену «начальников», освещая строительство и описывая внутреннее оборудование церквей и других сооружений на территории монастыря, рассказывая о разорении и опустошении его униатами, татарами и т. д. Историю монастыря летописец кончает не «нынешнем 1760 годом», как декларируется в заголовке, а 1762. Дописан, очевидно, позже — 1765 г. с сообщением о введении Малороссийской коллегии на Украине и о назначении ее президентом П. А. Румянцева.

Автор «Хронологии» Гадячского монастыря указывает также и на некоторые источники, чего не встречаем в других хронологических таблицах. Он начинает «Хронологию» с 1000 г. и уже в третьем пункте под 1038 г. делает ссылку: «О сем поминает Стрыйковский в книзѣ пятой, главѣ второй» (с. 148). В следующем абзаце, под 1051 г., приводя мнение Стрыйковского о греческом происхождении киевского митрополита Илариона, «Хронология» противопоставляет этому мнению утверждение «Синописиса» («прямого малороссійца»), в остальном отсылая опять к польскому автору: «О протчих его дѣйствіях изволяй да чет Стрыйковского книгу пятую, в главѣ третьей» (с. 148). Рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба «Хронология» подкрепляет авторитетом Нестора Летописца «Кто при сем был перенесеніи и кое там тогда чудо было, изволяй ди чет хронѣкар преподобнаго Нестора-Печерского» (с. 149).

Исторические сведения сообщаются не только о гетманах, но и митрополитах. Наряду с упоминанием о религиозных церемониях — освящение церквей, перенесение мощей и т. д. — мелькают факты из светской жизни. Под 1176 г. подчеркивается, что митрополит Иоанн «грек, муж в науках, яко гражданских, так и в церковных зѣло изучен» (с. 151). Среди митрополитов — своих современников — автор одаряет особенно хвалебной характеристикой Рафаила Заборовского (1731), посвящая ему целую страницу и рассказывая довольно подробно его биографию.

Заборовский «в правах так церковных, як гражданских до тонка изучен, свободных учений насытній рачитель, академию Киевскую возобновил», учредил там изучение немецкого, греческого и еврейского языков, обвел Софийский собор каменной оградой, сделал «сребнопозлащеніе врата царские, на Шулявщине церковь святого равноапостольного князя Владимира своім коштом сооруживси, придал в библиотеку киевскую больше двухсот собственных книг» (с. 168).

Хотя летописные сведения о Гадячском монастыре в общем объеме текста «Хронологии» не преобладают, ее автор свои характеристики и оценки гетманов и митрополитов в значительной степени подчинил им. Он скрупулезно перечисляет все, что было сделано отдельными митрополитами или гетманами для Гадячского монастыря. Так, о митрополите Петре Могиле (1632) сообщается, что он учредил игуменство (с. 162). При митрополите Дионисии Балабане Богдан Хмельницкий был ктиторм Гадячской Николаевской церкви, которую «сам реставровал», а монастырю в 1658 г. он «млин на греблѣ Будиской, под монастирем стоячі, на монастир Гадяцкій во вѣчное владѣние монахом надал и церковь пресвятія Богородицы Рождества прекрасно на баштѣ устроил 1658 г., якоже надпись на двѣрках церковных разными словами свѣдетельствует» (с. 164). Тут интересно использование надписей на здании в качестве исторического источника.

Последующий гетман Иван Выговский (в «Хронологии» именуется «Ян»), заключивший с Речью Посполитой Гадячский трактат «за митрополита Тукальского, идучи с войною з-под Зѣнькова, пустошил веси, где и сей млин, монастирский, от Богдана Хмельницкого наданій, совсѣм спалил и того ж часу весь монастырь Гадяцкій разорил и Климентя Олишевского, на тот час игумена, бывшего здесь, на тот бок Днѣпра в Чегрин усилку сослал» (с. 164—165).

Митрополит Гедеон Святополк князь Четвертинский (1670) прислал монахов для восстановления монастыря и добился помощи монастырю от полковой казацкой старшины и гетмана Ивана Самойловича. Были созданы фортификационные сооружения для защиты монастыря, установлен столб, отграничивающий монастырские земли от полковых (с. 165). Автор не забывает упомянуть, что гетман Даниил Апостол — большой «храбрости и крѣпости тѣла, мужественій побѣдитель в вѣрності же служби по присяжной должности к пресвѣтлѣшому всероссійскому престолу

высочайший ревнитель» — усилил эти фортификационные сооружения в начале XVIII в. «Палями Гадяцкий монастырь в круг оставить приказал» (с. 169). О Михаиле Козачинском упоминается только потому, что он был игуменом в Гадячском монастыре и только попутно сообщается: «Бив[ш]ий академіи Киевския префект, муж учен сей в присудствіи в Кіевѣ ея величества отправлял диалог» (с. 169). Речь идет о представлении пьесы Михаила Козачинского перед императрицей Елизаветой Петровной в Киеве.

Свой текст о митрополитах, объем которого в каждом конкретном случае колебался от двух-трех строк до страницы, автор «Хронологии» завершал своеобразным рифмованным резюме. Такие резюме, в большинстве случаев соответствовавшие назидательно-поучающему духу христианской морали, носили патриотический характер, оценки автора иногда прямо адресовались читателю. Так, о шестом митрополите под 1080 г. говорится: «Иоан — Печерскую церковь освятивій, в науках пребогатий, к нищим милостивій» (с. 149). О десятом митрополите Никифоре сказано: «С Цариграда поспѣшно в Кіев приходиши Никифоре до Бога за Россию молиши» (с. 150). Под 1230 г.: «По первом второй Кирилл митрополит бяше, аки солнце и луна в России сияше» (с. 159). А в связи с митрополитом Алексеем (1364) в резюме говорится: «Зры, коль славны россы» (с. 153). Рассказывая относительно подробно о принятии Флорентийской унии киевским митрополитом Исидором Болгарином и о последующем им насильственном навязывании им унии населению Киева, автор сочиняет такое резюме: «Зри, благочестив, что унѣя вчинила, чернцов всѣх разогнала, церковь раздвоила» (с. 155). Митрополита — Сильвестра Косова — автор безмерно восхваляет за присылку игумена в монастырь: «Сей Сильвестр, солнце наше, Косов — свѣтил ясно, Климентом игуменом Гадич почтил красно» (с. 162). Или же еще об одном митрополите: «Церковь строіш, Мартине, о российский сине, нехай же вся унѣя при тебѣ згине» (с. 160).

Из гетманов автор только двух, связанных с Гадячским монастырем, наделил резюме: «Се ти мзда, о Богдане, в небеси заплата, за млин тобѣ временій — в небѣ вѣчна хата» (с. 164). «Разорил сей монастырь Виговский, во жизни смотри ж, чтоб не был вигнан с небесной отчижни» (с. 165).

Автор «Хронологии» проявляет свою общественную позицию, в которой осязательны просветительские тенденции. Он ценит образованность, восхваляет науки. В одном из

резюме прямо высказывается: «Учение повсюду ублежает люди» (с. 151). Однажды проскользнула и политическая оценка. Об убийстве казаками гетмана Брюховецкого, перешедшего на сторону султанской Турции и Крымского ханства, автор говорит: «Забит правильно».

Приступая к анализу и характеристике первой и основной, по объему и значению, части рукописного сборника Афанасия Шафонского, включающей Черниговскую летопись, следует, прежде всего, отметить, что эта часть является копией (с некоторыми отличиями), сделанной в 80-е годы XVIII в. с другого сборника, как можно думать, созданного в середине 60-х годов того же столетия, но теперь, очевидно, утраченного. В ЦНБ АН УССР нами обнаружена копия конца XIX в. Черниговской летописи (I, 66719) с указанием, что она переписана из сборника на 44 листах, в состав которого входили еще четыре статьи. Они буквально совпадают с четырьмя статьями из шести первой части сборника Шафонского. Копия XIX в. была сделана для А. М. Лазаревского, опубликовавшего Черниговскую летопись³⁶. Издатель упоминает о том, что оригинал рукописи он получил от некоего Персидского, отправив ему ее обратно в Москву после публикации. Он также сообщает сведения о составе сборника и приводит некоторые его маргиналии.

Исходя из перечисленных признаков, а также учитывая различие маргиналий в обоих сборниках, можем сделать вывод, что рукопись Персидского и рукопись Шафонского создавались независимо друг от друга, но на основании какого-то общего протографа.

Таким образом, первая часть книги Шафонского представляет собой «сборник в сборнике» и, возможно, по его заказу была скопирована вместе со всеми многочисленными записями на полях, а потом добавлена «Хронология».

Первая статья (с. 1—19) сборника Шафонского, именуемая «От лѣтописца. Собрание краткое о началѣ родословія от Адама первогодне, и от коего колѣна пойдоша царіе, судіи и властелины, и кто колько лѣт жив», имеет подразделы о царствах Вавилонском, Македонском, Египетском, Римском. Последний подраздел называется: «Царіе,

---

³⁶ Черниговская летопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкие челобитные (с предисловием Ал. Лазаревского). Киев, 1890. Лазаревский напечатал здесь в качестве приложения (с. 35—43) текст так называемых «Коломацких челобитных» наказного гетмана Павла Полуботка и казацкой старшины Петру I, о которых весьма подробно идет речь в Черниговской летописи под 1723 г.

дарствующіи в Константинѣ градѣ. Православніи и ере-
гики».

Вторая статья посвящена древнерусской истории и исто-
рии России. Она имеет такие главы (с. 19—42): «Начаток
в Руси великому княженію всѣх князей»; «Княженіе вели-
кое в Володимерѣ»; «Княженіе московских великих кня-
зей»; «О державствѣ государств русских государей» с под-
разделом — «Царство русских государей»; главы — «Опи-
саніе родства князей русских откуда, куда, якая пошла
фаміліи линія» с подразделами: «Род князей Ростовских...
Тверских... Бѣлозерских... Смоленских... Ярославских...
Суждальских... Муромских... Рязанских», «Род князей рус-
ских раздѣлися на многія назвиска», «Литовскіе князи»,
«Родство боярское».

Третья статья — «О многочисленнѣ побѣдѣ над ливон-
скими нѣмцы и о взятіи Рогодева, Игорева, Рыкобора и
Велкада и иных многих градов» (с. 43—52) состоит из
пяти глав и посвящена Ливонской войне. Статья открыва-
ется экскурсом в историю Ливонии. Автор подчеркивает
факт строительства там еще Ярославом Мудрым города
Юрьева и др.

В четвертой статье — «Сказаніе нѣкіих чудес, бывших
на Москві различных времен» (с. 53—56) погодные записи
территориально выходят за пределы, обозначенные в за-
головке. Кроме Москвы, фиксируются события в Ростове,
Твери, Костроме, Новгороде, Суздали, Казани и др. Зна-
чительное внимание уделено сообщениям о голоде, уничто-
жении урожая, дороговизне цен на хлеб, а также о стихий-
ных бедствиях, эпидемиях и их последствиях. Отдается
дань и присущему той эпохе «чудесному» объяснению не-
обычных явлений в природе — «знаменія» и т. д. Занимает
внимание летописца битва на Калке, неоднократные на-
падения ханских орд на Москву и ее разорение, сражения
великого князя Василия Васильевича и царя Ивана IV с
татарами, борьба за Казань.

Следующие две статьи отсутствуют в сборнике Персид-
ского. Первая — «О взятіи града Казани и всея земли на
Волзѣ рѣцѣ і по Камѣ, яже и болгары поволскія нарицаху-
са» — тоже имеет исторический экскурс об отношениях
московских князей с казанскими татарами и болгарями
(с. 56—57). Вторая дополнительная статья (с. 58) пред-
ставляет собой таблицу, отражающую ход Северной войны.

И, наконец, последняя статья первой части, общая со
сборником Персидского. Это Черниговская летопись, осве-
щающая события украинской истории (с. 59—109).

Таким образом, кроме Черниговской летописи все материалы первой части сборника Шафонского посвящены русской истории. Возможно, они когда-то, в свою очередь, составляли основу сборника, созданного в России, переписанного позже на Украине с добавлением летописи об украинских событиях.

Черниговская летопись оценивалась очень высоко не только историками. Это выдающееся историческое произведение филологи причисляют к жанру историко-повествовательной прозы, квалифицируя его как замечательный памятник литературы и языка.

Текст Черниговской летописи в сборнике Шафонского имеет особенно важное значение, поскольку представляет собой еще неопубликованный ее список — редакцию. Черниговская летопись здесь продлена до 1764 г. и включает ценные исторические сведения.

До самого последнего времени были известны три списка-редакции этого исторического произведения. Два из них использованы для первой публикации Черниговской летописи³⁷. Более ранний список, принадлежавший издателю Белозерскому, был неполным — утрачены последние листы. Он заканчивался 1652 г. По сведениям издателя, рукопись с Летописью была подшита к печатной книге — «О Варлаамъ и Юсафъ гисторія» (1637). Книгу купил в 1735 г. в Ромнах некий Иван Матусевич, который и переписал не совсем грамотно Летопись. Очевидно, временем создания сборника следует считать вторую половину 30-х годов XVIII в. Затем пребывание книги прослеживается в Могилеве (на Днепре), а позже другая запись говорит о продаже сборника в Борзне в конце 70-х годов XVIII в. монахом Максаковского монастыря по имени Косма.

Этот список, который мы будем именовать далее — первым списком, при издании был дополнен Н. Белозерским более поздним, у которого последняя дата — 1750 г. Одна-

---

³⁷ Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Киев, 1856, т. 1. Это издание впервые было детально рассмотрено М. А. Максимовичем (*Максимович М. А. Известие о южнорусских летописях, изданных Николаем Белозерским в Киеве 1856 г.* — Собр. соч., т. 1, с. 231—247). Рецензент утверждал, что среди публикаций Белозерского Черниговская летопись представляет наибольшую ценность. Он отметил ряд неизвестных ранее фактов, сообщаемых Летописью. Его дополнил В. С. Иконников. (Опыт русской историографии, с. 1569—1572), Н. И. Костомаров в рецензии на издание указал на неточности и анахронизмы в Летописи (Отечественные записки, 1857, № 2, с. 14—119). Общая характеристика дана: *Марченко М. І. Українська історіографія...*, с. 80.

ко с 1703 г. в тексте уже имеются большие пропуски. Совсем отсутствуют 1704—1728 гг. И далее, за период более двух десятилетий дается изложение событий, главным образом касающихся церковных дел, и только за шесть лет — под 1729, 1730, 1731, 1744, 1749 и 1750 гг. Этот список, как сообщает Н. Белозерский, входил в состав книги с «Историей Ветхого Завета» и «Синописом», переписанными в 1784 г. в преобладающей своей части иеромонахом «Катедры Черниговской» Авксентием. Затем к ним он подшил рукопись с Летописью, переписанной по утверждению Белозерского в пределах 1742—1761 гг. «не одним лицом и не в одно время». Сборник для издания им был получен из библиотеки Черниговской духовной семинарии. Экземпляр летописи из этого сборника называем вторым списком.

Поскольку с конца XVII в. в тексте встречаются конкретные сведения о Чернигове, издатель дал название летописи — «Черниговская», хотя она имеет свое первоначальное наименование: «Лѣтописецъ, в Руских и Полскихъ сторонахъ дѣяло и якого року»³⁸. Во втором списке добавлена еще дата — «з 1587 года».

Третий список Черниговской летописи, входивший, как сказано выше, в состав сборника Персидского и опубликованный Лазаревским, заканчивался 1725 г. Однако он обладает преимуществом перед предыдущими списками исправностью текста, а также непрерывностью погодного изложения, подробным и обширным описанием за период 1704—1725 гг., отсутствующим в первых двух списках.

А. М. Лазаревский предполагал, что книга с третьим списком Черниговской летописи принадлежала в начале XVIII в. Леонтию Боболинскому. Лазаревский обнаружил в переплете черновые бумаги, использованные владельцем сборника при изготовлении обложки. В их числе были отдельные листки «Собранія краткого о началѣ родословія от Адама» и письма черниговского архиепископа Ивана Максимовича и Леонтия Боболинского. Последний обращается с «супликой» (просьбой) к гетману о помощи в выкупе родственников из татарской неволи³⁹.

Однако с предположением А. М. Лазаревского нельзя согласиться, поскольку этот сборник, как говорит сам издатель, писан одним почерком. Его главное произведение — Черниговская летопись — кончается 1725 г. В то же время известно, что Леонтий Боболинский умер в 1717 г. Испол-

³⁸ Южнорусские летописи..., с. 1, 11.

³⁹ Черниговская летопись по новому списку, с. 2—3.

зование в переплете автографов Леонтия Боболинского и черниговского епископа Ивана Максимовича, скорее всего, подтверждает факт создания и третьего списка Летописи в Чернигове.

Местонахождение всех трех перечисленных списков Летописи в настоящее время неизвестно. Только публикации и обнаруженная нами копия XIX в. третьего списка (I, 66719) свидетельствуют о их существовании в прошлом.

М. А. Максимович высказал соображение, которое поддерживали в дальнейшем другие исследователи, о том, что, судя по содержанию и характеру погодных записей с 1587 по 1692 г.⁴⁰, послуживших первоосновой — ядром летописи, их писал житель Правобережной Украины, возможно, Киева. Лишь с 1693 по 1703 г. и с 1729 по 1750 г. летопись составлялась в Чернигове. Поэтому М. А. Максимович считал название Летописи — Черниговская — не совсем точным.

Автором части летописи, освещающей 1703—1725 гг., мог быть войсковой канцелярист, возможно учившийся в Киево-Могилянской академии. Поражает его осведомленность не только о событиях на Украине, но и хорошее знание официальных документов. Картичность описания ареста в Петербурге наказного гетмана, черниговского полковника Павла Полуботка и казацких старшин из его окружения выдает в авторе очевидца и, возможно, участника событий. В литературе было высказано мнение, что, судя по некоторым подробностям, приводимым автором при описании наступления шведских войск на Новгород-Сиверский, эту часть летописи очевидно писал тамошний уроженец.

При изучении сборника Шафонского нами было установлено, что в его состав входит новый — четвертый список Черниговской летописи, превосходящий остальные, названные выше списки, объемом и полнотой текста, хронологическим диапазоном. Четвертый список начинается не с 1587 г., как другие, а имеет еще две записи — 1497 и 1503 гг. Кроме того, летопись продлена на 15 лет. Собственно, самостоятельной частью четвертого списка следует считать описание событий 1726—1764 гг., поскольку второй список хотя и имеет за этот период записи под шестью

---

⁴⁰ Ю. Мыцык утверждает, что в первой части Черниговской летописи преобладающее количество известий по 1672 год списано с «Кройники о земле Польской» Софоновича и что датой создания ядра Летописи следует считать 1699—1704 гг. (Украинские летописи XVII в., с. 71).

годами, но они не совпадают с четвертым списком, за исключением двух сообщений. Таким образом, перед нами не только новый список, но и новая редакция (VIII 147 м/56, л. 59—109).

Следует указать, что в упоминаемой выше работе — «Украинские летописи XVII в.», вышедшей в 1978 г., ее автор сообщает, что этот список он обнаружил еще в 1972 г. Он кратко анализирует только первооснову — ядро Летописи, заканчивающееся последними годами XVII в., не касаясь части рукописи с описанием XVIII в. Ряд его соображений, в частности, в отношении атрибуции Летописи и определения ее хронологии, как и характеристики исторических взглядов автора части Летописи до конца XVII в., кажутся недостаточно аргументированными. Ю. А. Мыцык отмечает дважды «некоторые неувязки»⁴¹. Четвертый список Черниговской летописи нами был обнаружен при изучении сборника Шафонского, независимо от Ю. Мыцыка, до выхода его работы.

В результате сравнительного анализа четырех списков, приходим к выводу, что переписывая ядро Летописи, составитель ее четвертой редакции делал свои дополнения, исправления и пояснения, которых нет в остальных трех списках. Добавления информативного характера касаются, например, избрания Орандаренко запорожским гетманом в 1634 г., сведений о нападениях и бесчинствах татар в Киеве в 1661 г., а также ряда данных из русской истории. К сообщению о том, что гетман Иван Брюховецкий женился, будучи в Москве в 1655 г., в четвертом списке добавлено: «З великим жалованьем повернулся» (с. 71). Даже отдельный вставленный эпитет показывает не безразличное отношение к переписываемому тексту. «Димитрия цара на Москву проводили поляки» — написано в трех списках, составитель четвертого добавляет — «лжеименитого» (с. 60). Он не согласен с объяснением в других списках причины ссылки гетмана Ивана Самойловича в Сибирь — «хотѣл зрадити Москву и з ордою братерство мѣти» — составитель четвертого списка пишет: «З подыску Мазепыного» (с. 76), который, как известно, действительно добился гетманства вместо Самойловича с помощью интриг и подкупа. Любопытно сравнить цитируемую Лазаревским запись читателя того времени на полях в этом месте в третьем списке «брѣдши, неправда»⁴².

⁴¹ Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в., с. 70—71.

⁴² Черниговская летопись по новому списку..., с. 20.

Особенно интересны сделанные в четвертом списке дополнения и уточнения в описаниях сражений, в изложении биографии известных исторических деятелей и др. за период первой четверти XVIII в., т. е. во второй части Летописи, отличающейся развернутыми рассказами о событиях в третьем списке и отсутствующие в первом и втором списках Летописи. Так, четвертый список вносит такое дополняющее уточнение к описанию в третьем списке наступления шведских войск под Полтавой: «Ноччу, не устоявши на паролѣ, ибо договор был дать баталію іюня 29 публично, а он попередил» (с. 85). Также только четвертым списком фиксируется следующий факт: «Гетман Скоропадскій стоял в Гадячи з генералитетом из бунчуковыми, а полки ліонованы понад Днѣпром для осторожности от ізміннѣчого Орликового нападенія и его партизантов» (с. 89).

Конкретность описания и дополнений вызывают предположение, что оба автора — и создатель этой части в третьем списке, и дополняющий в четвертом — были современниками и принадлежали к окружению черниговского полковника и наказного гетмана Павла Полуботка. В третьем списке рассказывается о смерти Павла Полуботка в 1724 г., 18 декабря «в замку Пітербургском под кароулом» и сообщается о месте и времени захоронения «при церкви святого Самсона Страннопріемца за Малою Неввою декабря 29 числа»⁴³. В четвертом списке уточняется время — «години в ночи с полдня» (с. 95).

Отдельные события в четвертом списке освещены иначе, чем в третьем. Так, некоторые отличия наблюдаем в описании дела Кочубея и Искры. В третьем списке дважды подчеркивается, что их казнили по непосредственному приказу царя: «Казал царь Петр Алексеевич в Борщовой, за Бѣлою Церквою, стяти (чего и сам царь потым жаловал). Той Кочубей открыл был цареви, же Мазепа есть ему змѣнником, яко ж напотым так и сталося, але царь Петр казал им обоим, то есть Кочубеови и Искрѣ, головы поутинати, бо повѣстем их не вѣрил»⁴⁴. В исследуемом нами четвертом списке сообщается, что Кочубея и Искру казнили по приказу Мазепы. Их царь «велѣл послать к Мазепѣ, которым Мазепа казал головы в Борщовой за Бѣлою

⁴³ Там же, с. 34. (В настоящее время этот рукав дельты Невы называется «Большая Невка». У церкви Самсона Странопріимца (построена в честь победы над шведами под Полтавой, сохранилась до нашего времени) в XVIII в. находилось большое кладбище).

⁴⁴ Там же, с. 24.

Церквою постинати». Далее поясняется: «Мазепа хитростію своею склонил к тому государя, что обоіх Кочубея и Искру головами для казни ему выдано за отступленіе яко-вых доносу, в яком, нестерпѣвши обыкновенной доносителям пытки, доносу своего отреклся» (с. 81). С различными нюансами описывается также в обоих списках занятие Меньшиковым гетманской резиденции — Батурина (с. 83).

Самостоятельная часть четвертого списка Черниговской Летописи с 1726 г. до конца, т. е. до 1764 г. включительно, еще не освещенная в научной литературе, написана, по всем признакам, светским, образованным человеком, с широким кругозором, очевидно, близко стоявшим к гетманскому или полковому уряду. Автора интересовали общеимперские, общеукраинские события, а также факты, связанные с Черниговщиной.

Главной темой коротких исторических рассказов, размещенных последовательно по годам, являются политические и военные события, в центре которых, как правило, автор помещает казацкую старшину. Пристальное внимание к ее деятельности выдает в нем представителя господствующего класса тогдашней Украины. Он сообщает подробные сведения о старшинских депутациях к императорскому двору в связи с различными торжествами, очень детально описывает их пребывание в Москве и Петербурге, называет размеры выплаченного жалования и т. д. (с. 96, 107, 108).

Гетманские выборы, как и вообще вопросы административно-политического управления Украины, были предметом особой заинтересованности автора, который, очевидно, как и большинство правящей старшины в первой половине XVIII в., был не безразличен к проблеме автономии Украины. Он с большой радостью сообщает о ликвидации Первой Малороссийской коллегии. Торжественная церемония в октябре 1727 г. избрания гетманом миргородского полковника Даниила Апостола описана с такими подробностями, что следует предположить: или автор лично ее наблюдал, или имел в руках подробнейший протокол церемониала. При этом он подсчитал, что период междугетманства после смерти Ивана Скоропадского длился пять лет и три месяца. Менее подробно рассказывается об «элекції» (выборах) последнего украинского гетмана Кирилла Разумовского в 1750 г., но зато пересказывается содержание государственных документов, связанных с этим событием, в том числе — грамоты Елизаветы Петровны и указа

Коллегии иностранных дел о статусе гетмана (с. 112—113). Автор отмечает (с указанием даже дня) поездки гетмана по Украине, а также в Москву и Петербург, например, отъезд Разумовского в Петербург в 1752 г. и возвращение в свою резиденцию в Глухов после пятилетней «гостины» (с. 113, 114).

Интерес к общеимперским событиям у автора проявляется традиционно — в фиксации династических изменений в императорской семье — рождение, смерть, бракосочетание, наследование престола, дворцовые перевороты и т. д. Это, очевидно, следует объяснить наличием изданных правительственных документов, в том числе манифестов, военных реляций, рассылаемых во все районы Российской империи (с. 101, 103, 114, 118, 120, 121).

Как отдельный законченный сюжет и с большими подробностями разрабатывается рассказ о путешествии императрицы Елизаветы Петровны со свитой на Украину, описывается, в частности, строительство мостов и гатей, починка дорог по пути ее следования. Это событие нашло отражение не только в данной Летописи, но и в ряде сборников, создатели которых присоединяли к переписанным историческим произведениям копии документов, посвященных поездке императрицы в Киев.

Важное место в последней части Летописи — и по объему, и по тому значению, которое автором отводилось этой теме — занимает описание совместных боевых действий русских и казацких войск: поход в Польшу (1733—1735); походы к южной границе для защиты от нападения татарских орд; русско-турецкая война 1735—1739 гг. и др. (с. 103, 104, 116, 118, 120, 124). Говоря о «командировании» казаков на театр военных действий, автор сообщает о потерях только в среде казацкой старшины. В 1736 г. в Крыму ранили в ногу сына гетмана — Павла Апостола, умершего впоследствии от этой раны. Сообщается, что был убит Василий Тамара, «полковничеством переяславским правящий» (с. 104) и т. д.

Несколько раз автор касается важной социально-экономической проблемы, которая имела самый широкий и живой отклик в различных слоях украинского общества. Речь идет о старшинских и имперских налогах и повинностях. Автор говорит о тяжелых податных сборах, наложенных Малороссийской коллегией, и об отмене их в 1727—1729 гг.; перечисляет сборы в «войсковой скарб», т. е. в пользу старшины, проводившиеся согласно «договорным статьям», которые принимались русским правительством и

украинской старшиной при избрании нового гетмана. Сообщается также о постепенной ликвидации войсковых сборов (1730 и 1755 гг.). Это в некоторой мере ограничивало произвол старшины, уменьшало ее доходы, что вызывало ее недовольство и вместе с тем несло частичное, временное облегчение трудящимся массам. Однако впоследствии, используя классовые противоречия, с целью включения Украины в общеимперскую податную систему, царское правительство со своей стороны увеличило здесь налоги и повинности, тяжесть которых легла на плечи крестьянства, низов казачества и малоимущего мещанства.

Специально освещается отмена в 1748 и 1755 гг. имперских податей и повинностей на три года, в связи с неурожаем и нашествием саранчи, в том числе и освобождение от довольствия царских войск, дислоцированных на Украине.

Официальные документы о податных сборах мы встречаем неоднократно и в сборниках в качестве приложений. Автор четвертого списка, очевидно, был знаком с этими документами.

Стихийные бедствия, эпидемии изображены с такой впечатляющей силой, которую никакой источник не мог подсказать. Это могло быть результатом только личных впечатлений.

Примечательной и очень интересной частью сборника с четвертым списком Черниговской летописи являются его маргиналии. Поскольку перед нами копия целого сборника, вобравшая в себя и все записи на полях, думается, разновременные, мы не имеем возможности установить, хотя бы по почерку, принадлежали ли эти записи автору, переписчику или читателям. Однако по некоторым признакам видно, что записи на полях всего сборника делали несколько человек.

Записи на с. 1—55, т. е. принадлежащие статьям, предшествующим Черниговской летописи, весьма примитивны; на поля из текста выносятся отдельные фразы. В ряде случаев добавляется слово «зри», а иногда оно стоит отдельно, как помета. Автор этих записей явно отдавал предпочтение религиозно-церковным вопросам и являлся скорее всего читателем. Неумелыми были его попытки объединить в одной фразе два факта или явления. Он начисто был лишен способности обобщения. Например — «Русь крестилась и поляки» (с. 20). Этих записей немного — одна на страницу, а то и на несколько страниц.

Маргиналии, связанные с текстом Черниговской летописи, делятся на две группы. Первая охватывает период до конца XVII в. На страницу приходится одна-две записи. Они очень лаконичны и посвящены смене русских царей, украинских гетманов, московских патриархов, киевских митрополитов, польских королей, освободительной войне 1648—1654 гг., событиям второй половины XVII в., когда разгорелась междуусобная борьба между старшинскими группировками за гетманство и развернулась агрессия султанской Турции, Крымского ханства, шляхетской Польши на Украину. Одна запись на полях религиозного характера (1662) — «чудо» иконы Черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря — дополнительно свидетельствует о связи изучаемой рукописи с Черниговом (с. 69).

Запись под 1687 г. особенно интересна, поскольку она носит личностный характер: «Сего ж году рождение мое, Ивана Янушкевича» (с. 76). Очень заманчиво было бы истолковать эту запись как заявку автора о себе, что и делает Ю. Мыцык⁴⁵. Однако если это и мог быть автор, то только части летописи — с 1703 по 1725 г. Действительно, в окружении Павла Полуботка был Иван Янушкевич (Яновский), писарь Черниговского полкового суда, который подписывался под Коломацкими статьями и сопровождал наказного гетмана в Москву. Он возвратился оттуда в 1732 г. Таким образом, Иван Янушкевич — и очевидец, и участник ряда событий, описанных в Летописи. Но его нельзя считать автором последующей части Летописи. Выше доказывалось, что сборники с третьим и четвертым списками-редакциями создавались независимо друг от друга. Сомнительно также, чтобы Иван Янушкевич, достигнув в 1765 г. (ранее он писать не мог, поскольку Летопись в четвертом списке кончается 1764 г.) столь преклонного возраста — 78 лет, занимал официальную должность, дающую ему доступ к государственным документам 60-х годов XVIII в., которые широко использованы в последней части четвертого списка Черниговской летописи. Сравнительный текстовый анализ всех четырех списков неоспоримо свидетельствует, что четвертая редакция создавалась одновременно: переписаны были первооснова и вторая часть до 1725 г. и составлена третья часть — 1726—1764 гг. Здесь мы встречаем высказывания, как бы предваряющие события. Например, под 1659 г. (с. 68) пишется — «яко последующая гистория объявляет», под 1725 г. — «яко ниже по-

⁴⁵ Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в., с. 70.

казано» (с. 97), а под 1740 г. читатель отсылается к 1764 г.— «что учинилось, зри наперед» (с. 105).

Записи на полях неопубликованной части Летописи, представляющие собой точно сформулированные заголовки к отдельным частям текста, свидетельствуют о высоком для того времени уровне исторического мышления. Маргиналиями выделяются действительно важные события. Можно предположить, что записи делал сам автор неопубликованного текста, поскольку очень сходны по языку и стилю маргиналии и этот текст, свободные от полонизмов, церковнославянских оборотов.

В рукописи (VIII 147 м/56) встречаются общие для всех списков ошибки в датировке событий, анахронизмы, неточности, повторения, противоречия. Однако в некоторых случаях составитель четвертого списка выявил ошибки своих предшественников и исправил их. Кроме того, неточности в написании фамилий исторических лиц едва ли можно отнести на счет составителя Летописи, продемонстрировавшего свою большую эрудицию, их могли сделать переписчики.

Таким образом, безымянный составитель сборника 60-х годов XVIII в., скопированного впоследствии в сборник Шафонского 80-х годов, был не только переписчиком. Имея в руках еще более ранний список, послуживший ему протографом, он подошел творчески к тексту: добавил статьи, а в главное произведение — Черниговскую летопись внес исправления и дополнения, продолжил изложение почти на 40 лет.

Следует также отметить, что выявленное нами соответствие некоторых исторических сюжетов, трактуемых в продолженной части Черниговской летописи и освещаемых в компактах документов в составе ряда исторических сборников XVIII в., может послужить для историков существенным материалом для определения общественно-политической и социальной оценки современниками отдельных событий истории Украины этого времени. Кроме того, своеобразное взаимоотношение между рукописной и печатной книгой проявляется в привлечении большого объема печатных документов и включении их копий в данную часть Черниговской летописи. Наличием этих документов, а также развернутых рассказов-повестей, сюжетная законченность которых в четвертом списке иногда достигается за счет дополнений, Черниговская летопись поднимается на следующую ступень после Густынской летописи, «Кройники» Софоновича на пути отхода от летописных традиций.

**СБОРНИКИ С ЛЕТОПИСЯМИ
САМОВИДЦА И ГРАБЯНКИ
И СОЗДАНЫМИ НА ИХ
ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ**

Казацкие летописи

В XVIII в. на Украине широкое распространение в рукописном виде получили так называемые казацкие летописи. Однако степень популярности каждой из них, если судить по количеству оставшихся списков, была различной. На основании летописей Самовидца и Грабянки были составлены краткие сочинения по истории Украины, что, в свою очередь, свидетельствует о большой заинтересованности ими широких кругов читательской среды.

Сборники с этими произведениями явно превалируют над другими рукописными историческими книгами. Они занимают более 90 процентов в общем объеме исторической светской рукописной книжности и совершенно определенно выделяются в большую типологическую группу со своими специфическими особенностями, среди которых первое место принадлежит их своеобразному составу. В пределах этого типа, в котором названные сочинения выступают в различных сочетаниях и комбинациях с другими, почти исключительно историческими материалами, сборники можно классифицировать и по видам, также группируя их по составу.

Из XVIII в. пришло к нам и наименование «козацкие лѣтописи», утвердившееся впоследствии за тремя крупнейшими историческими произведениями начала этого столетия, созданными анонимным Самовидцем, Григорием Грабянкой и Самойлом Величко. Последний неоднократно употребляет выражения: «писания козацких лѣтописцев», «козацкие лѣтописцы повествуют» и т. д. Этот термин приняли историки XIX в., хотя некоторые все же отмечали несоответствие наименования «летопись» характеру этих произведений, в которых преобладает связное, последовательное, тематически-хронологическое изложение исторических событий и в которых ощутима тенденция к синтетическому историческому труду. В них наличествуют также элементы исторической повести. Однако при их издании термин «летописи» как бы узаконился, хотя совершенно очевидна его условность.

Эпитет «козацкий» в приложении к данным историческим произведениям претерпел определенную смысловую эволюцию. Для Самойла Величко термин «козацкий» был эквивалентен понятию национальной принадлежности. Называя, например, «козацкими» украинские источники, он противопоставлял их иностранным. В XVIII в. этот термин, определяющий принадлежность к казацкому сословию, мог употребляться в более широком смысле и обозначать весь украинский народ, который иногда именовали «казацким народом». В XIX — начале XX в. вкладывали в это понятие тематический смысл, называя «казацкими» летописями произведения Самовидца, Грабянки и Величко за их «преимущественный интерес к казацким движениям».

В советской историографии этот эпитет определяет социальную принадлежность.

Исторические произведения трех названных авторов являются значительным этапом в развитии украинской историографии XVIII в. В них можно уловить лишь отголоски летописных традиций. Они являются по сравнению с сочинениями XVII в. — большим шагом вперед на пути к созданию научного синтетического исторического труда. Авторы этих сочинений ставили перед собой задачу рассмотрения отдельных завершенных тем.

Основной темой для них явилась освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против господства шляхетской Польши, за воссоединение Украины с Россией 1648—1654 гг. и последующий полувековой этап в истории Украины. Каждое из трех названных произведений заканчивается первыми годами XVIII в. В круг их тематики входит также борьба украинского народа против турецко-татарских захватчиков. Встречаются сведения о крестьянско-казацких восстаниях на Украине конца XVI — первой половины XVII в., предшествующих освободительной войне 1648—1654 гг. и др.

В отличие от монастырских летописей и других исторических сочинений XVII в., казацкие летописи (для удобства изложения сохраняем это, хотя и условное, но привычное в литературе наименование) — целиком светские. О церковных делах упоминается только в связи с их общественным звучанием или последствиями в политической жизни. Казацкие летописи содержат информацию о различных сторонах жизни тогдашнего украинского общества. Преобладающими является политическая и военная сферы, однако имеются отдельные данные социально-экономического

характера, освещаются местные события — пожары, эпидемии и т. д.

Авторы казацких летописей, преодолев локальность монастырских летописей, придали своим трудам более широкое звучание. Содержащиеся в них сведения выходят даже за пределы Украины, история которой показывается ими во взаимосвязях с историей русского и белорусского народов, на фоне международных отношений.

Казацкие летописи; в том числе сравнительно небольшие по объему произведения Самовидца и Грабянки, насыщены описаниями событий; фактами, датами, собственными именами, названиями населенных пунктов. Однако авторы не ограничивались простым фиксированием исторических данных прошлого и настоящего. Они сделали попытку осмыслить исторический процесс, в ряде случаев проявляя свои политические и социальные позиции, свое отношение к историческим деятелям. Стремление определить причины событий и разъяснить их читателям особенно присуще Григорию Грабянке и Самойле Величко. Тенденция этих же авторов к обобщениям и своеобразному подытоживанию отдельных исторических хронологических отрезков проистекает из их желания установить историческую периодизацию. На казацких летописях можем наблюдать дальнейшее расширение источниковедческой базы украинских исторических произведений и появление некоторых элементов научного отношения к историческому источнику, усиление критического к нему подхода.

Авторы казацких летописей, как и других исторических произведений XVIII в., были образованными людьми. Они обучались в Киевской академии, владели украинским, русским, старославянским, польским, латинским, немецким языками, а некоторые, занимаясь военной и дипломатической деятельностью, знали также турецкий и татарский. Это давало им возможность использовать широкий круг литературы — античной, западноевропейской и в первую очередь — древнерусские произведения. Они ссылались на польские исторические и поэтические сочинения, произведения украинских авторов XVII в., в том числе и своих современников, например на «Синописис».

В силу социального и, особенно, служебного положения, казацкие летописцы нередко имели доступ к дипломатическим и другим документам, часто государственного значения: королевским привилеям, гетманским универсалам, царским грамотам и т. д. Эти документы служили им не столько в качестве источника (давали возможность уста-

новить достаточно точную датировку), сколько в качестве дополнений. Понимая значение документов для подтверждения достоверности, они вмонтировали в текст целиком или частично их копии со всеми атрибутами — обращениями, подписями, скрепами и т. д. Авторы переносили в свой труд статистические данные, сведенные иногда даже в таблицы, что было несвойственно монастырским летописям.

Отходя от традиций последних, в которых освещение древнего периода занимало большой объем, казацкие летописцы придавали важное значение данным, полученным в результате личных наблюдений, а также свидетельствам участников и очевидцев событий («повѣствованіе самобыт-ных тамо свидетелей»). Точность в деталях, с указанием дней, иногда часов продолжительности события выдает приобщенность автора к ним, позволяет видеть в нем участника событий. Такие тексты носят характер своеобразного дневника, либо звучат как воспоминания и по сути приобретают форму мемуаров.

Продолжая развивать концепцию, идущую с XVII в., об исключительно важной роли исторических знаний в образовании и воспитании человека, авторы и даже переписчики поднимались до осознания необходимости документирования истории своего народа. Именно в этих условиях получает распространение особый вид сборника, сочетавший в своем составе исторические сочинения и документы. Такая концепция нашла обоснование в философской рукописной литературе начала XVIII в. В курсе риторики¹, который был прочитан в Киевской академии видным русским и украинским ученым первой половины XVIII в., философом, писателем и педагогом Феофаном Прокоповичем в 1706 г. (ДА/П418), шестая книга посвящена истории — «О методе писания истории и о письмах» (л. 146—152)². Характерной чертой этого труда является его патриотическая направленность. По мнению Ф. Прокоповича, автор исторической работы должен показать миру, что история его родины не лишена доблести. Интересно также им рассматривался вопрос об исторической правде и правдивости, о роли личности в истории и т. д. Думается, что авторы казацких летописей и переписчики рукописных исторических книг, будучи студентами Киевской академии, не могли остаться в стороне от влияния идей Прокоповича.

¹ Риторика в XVIII в. входила в понятие философии, наравне с психологией и другими дисциплинами.

² Прокопович Ф. Філософські твори: В 3-х т. К., 1979, т. 1, с. 336—353.

Сборники, содержащие казацкие летописи, по своему составу нами группируются по таким признакам: 1. Сочетание этих летописей между собой, как правило, в сопровождении дополнительных материалов; 2. Объединение их с историческими произведениями; 3. С литературными сочинениями; 4. Соединение с религиозно-нравоучительными статьями (встречается очень редко); 5. Сборники, объединяющие казацкие летописи с копиями дипломатических, правительственных и других документов, а иногда с официальными и частными письмами. Последний вид — самый распространенный.

Документы, попадая в сборник, переживали определенную трансформацию. Многократно переписываемые, они утрачивали свою первоначальную юридическую и делопроизводственную функцию. Для создателя сборника они уже играли роль исторического источника или иллюстрации, либо использовались для хронологического и тематического дополнения текста главного произведения, приобретая, таким образом, функцию исторического повествования. Переписчик, он же составитель сборника, вначале приводил документальную иллюстрацию к последнему абзацу данного сочинения, а затем переписывал остальные документы, которые освещали дальнейшее развитие событий. Возможно, переписчик не считал для себя посильным творчески продолжить летопись, сделав для этого выборку из литературы, а потом свести данные в обобщенную информацию. Поэтому он шел по более легкому пути — представлял готовые документы, не комментируя их. В результате в сборниках официальная фактографичность документа сочеталась с динамическими эмоциональными рассказами казацких летописей. В этой практике включения документов в исторические сборники отразился процесс осовременивания рукописных книг, начавшийся в России и на Украине с конца XVII в.³

Сложилось несколько более или менее стабильных комплектов⁴ документов, кочевавших из сборника в сборник, часто вместе с одним и тем же историческим сочинением, которое играло роль центральной части — «ядра» книги. Переписчики нередко копировали весь сборник в комплексе, создавая идентичную протографу рукописную книгу.

³ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, с. 103.

⁴ Компакт — термин, вводимый нами, здесь и впредь для обозначения относительно устойчивого набора документальных текстов, постоянно сопровождающих рассматриваемый памятник в различных сборниках.

Основных документальных компактов в сборниках данного вида можно выделить пять. Наиболее популярный и самый большой по объему — это так называемые договорные или гетманские статьи, т. е. договорные пункты украинской казацкой старшины и царского правительства, принимавшиеся при избрании каждого нового гетмана, начиная с Богдана Хмельницкого.

Второй компакт включает императорские указы и инструкции о создании так называемого Правления гетманского уряда из шести человек во главе с генералом Шаховским в период междугетманства. Императорские указы, постановления Сената и другие документы об освобождении Украины от налогов на три года, в связи с неурожаем и нашествием саранчи, а также об отмене внутренних старшинских войсковых сборов — составляют третий документальный компакт. Церемониал встречи императрицы Елизаветы Петровны на Украине зафиксирован в четвертом компакте. Пятый — это комплекс разнообразных документов, связанных с восстановлением гетманства на Украине в 1750 г. и избранием гетманом Кирилла Разумовского. К отдельной группе относим документальные компакты, которые встречаются в сборниках в единичных случаях; такими были, например, циклы документов о религиозных преследованиях униатами и католиками украинского населения на Правобережье и др.

Таким образом, перечисленные выше пять компактов — наборов документов, включенные в сборники в сочетании с историческими сочинениями и затем получившие широкое обращение в читательской среде, отражали политические, экономические и социальные явления в жизни Украины XVIII в. Те же темы, что и в документальных компактах трактуются в некоторых исторических сочинениях, в частности, в Черниговской летописи. Следует отметить, что компакты документов обычно присоединялись к тематически близкому сочинению.

Хронологические пределы компакта документов в сборниках имели свои отличия, что определялось временем создания сборника. Переписчики, как правило, заканчивали книгу современными им документами. Создатели сборников в ряде случаев вносили изменения и в состав компактов, не только меняли последовательность документов, но и изымали одни, дополняли другими. Они могли ограничиться одним-двумя документами, а иногда комбинировали их из нескольких компактов. Характер подбора документов

служит важным источником для характеристики создателя сборника.

В составе сборников граница между историческим сочинением и документальными комплектами бывала очень подвижной. Приводимый в тексте произведения документ мог перейти в компакт. И наоборот, из компакта документ мог перейти в текст и стать его органической частью.

Встречаются случаи выделения из сборника всей его документальной части в самостоятельный сборник исторических материалов. При переписывании его составители, в свою очередь, вкрапляли мелкие литературные произведения, вирши, рецепты из «лечебников» и «травников» и т. д.

Рассматриваемый вид сборника представляет большую ценность для исследователей-историков. Среди приводимых документов встречаются неопубликованные и даже неизвестные исторической науке. Ряд документов задолго до их публикации попадал в читательский оборот, благодаря переписыванию их в сборники.

Данный вид сборника является также ценным источником и для некоторых специальных отраслей исторической науки. Переписчики, описывая документ, характеризовали бумагу, печать, подписи и т. д. Внешние характеристики документов, сделанные первым переписчиком, превращались в глоссу при перенесении их в другие сборники. Их повторение встречаем во многих сборниках. Переписчики раскрывали источники копируемых ими документов, вносили в них уточнения, а в ряде случаев формулировали свои заголовки документов. Особенный интерес вызывают заголовки к одним и тем же документам в нескольких сборниках, принадлежавшие различным лицам. Сравнительный анализ текстов показывает далеко не одинаковое отношение к историческим событиям у отдельных представителей различных социальных слоев.

Введение документов в состав рукописных сборников представляет собой общее явление для русской и украинской рукописной книжности XVIII в. По наблюдениям М. Н. Сперанского, для русских рукописных сборников первой половины XVIII в. (в основном литературных; поскольку именно их специально исследовал ученый) характерно тематическое и жанровое обогащение состава, вызванное расширением круга интересов читателей. Сборники откликались на современные политические события — победы русских войск, дворцовые перевороты, заключение мирных договоров и др., удовлетворяя таким образом инте-

рес читателей к историческим и географическим знаниям, к «публицистике» — по определению М. Н. Сперанского. В России в демократической рукописной литературе формируется тип сборника, в котором, наряду с литературными сочинениями, в том числе исторической повестью, соседствуют документы и статьи делового или практического характера (часто учебного), либо исторического, либо записи о современных событиях, либо политический памфлет. Составители таких сборников, как справедливо предполагает М. Н. Сперанский, принадлежали к средним и низшим слоям служилого класса, деятельность которых была связана с административными канцеляриями и правящими сферами. Ученый находит аналогии при сравнении этого типа рукописной книги «со сборниками документов и деловых бумаг, составлявшимися, видимо, частными лицами для собственных надобностей»⁵.

Однако здесь требуется внести уточнение. Включение составителем в исторические сборники документов, как и составление «чистых» документальных сборников, едва ли могло преследовать непосредственную практическую цель. Составитель смотрел на документы как на один из видов исторических материалов, с помощью которых, наравне с летописями, хрониками, хронологиями и другими сочинениями, он удовлетворял свой активный интерес к историческому познанию.

Аналогичность в украинской и русской исторической письменности такого явления, как пополнение сборников документами, в ряде случаев проявлялась и в общности их характера документов. В украинских рукописных сборниках встречаются популярные среди русских сборников «журналы», «описания» жизни и деятельности Петра I, памфлеты, приказы, реляции, выписки из «Санкт-Петербургских ведомостей», «Духовного регламента», копии с печатных императорских манифестов, рескриптов, указов, речи во время коронаций и т. д.⁶.

Хотя, безусловно, в украинских сборниках преобладают наборы документов, связанные непосредственно с историей Украины, в частности материалы Генеральной войсковой, полковых и сотенных канцелярий и других украинских учреждений.

---

⁵ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в., с. 32—38.

⁶ Там же, с. 33—34.

Летопись Самовидца

Летопись Самовидца была написана в конце XVII — начале XVIII в., а опубликована спустя 150 лет. Однако трудно назвать еще какое-либо историческое произведение, созданное на Украине в XVII—XVIII вв., которое вызвало бы такой поток исследовательской литературы после публикации. Текст Летописи Самовидца неоднократно изучался историками, литературоведами. В специальном исследовании скрупулезно и последовательно, событие за событием, факт за фактом проверена достоверность ее описаний⁷. Ее текст трижды издавался с обширнейшими предисловиями-исследованиями, в которых рассматриваются списки Летописи, а в подстрочных примечаниях даются разночтения этих списков⁸.

Утвердившееся наименование этого безымянного произведения — Летопись Самовидца, т. е. очевидца — отражает особенность и характер его источников. Неизвестный автор писал свой труд по личным непосредственным впечатлениям и воспоминаниям о событиях. Время создания Летописи относят к последней четверти XVII в. — началу XVIII в. Хронологическими рамками служат 1648—1702 гг. Местом создания называют северную часть Левобережной Украины, возможно, город Стародуб.

По характеру изложения Летопись четко делится на две части. Первая, охватывая период 1648—1677 гг., имеет исторический стиль изложения, с описанием событий в логически-причинной последовательности, в форме структурно-связанных между собой, развернутых, эпических, законченных рассказов о реальных событиях. Каждому рассказу автор дал заголовки. Во второй части (1678—1702) погодные записи последовательно вкладываются в четкие хронологические рамки. Хотя и здесь наблюдается отход от летописной традиции, а отдельные страницы имеют эмоциональный характер, приближаясь к дневнику или мемуарам.

Это светское историческое произведение, оцениваемое историками как один из достовернейших источников истории Украины второй половины XVII — начала XVIII в., филологами, в свою очередь, определяется как выдающийся памятник украинской литературы и языка. В летописи —

⁷ Петровський М. Нариси історії України XVII — початку XVIII століть: Досліди над Літописом Самовидця. Харків, 1930.

⁸ Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малороссии по его смерти. М., 1846; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам...; Літопис Самовидця...

живая, народная, далекая от книжной искусственности речь, пересыпанная пословицами, поговорками и др.

Летопись Самовидца дошла до нас в нескольких позднейших списках, семь списков относятся к XVIII в., три представляют собой, в сущности, копии, выполненные в XIX в. Хотя в каждой отдельной рукописи наблюдаются текстовые различия, пропуски, поправки, некоторые несоответствия и отступления, исследователи пришли к убеждению, что все списки Летописи Самовидца принадлежат одной редакции, имеющей два варианта: полный и сокращенный.

Ранние списки. Два из наиболее ранних известных науке списков Летописи Самовидца (их отделяет от времени создания оригинала немногим более трех десятилетий) входят в состав исторических сборников, которые хранятся в ЦНБ АН УССР.

Сборник смешанного состава форматом в лист, объемом в 198 листов, включающий текст Летописи Самовидца (I, 386б, л. 86—146), датируется, по косвенным данным, второй половиной 30-х годов XVIII в. и является, таким образом, наиболее близким к оригиналу по времени создания. Бумага, как нами было установлено по филиграням,— голландского производства 20-х годов XVIII в.

Историческая часть, кроме Летописи Самовидца, содержит документы, среди них — договорные статьи гетманов Богдана и Юрия Хмельницких, универсал гетмана Богдана Хмельницкого от 18 мая 1648 г. из-под Белой Церкви с призывом к украинскому народу подниматься на восстание против господства шляхетской Польши. Некоторые исследователи считают этот универсал апокрифичным. Однако он пользовался на Украине на протяжении всего XVIII в. среди читателей рукописных книг чрезвычайно широкой популярностью. Его наличие выявлено нами в ряде сборников. Собиратель и издатель исторических материалов об Украине Федор Туманский, публикуя универсал Богдана Хмельницкого, писал: «Манифест гетмана Богдана Михайловича Хмельницкого. Сей находился у многих руках, почему и не трудно было мне оный достать»⁹. Возможно, для сопоставления с документами Богдана Хмельницкого в сборник был переписан Гадячский трактат Ивана Выговского с Речью Посполитой в 1659 г., который мы уже встречали в составе сборника Боболинского. Цикл

---

⁹ Туманский Ф. Летописец Малыя России.— Российский магазин, 1793, ч. 2, с. II, 1—14.

дипломатических документов завершает «Копія с трактату вѣчного мира между его імператорским величеством и салтаном турским, учиненого в Цариграде лѣта от Рождества Христова 1720» (л. 1—84).

Вторую часть сборника составляют два сочинения. Первое, о котором в литературе высказано предположение, что его автором был Феофан Прокопович, носит полемический характер и было направлено против книги Стефана Яворского «Камень веры», осуждая его нетерпимость к протестантам (л. 182—197). Другое сочинение, которое в сборнике представлено в переводе 1722 г. с немецкого на русский язык, имеет публицистический характер и озаглавлено следующим образом: «Розговоры в царствіи мертвых (Седмая часть) между генералом-лейтенантом Иоаганом Реїнголтом фон Паткулем, которій ради своіх умных и изрядных особливых поступов зѣло славный был, и между бароном Георгом Генрихом фон Герцем, преизрядным и умным минѣстром, которій обоих о приключившіеся их злочастіи и о казни их смертной нѣкоторыя особливые размышленія також разные обычаи и поступок тѣх изображены» (л. 150—178)¹⁰.

Летопись Самовидца и гетманские статьи были скопированы в сборник раньше других материалов его владельцем — представителем верхушки казачества Петром Искрицким, запись которого идет по нижним полям на листах 1—20: «От книг бунчукового товарища Петра Искрицкого, рукою его собственной подписанных», хотя можно выявить несколько страниц и с другим почерком. Искрицкий писал очень мелкой скорописью киевской школы. Высокая культура оформления текста, графика и стилистика письма характеризуют его как высокообразованного для того времени человека. Третьим почерком скопированы универсал Хмельницкого, трактат с Турцией и сочинение Стефана Яворского. Четвертым почерком — остальные статьи. На протяжении всего сборника расставлены надстрочные знаки. Рукопись лишена украшений, поля очерчены только на первых листах. Листы с текстом «Розговоров в царствіи мертвых» — в рамке. Очевидно, отдельные части книги были скопированы по заказу Петра Искрицкого.

Сборник, по-видимому, не был в широком читательском обращении. Составленный Петром Искрицким, он находил-

---

¹⁰ В рукописи имеется вклейка XIX в. с библиографическими сведениями об изданиях этого сочинения и об его списках в русских рукописных сборниках.

ся во владении его семьи, был обнаружен в XIX в. у его потомков — Кулябков-Корецких, живших в Суражском повете на Черниговщине, хотя не исключено, что владельцы давали его для прочтения другим лицам. Имеется только семь кратких помет на полях — типа заголовков к тексту и одна хозяйственно-бытового характера маргиналия почерком конца XVIII в. на обороте верхней обложки. «Сказать Параскеви, чтоб прислала чесноку и чтоб за писанками прие[хала]». Следовательно, картонный переплет сделан не позднее конца XVIII в.

Другой список Летописи Самовидца входит уже в чисто исторический сборник (I, 3862), который принадлежал представителю казацкой старшины, двоюродному брату знаменитого украинского и русского философа XVIII в. Якова Козельского, носившему одинаковое с ним имя. В конце рукописи стоит владельческая запись: «С числа книг асаула полкового Якова Козельского».

Сборник, форматом в лист, объемом в 182 листа, открывается несколько сокращенным текстом Летописи Грабянки, в котором утрачены первые листы (л. 3—38). Далее идет: «Лѣтописецъ краткій от початку великороссійскихъ протчїихъ князей и монархов, кто в которомъ году имѣлъ престолъ великороссійскаго княжения и кто в Малой Россїи былъ гетманомъ, в которомъ году и что в тѣхъ годахъ дѣялося. Выписанъ в лѣто от создания мира 7248, а от Рождения Христова в 1740 году» (л. 39—60).

Летописи Самовидца, которая занимает листы 61—113, здесь дано такое название: «Лѣтописецъ избранъ о войнахъ, наставленїи гетмановъ, о измѣни ихъ и о статьяхъ и о прочїихъ дѣлахъ слѣдуется». Завершают сборник договорные статьи украинских гетманов с русским правительством, которые составляют обычный компакт, хотя в данном случае с нарушением первичной хронологической последовательности (л. 114—182).

Список Летописи Самовидца из сборника I, 3862 использовал для ее издания Орест Левицкий. Он считал этот список сокращенным вариантом текста Летописи из сборника Искрицкого. Однако такое утверждение вызывает сомнение, в частности, в связи с тем, что датировка Летописи Самовидца в книге Искрицкого — цифрами, а у Козельского — буквами. Едва ли переписчик, копируя книгу через двадцать лет, переводил ее на устаревший способ датировки. Во всех подобных случаях мы наблюдаем обратное явление, т. е. перевод буквенной датировки на цифровую.

Сборник Козельского переписан одним почерком — мелким, небрежным, хотя и понятным, иногда с нажимами, почти без закруглений. Он представляется выразительным образцом графики письма переходного периода от киевской школы к скорописи конца XVIII в. Из надстрочных знаков сохранилась только точка над и, а также обозначение йотированного «і».

Оформлен сборник очень скромно, не выделены даже заголовки, что присуще и другим переписанным по заказу книгам. В то же время после переписки текст был сверен с оригиналом и вписаны пропущенные слова. Картонная обложка сделана под кожу, по всей видимости, она принадлежит ко времени создания сборника, маргиналии в книге отсутствуют. Таким образом она лишена каких-либо следов обращения в читательской среде.

Следовательно, по характеру письма создание сборника Козельского следует отнести не ранее, чем к середине XVIII в. Это подтверждают филигранные, не учтенные Орестом Левицким, датируемые второй половиной 40-х — первой половиной 50-х годов XVIII в. Филигранные изображения буквы АГФБ, ФАГ, РФ, АЩ в виде вензеля, АГ и знак Pro Patria с буквами АГБ¹¹.

Но самым убедительным аргументом является обнаруженный нами в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (F. IV, № 889) протограф данного сборника, с которого, очевидно по заказу Я. Козельского, и была снята копия целиком. Список летописи Самовидца из этого протографа не был учтен ни одним из трех издателей. Он впервые вводится нами в научный оборот.

Эта рукописная книга в 140 листов состоит из четырех частей: Летописи Грабянки (л. 95—121); договорных статей, размещенных с нарушением хронологической последовательности (л. 41—94); Летописи Самовидца (л. 1—40) и «Лѣтописца краткого», наименование которого полностью совпадает с соответствующим текстом в книге Козельского. Только расположение частей в обоих сборниках имеет некоторые отличия.

Время переписки трех частей сборника ГПБ отмечено в специальных записях. На первых трех листах Летописи Самовидца указано: «Сія книга списася Іваном Ананіевичем року 1735». Название первого раздела Летописи Гра-

---

¹¹ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели, № 24, 25, 29, 30, 467—469, 475—478, с. 38, 39, 58, 59.

бянки заканчивается фразой: «Списася року 1742». В заголовке «Лѣтописца краткого» также включена помета переписчика: «Выписан в лѣто от созданія мира 7248, а от Рождества Христова 1740 году». Поскольку вся книга переписана одним почерком, скорописью ярко выраженной киевской школы, где только иногда проскальзывают буквы в в виде квадрата и к в виде двух параллельных линий, можем определенно сказать, что переписчиком всего сборника был Иван Ананиевич, который создавал его в течение восьми лет. Копирование летописи Грабянки («списася») он датирует 1742 г., но более 20 раз, дойдя до какой-либо даты, на полях высчитывает, сколько лет отделяет эти даты от 1739 г. Очевидно, произведение Грабянки он начал переписывать в 1739 г., а закончил в 1742 г.

Летопись Самовидца в сборнике ГПБ имеет более пространное название, которое переписчик Козельского сократил: «Лѣтописец, в котором выражено о початку войны с окрестными цесарствами, королем полским, салтаном турьским и ханом крымским между государством Російским, о постановленіѣ в Малороссіѣ гетманов, и о измѣнах их, о статьях с подписом рук старшины малороссійской, и о протчих духовных, в чин поставленных архиереев, и о умерших в яких годах».

Приписки Ананиевича на листах с Летописью Самовидца, значительная часть которых, к сожалению, была срезана при позднейшем переплете книги, имеют характер самостоятельно сформулированных заголовков. В них, например, подчеркнута демагогичность правобережного гетмана Петра Дорошенка, принявшего затем подданство султанской Турции: «Дорошенко прельсти чернь». Отмечается также пропольская ориентация другого правобережного гетмана: «Ханенко гетманом по позволенію короля стал» и т. д.

Можно предположить, что Иван Ананиевич является автором «Лѣтописца краткого». Это произведение, по его формулировке, «выписано» им, а не «списася», как другие две летописи — Самовидца и Грабянки. «Выписан» «Лѣтописец краткий» в 1740 г., а изложение событий в нем кончается 1739 г.

Основой для «Лѣтописца краткого», имеющего вид хронологического аннотированного перечня событий, послужили, несомненно, летописи Самовидца и Грабянки и еще какой-то источник по русской истории и истории Древней Руси. Сведений из русской истории довольно много, и хотя преобладают данные династического характера, однако

есть также сведения о борьбе с татарскими набегами, о восстании Болотникова и т. д. Источником описания событий, не упомянутых в Летописях Самовидца и Грабянки, но современником которых был Иван Ананиевич, особенно в 20—30-е годы, послужили его личные впечатления и наблюдения и, возможно, еще Черниговская летопись.

Иван Ананиевич, очевидно, принадлежал к старшине, ей он отводит много места в своем «Лѣтописце». Под 1717 г. читаем: «С Парижа, гдѣ у французского короля гостил, его царское величество возвратился в Питербурх, куда и гетман з старшиною ездил». Несколько пунктов посвящены миргородскому полковнику, а позже — гетману Даниилу Апостолу и его сыновьям — Петру и Павлу, полковникам. Детально излагая дело Полуботка, автор перечисляет имена арестованных старшин, называет время ареста, говорит о конфискации их имений, отмечает возвращение их на Украину. Он также фиксирует назначения казацких полковников, имена умерших и погибших старшин во время походов и других «комендерацій» казацких войск.

Сообщая данные о русско-турецкой войне 1735—1739 гг. он уделяет внимание сбору волов на Украине для русской армии. Ананиевич называет только старшин, обязанных обеспечивать поставку волов, и ничего не говорит о том, что они перекладывали эту обязанность на плечи своих крепостных и зависимых крестьян, которые должны были поставлять не только десятки тысяч волов и лошадей каждый военный год, но и массу погонщиков.

Только один раз автор «Лѣтописца краткого» упоминает о событии, связанном с рядовым казачеством. Речь идет о разделении его на «выборных» и «подпомочников» в 1735 г. Таким образом, было узаконено имущественное расслоение казачества, беднейшая часть которого — «подпомочники» были определены для материального обеспечения выполнявших военную службу «выборных».

Отдавая дань традиции летописания, Ананиевич пишет и о «чудесных» явлениях: «Видѣн был меч на небѣ, остріем в гору, над Полщею стоящій» (1707), говорит об эпидемии в Киеве и нашествии саранчи на всей Украине в 1710 г., о пожаре в Киеве и Чернигове в 1718 г. и о землетрясении в Киеве 31 мая 1738 г. «по полуднѣ в первом часу». Сведения об этом землетрясении нами были обнаружены также в записях на полях других рукописных книг. Не является ли это косвенным указанием на Киев, как место создания сборника?

Свой сборник Ананиевич художественно оформил. Он выделил заголовки и начальные строки стихотворений крупным полууставным письмом. Первые буквы их, инициалы, а также даты писал киноварью, обнаружив ошибку, аккуратно подклеивал полосу бумаги и писал новый текст. Кожаный переплет, сделанный, очевидно, позднее сборника, имеет застёжки из меди и кожи. На верхней обложке вытеснен двуглавый орел особого рисунка: на каждой голове — корона, в одной лапе — держава, в другой — меч, над ними — большая корона. От центра в углы обложки отходят волнистые линии, по краям ее — орнаментированная узкая рамка. Нижняя обложка почти сплошь украшена растительным орнаментом. Свидетельством того, что этот сборник был в читательском обороте, являются две интересные записи, сделанные на обороте последнего листа разными почерками об участии украинских казаков в Хотинском походе русских войск 1739 г. и о пребывании митрополита при армии.

Список-монтаж Летописи Самовидца. Отдельную группу составляют сборники, в которых Летопись Самовидца, соединенная с другим историческим произведением, представляет собой своеобразный список-монтаж. Один из переписчиков решил, очевидно, дополнить Летопись Самовидца вводной частью и продлением записи событий, для чего воспользовался «Кратким описанием Малороссии», которое заканчивается 1734 г.

Протограф этого списка-монтажа, ныне утраченный, был положен в основу первого издания Летописи Самовидца, в результате чего сложилось ошибочное мнение относительно ее объема и хронологии, хотя первый издатель О. Бодянский отметил, что она «продлена до 1734 г.» Только в 1878 г. Орест Левицкий, используя два вновь открытых тогда списка XVIII в. — Козельского и Искрицкого, переиздал Летопись Самовидца, восстановив ее первоначальный текст, отделив позднейшие прибавления. Опубликовав в качестве приложений «Краткое описание Малороссии», он доказал, что даже некоторые дополнения внутри текста также взяты переписчиком из этого же источника.

В настоящее время имеется два почти аналогичных списка-монтажа, в основу которых был положен данный протограф. Каждый из списков объединяет одинаковые документы из двух компактов: манифест и инструкция Анны Иоановны о создании Гетманского уряда, статьи Юрия

Хмельницкого и «решительные пункты» из статей гетмана Даниила Апостола.

В сборнике ХГНБК (№ 596805) сформулированы подзаголовки к тексту Летописи. Вначале — «Дѣйствія в Малоросіі до Хмельницкого». Затем, вслед за описанием победы казацких войск под Желтыми Водами, записано крупной скорописью: «После сего, что происходило ниже сего в Лѣтописи Хмельницкого пространно, явно и убедительно явствует». Непосредственно за этой фразой идет заголовок Летописи Самовидца — «Описание притчины и начала войны Хмельницкого» (л. 4 об.— 5) и ее текст. Таким образом, здесь налицо факт слияния двух источников.

Данный список интересен еще и тем, что в текст Летописи Самовидца после Переяславской рады переписчик вклинил «Статьи» Богдана Хмельницкого в полном объеме (л. 13—26 об.). Эти исторические документы, очевидно, воспринимались переписчиком наравне с Летописью в качестве повествовательного исторического произведения. Листом 73 заканчивается собственно летопись Самовидца (1702), а на 73—81 листах продолжается вмонтированная часть «Краткого описания Малороссии», которая завершается словами: «Конец урядам бытности гетманов». Затем копии названных выше документов (л. 81—95 об.). В конце сборника помещено аннотированное оглавление или, скорее, лаконичная хронология гетманов, составленная на основании выборки сведений из текста Летописи Самовидца, — «Экстракт или краткая выписка... сколько и кто были малоросійские гетманы... следует под сим» (20 пунктов с 1506 г.).

Данный список Летописи Самовидца не был известен в научной литературе. Нами датирован он по филигранн серединой 60-х годов XVIII в. Переписывали этот сборник, размером в лист, попеременно пять почерков, более или менее близких к киевской школе. Позже к нему были присоединены две рукописи XIX в. Первая — «Летопись о Малой России или сокращенная история о казачьих гетманах и о всем случившимся, достойного примечания в Украине» (л. 99—174) — представляет собой очень свободный конспективный перевод на русский язык середины XIX в. списка-монтажа Летописи Самовидца. Выполненный в 1842 г., этот перевод имеет приписку, свидетельствующую о наличии украинских рукописных книг в составе библиотек русских вельмож: «Подлинник писан в лист рукою времен Екатерины, находится в Твери у Н. М. Головина. Подобный экземпляр, по словам Г. Надеждина,

находится у графа Воронцова». Вторая рукопись 1831 г. представляет собой запись «Усного повествования бывшего запорожца, а ныне Екатеринославской губернии и уезда селения Михайловки жителя Никиты Леонтьевича Коржа», опубликованная в 1841 г.

Другой список-монтаж Летописи Самовидца и «Краткого описания Малороссии» входит в состав коллекции рукописей Черниговского исторического музея (АЛ—8). А. Б. Коваленко подробно описал сборник, а также проанализировал и датировал с помощью филигрании список Летописи Самовидца, отнеся его к 60-м годам XVIII в.¹² Сборник имеет формат в четверть листа, объем 104 листа. На 1—89 листах переписана Летопись, на остальных — документы, которые также входят в состав описанного выше сборника ХГНБК.

Черниговский сборник переписал дьяк села Кручи (теперь село Великая Круча Пирятинского района Полтавской области) Косма Иванович Дубницкий. Заявив о себе в приписке, он отмечает, что «с копіи копієвал», т. е. не оставляет сомнений, что его текст — это список еще какого-то списка. А. Б. Коваленко установил в тексте Дубницкого 50 текстуальных особенностей, которые не имеют аналогов в других известных списках¹³.

Однако самой примечательной особенностью сборника Дубницкого следует считать его приписки, сделанные на полях, между строк и на двух подшитых страницах. Они выполнены, как и весь сборник (кроме первых восьми страниц текста), одним почерком. Этот представитель специфической социальной прослойки украинского общества XVIII в. — дьяков-учителей — переписывал, очевидно, сборник «для себя», а не по заказу. Возможно, первые восемь страниц списал какой-нибудь ученик Дубницкого, по его поручению. Во всяком случае, Дубницкий в добавлениях и комментариях показывает историческую эрудицию, знакомство даже с иностранными источниками и весьма энергично и темпераментно выразил свое отношение к событиям, а также к казачеству. В связи с замечанием в тексте о женитьбе Богдана Хмельницкого на своей куме — жене Чаплицкого, переписчик восклицает: «Так ляховъ, скурвому сину и треба, щоб козака не об'жав» (л. 11). Дубницкий вносит уточнение в изложение о месте и раз-

---

¹² Коваленко О. Б. Маловідомий список «Літопису Самовидця». — Український історичний журнал, 1979, № 12, с. 124—129.

¹³ Там же, с. 127.

витии событий, а также сообщает новые подробности, касающиеся военных действий 1648—1655 гг., в том числе и на территории Белоруссии. При этом он дважды ссылается на источники: «Напечатано на нѣмецком диалектѣ в Рубѣнзонѣ или житіи шленского шляхтича Франка Антонія Венцеля, в главѣ 9, на листѣ 32-м и 33-м тако...» (л. 15); «В других лѣтописцах о сем пишут тако» (л. 34—35).

Таким образом, переписчик проявляет здесь себя как очень активный читатель, вступающий в сотрудничество с автором Летописи. Трудно согласиться с предположением А. Б. Коваленко, что переписчик дополнял свой текст еще с одного списка Летописи Самовидца¹⁴. Думается, что дьяк К. И. Дубницкий проделал более сложную работу, используя и комбинируя несколько источников. Тем более, ни описанный выше аналогичный сборник, ни известная еще одна, принадлежавшая М. И. Судиенко, копия 20-х годов XIX в. с протографа, включая документы, не имеет приписок (VIII, 156м/54). Эта копия была использована при подготовке Летописи к третьему, академическому изданию. Еще одна копия 40-х годов XIX в. списка-монтажа XVIII в. (так называемый список Юзефовича) обнаружена нами в ЦНБ (313/526с). В предисловии к третьему изданию Летописи Самовидца этот список ошибочно упоминается в качестве утраченного.

В конце XVIII в. был выполнен еще один перевод Летописи Самовидца на русский язык с добавлениями, но небрежно, с многочисленными ошибками, грубыми описками. Переводчик имел в своих руках два списка обоих вариантов. Пропуски краткого варианта он дополнял из полного.

В заключение можно с уверенностью сказать, что дошедшие до нас рукописные книги с текстом Летописи Самовидца являются только частью того количества списков, которые были созданы современниками автора и последующими поколениями. Летопись не только усиленно читали, но и активно использовали. И Самовидец и Грабянка написали свои произведения в пределах одного десятилетия, однако второй успел много заимствовать у первого. Влияние Летописи Самовидца сказалось и на произведениях других авторов XVIII в.: летописях Самойла Величко и Якова Лизогуба, «Краткой летописи Малыя России», из-

---

¹⁴ Коваленко О. Б. Маловідомий список «Літопису Самовидця», с. 129.

данной Василием Рубаном, а также «Истории русов» неизвестного автора.

Популярность Летописи Самовидца перешла в XIX век. М. А. Максимович, отмечая, что Летопись Самовидца «была давно известна» любителям украинской старины в Киеве и Харькове¹⁵. Далее он пишет: «Так и у меня, еще 1835 г., был старинный список ея — от митрополита Евгения, а потом был у меня другой, мне принадлежащий список»¹⁶. Каких-либо конкретных подробностей о самих списках он не приводит. Результатом усиленного интереса ученых к этому замечательному произведению украинской историографии XVII—XVIII вв. явилось первое его издание в 1846 г.

«Дѣйствія презѣльной брани...» Григорія Грабянки

Из всех исторических произведений XVIII в., созданных на Украине, до нашего времени дошло наибольшее число списков труда Григория Грабянки под названием «Дѣйствія презѣльной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, з поляки за найяснѣйших королей полских Владислава, потом и Казѣмира, в року 1648 отправоватися начатой и за лѣт десять по смерти Хмельницкого неоконченной, з розних лѣтописцов и из діаріуша на той войнѣ писанного, в градѣ Гадячу, трудом Григорія Грабянки собранная и самобитних старожилов свѣдѣтельствѣ утвержденная року 1710».

До последнего времени считали, что существует 20 списков Летописи Грабянки, как условно в историографии и литературоведении принято называть «Дѣйствія презѣльной брани...» Однако на основании обнаруженных нами неизвестных списков, а также данных научной литературы установлено существование в прошлом еще ряда текстов Летописи Грабянки.

Таким образом, сейчас в хранилищах Советского Союза находится более сорока ее списков, а вместе с реконструированными из литературы текстами их число превышает 50. Такое рекордное количество сохранившихся списков безусловно свидетельствует об исключительной популяр-

---

¹⁵ Максимович М. А. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г.— Собр. соч., т. 1, с. 526.

¹⁶ Там же.

ности этого произведения в XVIII в. Думаем, что выявление списков Летописи Грабянки не закончено.

«Дѣйствія презѣльной брани...» послужили основой для другого исторического произведения — «Краткого описания Малороссии». В двух сборниках (VIII 216 м/199; ГБЛ, Тих. 552) встречаемся с попыткой переписчиков переложить содержание Летописи Грабянки в виршах. Из всей украинской исторической письменности XVIII в. только два сочинения были опубликованы в этом же столетии. Это — Летопись Грабянки и «Краткое описание Малороссии».

Федор Туманский владел списком, в котором не было обозначено имя автора и название произведения. Поэтому при издании он дал свое наименование: «Летописец Малыя Россіи»¹⁷. Это издание, ставшее библиографической редкостью, иногда называли «Летописью Туманского». Оно не было известно Временной комиссии для разбора древних актов, которая выпустила в свет «Дѣйствія презѣльной брани...» в 1854 г. в Киеве, считая, что издает ее впервые.

Оценка Туманским публикуемого им «Лѣтописца Малыя Россіи» интересна для нас как мнение читателя XVIII в. Отметив, что «за нѣсколько пред сим лѣт старался я, по возмѣжности, лучшія о Малой Россіи собирать извѣстія», он далее пишет: «Связной лѣтописи искал я долгое время по монастырям, полковым и сотенным архивам, и, наконец, между прочими показала мнѣ лучшее та, которыя начало теперъ сообщаю»¹⁸. Он особенно ценил найденную им летопись за «связность» изложения. Следовательно, у читателя конца XVIII в. была сильна потребность в систематическом обобщенном труде, прообразом которого и явилась Летопись Грабянки.

Однако из трех казацких летописей «Дѣйствія презѣльной брани...» наименее изучено. Первым исследователем Летописи Грабянки был М. А. Максимович. В связи с ее изданием ученый опубликовал статью, подчеркнув большую ценность этого произведения для исторической науки, одновременно отметив ошибки, анахронизмы и неточности в нем¹⁹. И хотя впоследствии Летопись Грабянки прочно вошла в украинскую историографию и литературоведение,

¹⁷ Туманский Ф. Лѣтописец Малыя Россіи.— Россійскій магазин; ч. 2, с. 15—97, ч. 3, с. 54—73, 125—154. Туманский приложил к «Лѣтописцу» украинско-русский словарь: «Изъяснение малороссійскихъ речений в предшедшихъ листахъ», ч. 2, с. 97—108; ч. 3, с. 155—156.

¹⁸ Туманский Ф. Лѣтописец Малыя Россіи, ч. 2, с. II—III.

¹⁹ Максимович М. А. Известіе о Летописи Григорія Грабянки, изданной 1854 года Киевской временной комиссіею.— Собр. соч., т. 1, с. 217—230.

до сих пор не издано специальной работы, посвященной этому замечательному историческому труду XVIII в. В отделе рукописей ЦНБ АН УССР имеется только рукописный черновой вариант неизданной магистерской диссертации Н. К. Зерова начала нашего века (XXXV, 80), в которой проведен анализ ряда источников труда Грабянки и собраны краткие сведения о его биографии.

Некоторые этапы жизни Григория Грабянки до сих пор остаются невыясненными. Было выдвинуто несколько версий, например, относительно его социального происхождения, о месте и времени его гибели, о правильном написании его фамилии. Раздавались даже голоса сомнения в отношении авторства Григория Грабянки, поскольку значительная часть списков «Дѣйствія презѣльной брани...» — анонимны, а рукописи, в которых обозначено имя автора, долгое время не были известны. Но Григорий Грабянка был, безусловно, незаурядной личностью, обладал военными способностями, занимался активной политической деятельностью, поэтому ряд фактов его биографии нашел отражение в исторических источниках, в том числе и в архивных документах, в Черниговской летописи, дневнике генерального подскарбия Якова Марковича и др.

Григорий Грабянка родился в начале 70-х годов XVII в. С 1686 по 1701 г. служил рядовым казаком в Гадячском полку, затем прошел все ступени должностей сотенной и полковой старшины и, будучи уже немолодым человеком, достиг вершины старшинской полковой иерархии, возглавив полковничий уряд. Гадячским полковником он был последние восемь лет своей жизни. Он не принадлежал к феодальной старшинской элите и не был крупным землевладельцем. Небольшим имением его наделили «на ранг», т. е. за старшинскую должность, вместо жалования.

Вся сознательная жизнь автора «Дѣйствій презѣльной брани...» связана с военной деятельностью. Он был участником совместных походов русской армии и казацких войск — Крымских (1687—1689), Азовских (1695—1696), Кызы-Керменского и Таванского (1697), возглавлял казацкую команду на полях сражений Северной войны (1700—1721), командовал казацким Гадячским полком в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. В боях кампании 1738 г. был убит. Подъем политической деятельности Грабянки приходится на первую половину 20-х годов XVIII в., когда он несколько раз ездил в Петербург в составе старшинских делегаций, в том числе и тех, которые добивались ликвидации Малороссийской коллегии и восстановле-

ния гетманства. Вместе с другими старшинами Грабянка был арестован в связи с делом наказного гетмана Павла Полуботка и сидел в Петропавловской крепости. Освобожден он был по вступлении Екатерины I на престол в 1725 г., после чего возвратился на Украину.

В историю Григорий Грабянка вошел как автор большого исторического сочинения, созданного им в 1710 г. и отразившего его взгляды, мировоззрение, научные интересы.

Грабянка на нескольких страницах своего сочинения называет его «историей», отдельные главы в различных списках также именуется «гисториями» или «сказаниями» или же «повѣстями». Действительно, пользуясь современной терминологией, с некоторыми оговорками, труд Грабянки можно назвать исторической монографией. Главная тема его сформулирована в заглавии, где автор заявляет, что он посвящает свое сочинение описанию освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого.

В предисловии, названном автором — «Объявление к читателю, коея ради вины сія исторія начатся писати» — объясняется цель и задача труда: «Толь знаменитая дѣйствія... да не прійдуть в крайнее забвеніе, умислих исторію сію в память послѣднему роду написати». Его волновало то, что исторія его народа забыта. «Соболѣзновах не мало, яко и нашего отчества, ничим же от них во воинских трудах разнствующего, в толикой забвенія пучинѣ дѣла видя погруженна»²⁰. Продолжая просветительские традиции XVII в., он декларировал в обращении к читателю необходимость освещения истории своего отчества и распространения исторических знаний, а также передачи их последующим поколениям. Но Грабянка идет дальше и пытается выяснить причины событий и явлений, разумеется, в меру своих возможностей и соответственно уровню историографии его времени. «Како...», «Откуда и чего ради...» — подобные авторские заявки в названиях глав своего труда, в которых освещается каждое отдельное событие, с его началом и последствиями, говорят о таких попытках.

Именно зарождающаяся тенденция к созданию синтетического научного труда, стремление установить причины и выяснить предпосылки событий определили структуру книги Грабянки. Он пишет шесть вводных глав с коро-

---

²⁰ Летопись Григория Грабянки, с. II—III.

тенькой «Предмовой», желая подготовить читателя к восприятию и пониманию основной темы. В этих главах вначале дается очень коротко характеристика казачества, освещается его быт и воинская деятельность. Автор рассказывает об установлении иноземного господства на Украине, описывает крестьянско-казацкие восстания, предшествующие освободительной войне, предварительно сказав о причинах этих восстаний. В круг первых вопросов автор включил обзор сведений о Богдане Хмельницком, его семье и боевой деятельности до 1648 г.

Описанию шести лет войны 1648—1654 гг.— своей главной теме автор посвящает 16 глав. Они составляют основную, наибольшую по объему (почти половина) и центральную по содержанию часть произведения. Здесь почти всем крупным сражениям и битвам посвящены отдельные главы: под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами, походы повстанческих войск под Броды, Львов и Замостье, збаражская и зборовская победы, молдавский поход. Рассказывает он также о трех больших битвах завершающего этапа освободительной войны — Батогской, Жванецкой и Дрежипольской. Две главы связаны с Переяславской радой 1654 г. Григорий Грабянка очень высоко оценивает воссоединение Украины с Россией, подчеркивая всенародную поддержку этого величайшего исторического события: «Что по обоих странах Днѣпра, во всей Украинѣ всякая душа з охотою учинили, и бысть радость великая во всѣм народѣ»²¹. Здесь же рассказывается и о двух последних годах жизни Богдана Хмельницкого, о походе украинских войск уже с союзными русскими войсками против польско-шляхетской армии в 1655 г. Общая характеристика Богдана Хмельницкого дается Грабянкой в героическо-романтической интонации, в одних суперлативах.

Третья часть книги структурно делится на 15 очень небольших глав и раскрывает полувековой период в истории Украины после смерти Богдана Хмельницкого, кончая первыми годами XVIII в.

В середине последней части автор отступает от жанра исторической монографии, и его изложение с 1664 г. до конца, т. е. по 1708 г. включительно приобретает погодный характер, а объем информации, по мере приближения к современному автору периоду, все более сокращается. Встречающиеся еще и здесь рассказы-повести очень кратки. Однако и погодные записи не носят чисто летописного

---

²¹ Летопись Григория Грабянки, с. 123.

характера. В одном месте автор, излагая события более раннего периода, упоминает в перспективе 1709 г. Поскольку труд Грабянки датирован 1710 г., имеются веские основания предположить, что он сам до конца писал свои «Дѣйствія презѣльной брани...».

Грабянка, отдавая дань увлечению авторов и переписчиков XVIII в. различными хронологическими и именованными таблицами, также приложил к своему сочинению таблицы и реестры: «Собраніе гетманов Войска Запорожского в Малой Росіи, пред Хмельницким бывших»; «Хмельницкого гетманство и его военніе дѣйства»; «Имена полковым городам и полковникам по обох сторонах Днѣпра, за Хмельницкого будучим»; «Реестр гетманов, по Хмельницкого смерти будучих»²².

Автор «Дѣйствій презѣльной брани...» очень выразительно указывает в «Объявлении к читателю», что историю писал на основании источников: «Не буди убо чтущим разумѣти, яко нѣчто где от своего умствования приложих, но якож рѣх от достовѣрных историков написанная и от очевидных свѣдетелей сказуемая, собрах и написание предах»²³. Правда о своих источниках он говорит очень неопределенно, хотя и классифицирует их: «Собирая ово от діаріуша наших воинов, в обозѣ писанного, и от духовных и от мерских лѣтописцов, елико в них возмогах обрѣсти достовѣрнѣе написанного, ово от повѣствованія самобитных тамо свѣдетелей, еще в живих обрѣтающихся, их же повѣсть вѣроятно лѣтописцов утверждает»²⁴. Он делает также ссылки и отдельные указания на ряд авторов (римские историографы, польские хронисты — Кромер, Бельский, Стрыйковский, Гваньини, Коховский; немецкие историки — Гибнер и Пуфендорф), однако влияние последних в «Дѣйствіях презѣльной брани...» ощущается в очень незначительной мере. Из труда Самуила Пуфендорфа «Введение в историю Европейскую», например, было заимствовано Григорием Грабянкой только одно известие, связанное с морскими походами казаков²⁵.

Учитывая, что Григорий Грабянка свой труд написал в 1710 г., а первое издание исторической работы Пуфендорфа «Введение в историю Европейскую» в русском пере-

²² Летопись Григория Грабянки, с. 258—271.

²³ Там же, с. II.

²⁴ Там же.

²⁵ Мыцык Ю. А. К вопросу об украинско-немецких связях в области исторической мысли XVII—XVIII вв. (Г. Грабянка, С. Величко и С. Пуфендорф). — В кн.: Вопросы германской истории и историографии. Днепропетровск, 1976, с. 143—144.

воде появилось только в 1718 г., можем сделать предположение, что украинский историк знал это сочинение еще в немецком издании или же в рукописном переводе. М. Н. Сперанский отмечает наличие в русских рукописных сборниках выписок из Пуфендорфа, «содержание которых могло быть известно из поздних хронографов XVIII в., компилятивных и переводных»²⁶.

Наименьший удельный вес принадлежит третьей группе источников, которая в «Дѣйствіях презьльной брани...» называется: «Повѣствованія самобытных тамо свѣдетельства еще в живых обрѣтающихся». Они пополняли собранные Грабянкой сведения о боевых действиях, а также представляли ему материал о фактах, связанных с Гадячским полком. К числу устных источников, очевидно, следует отнести и личные впечатления, и жизненный опыт самого автора «Дѣйствій презьльной брани...». Живое описание деталей участником событий ощущаем в некоторых главах, относящихся к концу XVII в.

Однако основой произведения Грабянки послужили четыре главных для него источника: отечественные — *Летопись Самовидца* и «Синописис» и польские — историческая поэма Самуила Твардовского «Война домова» и «Анналы» Коховского, которыми он пользовался в подлиннике, о чем заявляет в тексте своего труда (с. 100).

Из «Синописиса» Грабянка в «Дѣйствія презьльной брани...» перенес не только освещение фактов, но и историографические идеи. Через «Синописис» он воспринял и некоторые сведения и теории Стрыйковского, в частности, о происхождении названия «казак». Одновременно, опуская ряд данных, Грабянка делал ссылку: «О чесом обширнѣе в Синописисѣ Кіевском, читателю, обрящещи» или «О чесом зри в Кіевском Синописисѣ»²⁷. Он также исключил «благочестивые» рассуждения автора первого учебника истории Украины и России, а вместо этого ввел сведения чисто военного характера, которые несомненно интересовали гадячского полковника.

Наибольшее количество данных Григорий Грабянка почерпнул из *Летописи Самовидца*, применяя все свои разнообразные приемы использования источников²⁸. Неко-

²⁶ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в., с. 35.

²⁷ *Летопись Григория Грабянки*, с. 229, 231.

²⁸ Сравнительный текстовый анализ и выявление заимствований Грабянкой у польских авторов и особенно у Самовидца, а также из других источников проведены в упомянутой выше работе Н. К. Зерова (XXXV, 80).

торые сообщения он переписывал подряд, а из массы других выбирал отдельные сведения. Если изложение автора ему импонировало, и он его буквально копировал, то ряд текстов он пересказывал конспективно. Из одного источника он заимствовал только факты, а из другого черпал еще идеи и концепции. Грабянка, избирательно подходя к фактам, не всегда умел разобраться в противоречивых показаниях различных авторов. Однако, не позволяя себе больших отступлений от источников, он все же сводил их известия к общему знаменателю или останавливался на одном из них. В некоторых случаях у него ощущается критическое чутье²⁹. Так, он опускал необъективные характеристики украинских деятелей польскими авторами, фактические ошибки которых иногда исправлял. Поэтому нельзя согласиться с утверждениями, встречающимися в литературе, якобы автор «Дѣйствій презѣльной брани...» слепо переносил чужие мнения в свое сочинение, был «рабом своего источника»³⁰. Если казацкий летописец и использовал чужие мнения, то он отбирал преимущественно те, которые соответствовали его историческим суждениям, политическим воззрениям, общественным симпатиям, классовым позициям.

Кроме того, в «Дѣйствіях презѣльной брани...» выявляются и собственные взгляды автора, прогрессивные для того времени, особенно в отношении оценки значения исторической науки в жизни общества. Хотя социальные симпатии Грабянки иногда и адресовались рядовому казачеству, однако по своим классовым позициям он тяготел к зажиточной части казачества. Низы казачества, запорожскую голоту он именовал «гультайством», ее участие в казацкой раде квалифицировал, как «своеволие», «бесчинство», выступая, таким образом, против демократических черт в казацком внутреннем устройстве.

Свои политические взгляды Грабянка выражал более определенно. Он примыкал к той группе казацкой старшины, которая поддерживала союз с Россией. Будучи сторонником воссоединения Украины с Россией, он неоднократно подчеркивал помощь Русского государства Украине при защите от польской шляхты и турецко-татарских нападений. Ориентация гетманов и отдельных старшин на Россию служила для автора «Дѣйствій презѣльной брани...» важнейшей отправной точкой в оценке политической си-

---

²⁹ Иконников В. С. Опыт русской исторнографии, с. 1579.

³⁰ Карпов Ф. В защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890, с. 3—4.

туации. При этом самое резкое и безоговорочное осуждение он обрушивал на головы гетманов, порвавших с Россией и стремившихся отдать Украину под иго иноземного владычества.

Среди исторических деятелей Богдан Хмельницкий являлся для него идеалом государственного мужа, политического вождя, полководца и эталоном выдающихся человеческих качеств. «Благоразумный, благополучный, знаменитый, зряднѣйший вождь», «вѣрнѣйший российский сын», «великий побѣдитель и страшило ляхов» — подобные эпитеты сопровождают имя Богдана Хмельницкого в «Дѣйствіях презѣльной брани...». Возвеличивание Богдана Хмельницкого отвечало общим настроениям на Украине. Освободительная война украинского народа против шляхетской Польши, за воссоединение Украины с Россией 1648—1654 гг. была важнейшим событием истории Украины, круто повернувшим судьбу украинского народа и оставившим память у нескольких поколений. Богдан Хмельницкий с течением времени приобрел черты национального героя и был наделен в литературных и исторических сочинениях XVIII в. идеальными качествами.

Грабянка пытался определить место украинского народа во всемирной истории, раскрыть роль казачества в освободительной борьбе украинского народа. Вместе с этим в «Дѣйствіях презѣльной брани...» утверждается идея единства происхождения украинского и русского народов, общность их судеб, а также показывается совместная борьба запорожского и донского казачества против иноземной агрессии.

Автор «Дѣйствій презѣльной брани...», ставя задачу возбудить у читателя интерес к прошлому своей Родины, использовал средства эмоционального воздействия. Стремясь дать читателю литературно обработанную историю, он беллетризовал свое изложение: по своей системе распределил фактический фабульный материал и сюжетные коллизии, а также художественные детали, драматизировал события, литературно обработал речи исторических деятелей. У него присутствует образность и метафоричность. В «Дѣйствіях презѣльной брани...» включены и стихотворные тексты. За авторским предисловием («Объявление к читателю») и перечнем гетманов, полковников и городов следует «Похвала вѣршами Хмелницкому от народа мало-россійского», после которого во многих списках оставлена чистая часть страницы. Этот пробел, очевидно, был запол-

нен в оригинале портретом Богдана Хмельницкого работы Гондиуса, о чем сохранилась запись в тексте. Затем идет заглавие «Печать Малой России войска его царского пресвѣтлого величества запорожского» и вновь чистая страница для изображения запорожского герба (казак с мушкетом на плече), а ниже — «Върши на герб малороссійский».

Имеются еще вирши внутри текста, посвященные победам при Корсуне и Зборове.

Таким образом, труд Грабянки в большой степени отмечен печатью синкретичности, присущей письменности XVII—XVIII вв. Являясь своеобразной предтечей исторической монографии, «Дѣйствія презѣльной брани...» представляет собой замечательный образец исторической повести. В истории литературы труд Грабянки именуется иногда историческим романом.

Хотя оригинал «Дѣйствій презѣльной брани...» не сохранился, но списки, наиболее близкие к нему по времени создания, свидетельствуют, что это произведение было написано на украинском литературном или, скорее, — книжном языке XVII—XVIII вв., в большой степени пронизанном церковнославянизмами. Одновременно особый колорит ему придает использование польских, чешских, латинских и немецких слов³¹. Стиль Летописи Грабянки отличается некоторой тяжеловесностью и искусственностью. Однако следует считать преувеличением характеристику, данную в предисловии ко второму изданию Летописи Самовидца — «вычурность, церковнославянская риторика... многоречивость»³², с которой согласился ряд ученых. На самом деле образность, эмоциональность, увлекательная форма рассказа, насыщенность информацией в большой мере компенсируют недостатки стиля книги Григория Грабянки, производившей сильнейшее впечатление на читателей — его современников и последующие поколения. П. И. Житецкий, проанализировавший языковую структуру произведения Григория Грабянки, объясняет «пристрастность его к славянской речи» стремлением придать торжественность и значительность изложению о героических исторических событиях. «Соответствовала его возвышенному настроению, — пишет ученый, — его серьезному взгляду на важ-

---

³¹ *Рогаль М. С.* Польська мова як джерело чеських лексичних запозичень в українських літописах кінця XVII — першої половини XVIII ст. — *Мовознавство*, 1962, № 2, с. 34—40.

³² *Летопись Самовидца по новооткрытым спискам*, с. V.

ность изображаемых им лиц и событий»³³. Переписчики облегчали язык «Дѣйстви́й презѣльной брани...», приближали его к живому народному языку, в чем мы убеждаемся, анализируя списки.

«Дѣйстви́я презѣльной брани...» выступает как составная часть рукописных сборников, преимущественно исторических. Вторая половина общего количества списков — это в каждом случае отдельная рукопись. За исключением двух книг, все сборники с Летописью Грабянки имеют формат в лист. Думается, что значительность их состава определяла такой размер.

Известны две редакции Летописи Грабянки — пространная и краткая. В составе сборников преобладает краткая редакция. Пространную редакцию, включающую более 30 глав, предпочитали переписывать в отдельную книгу, что, очевидно, можно объяснить в какой-то мере ее сравнительно большим объемом. Поэтому и позже владельцы не стремились присоединять к ней дополнительные материалы и формировать таким образом объемистый сборник. В оригинале Летопись Грабянки, очевидно, имела пространную редакцию.

Краткая редакция. Создатель краткой редакции изъял значительную часть текста в конце Летописи, а также все добавления, идущие вслед за предисловием, не зафиксировав имени автора, хотя во многих списках пространной редакции оно указано. Таким образом, все списки краткой редакции — безымянны и не имеют заголовка. Это явилось причиной того, что до последнего времени некоторые списки не были атрибутированы и проходили в описаниях и каталогах под различными названиями.

Чаще всего Летопись Грабянки в сборниках сочетается с документами, которые в этих случаях утрачивали свою правительственно-дипломатическую, административно-хозяйственную и делопроизводственную функцию, приобретая значение исторических источников и исторического повествования. Создатель краткой редакции, сократив Летопись Грабянки и убрав ее последнюю часть, очевидно, добавил вместо этого компакт документов — договорные статьи гетманского уряда и царского правительства. Краткая редакция Летописи Грабянки заканчивается описанием воссоединения Украины с Россией 1654 г. и ближайших событий, непосредственно следующими за Переяславской

³³ *Жигецкий П. И.* «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII века. Киев, 1900, с. 11.

радой. Компакт документов начинается первыми договорными статьями, так называемыми Мартовскими 1654 г., в том числе приобщенными к ним протоколами обсуждения этих статей посланцами Богдана Хмельницкого и представителями русского правительства.

Классическим образцом сборника, сочетающего краткую редакцию Летописи Грабянки и полный компакт всех договорных статей шести гетманов, можно признать рукописную книгу из фонда ЦНБ (VIII 150 м/50), которая датируется нами, согласно филиграни, приблизительно первой половиной 40-х годов XVIII в. Два почерка, обнаруженные в этой рукописи (один из них — только на первых одиннадцати страницах), по палеографическим признакам можно отнести ко времени не позже середины XVIII в. Книга переписана без пропусков, очень экономно, без украшений, нумерация сделана переписчиком. Обложка — картон, обтянутый кожей, гладкая, без орнамента, того же времени, что и рукопись. Графика — скоропись киевской школы, имеются все стереотипные надстрочные знаки. Объем сборника 218 листов.

Летопись занимает первые 50 листов. Ее текст здесь представляется наиболее полным вариантом краткой редакции, и поскольку он относительно близок ко времени создания оригинала, в нем сохраняются еще в достаточной мере языковые, стилистические особенности последнего. Это — староукраинский книжный язык, датировка на всем протяжении текста — буквенная. Поэтому именно данный текст принят нами условно за канонический для краткой редакции, с которым нами сверялись другие списки при выяснении полноты изложения и при проведении сравнительного текстологического анализа. Здесь, как и во всех других списках краткой редакции, отсутствует вступительная часть, в том числе вирши на герб и др. В то же время в текст вмонтированы вирши, воспевающие победы под Корсунем и у Зборова, чего иногда нет в списках пространной редакции.

С оборота 51 листа сборника (VIII 150 м/50) начинаются «Списки з поставленных статей гетманов войска Запорожского». «Список з статей гетмана Богдана Хмельницкого» открывается большим его письмом царю. Затем следует «Суплѣка Богдана Хмельницкого за переяславскими мещанами», т. е. ходатайство украинского гетмана перед царем о подтверждении Магдебургского права городу Переяславу, где происходила рада, принявшая решение о воссоединении Украины с Россией. По правилам оформле-

ния копии подписи гетмана в этих документах предшествуют «закрепительные» слова — «а внизу написано».

Далее идет запись процедуры приема в Москве послов Богдана Хмельницкого, возглавляемых Самойлом Богдановым (л. 55 об.— 75). Приводятся «Разговорные пункты без всякого решения» (20 статей) и протокол их обсуждения украинскими послами с боярами — представителями русского правительства. Каждая статья в протоколе начинается словами: «И посланникам говорено...», «и посланники говорили». Протокол завершается так: «Зде окончились разговорные пункты словесные без рѣшения, слѣдуют письменные статьи». И далее: «Зде починаются стати самія на писме данные — просительные и рѣшительные», т. е. каждая статья имеет резолюцию бояр и царское утверждение: «Государь указал и бояре приговорили» (24 статьи). Называются бояре и думный дяк Алмаз Иванов, которым были направлены от имени Богдана Хмельницкого отдельные письма. Вслед за этим приводится еще 10 просительных пунктов из письма Богдана Хмельницкого царю и решение последнего по каждой статье. После восьмой статьи вписан царский указ, в котором говорится о событиях, предшествующих воссоединению и поясняются его причины. Затем переписчик возвращается к изложению статей.

Завершается эта дипломатическая документация тремя царскими «конфирмовательными» жалованиями подтвердительными грамотами: о приеме Украины в подданство русского царя при сохранении автономии, о признании привилегий православной шляхты, о закреплении за гетманской булавой чигиринского староства. Здесь важно отметить наличие элементов дипломатики. В конце каждой грамоты сообщаются внешние данные о документе: «Писано на хартїї, кайма без фигур, богословие и государево имя писано золотом», «Подпись думного дяка Алмаза Иванова, печать большая под кустодією» (л. 73, 75). Весь комплекс документов, освещающих переговоры с русским правительством первого после Переяславской рады украинского посольства в Москву, заканчивается словами: «Конец статіям Богдана Хмелницкого».

«Статїї гетмана Юря Хмелницкого» (1657 г., 2 января) (л. 75 об.— 91 об.) имеют в своем составе отписку бояр — посланников русского правительства, отправленных на Украину, где после смерти Богдана Хмельницкого в среде верхушки старшины разгорелась борьба за власть. «Статїи» открываются указом царя боярам ехать на Украину

«для успокоенія их междоусобія и невинного кровопролитія» и проведения новой рады в Переяславе для избрания гетмана. «На раде велѣл быть обозному, судям, асаулом, полковником и всей старшинѣ и черни, по их праву велѣл им обратъ гетмана, кого оны меж себя излюбят». В описании казацкой рады перечисляются подписи тех старшин, которые «на радѣ были и к статьям руки приложили»: гетмана Юрия Хмельницкого; генерального старшины — обозного, войсковых судьев, войсковых асаулов, генерального писаря; полковников и полковых писарей, а также церковных иерархов. За некоторых полковников, бывших на охране границ, расписался Юрий Хмельницкий.

Текст Мартовских статей дополнялся «новыми статьями», которые по указу царя «поставлены сверх прежних статей». После каждой из них вписана формула одобрения радой: «И гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь на радѣ, выслушав сию статью, приговорили — быть сей статіи так, как написано». Еще ниже — запись о присяге всех присутствующих на раде.

Текст Мартовских статей 1654 г. в редакции, предложенной русским правительством во время русско-украинских переговоров 1659 г., был опубликован в следующем — 1660 г. Это уникальное для XVII в. светское документальное издание вышло предположительно из типографии Киево-Печерской лавры³⁴.

«Список з статей гетмана запорожского Демяна Игнатовича Многогрѣшного» (л. 92—110) представляет собой текст 27 статей, каждая из которых объединяет и «просительные» и «решительные пункты», а также челобитные нежинских и киевских мещан о подтверждении им Магдебургского права (восемь и девять пунктов) (1668 г.).

Статьи левобережного гетмана Ивана Самойловича (25 мая 1672 г.) (л. 110 об.—137 об.) включают традиционно группу дипломатических документов: указ русского царя посланникам о поездке их на Украину для проведения рады и описание ими казацкой рады в Конотопе. Приведен список присутствующих, в том числе и представителей магистратского правления некоторых городов — войта, бурмистра, писаря. Десять пунктов имеют заголовок: «Новыі статіи по указу царя [титул]... сверх прежних глуховских статей постановлены». За ними переписаны тексты

---

³⁴ *Исаевич Я. Д.* Українська археографія XVII—XVIII ст.— Історичні джерела та їх використання, 1964, вип. 1, с. 181—182.

«записей», по которым присягали вновь избранные гетман и генеральная старшина.

В данные статьи входят документы, связанные с добровольной капитуляцией правобережного гетмана Петра Дорошенко, вассала султанской Турции, и принятия им русского подданства. В донесении воеводы Г. Г. Ромадановского излагается история переговоров с Петром Дорошенко и правобережной казацкой старшиной, приводится текст 20 статей, которые были «постановлены в Переяславѣ», а также текст присяги Дорошенко и его старшины перед Ромадановским и Самойловичем, который стал единым гетманом всей территории Украины по обеим сторонам Днепра.

Материалы, связанные с избранием Ивана Мазепы (л. 138—164 об.), «в року 1687 на радѣ под Коломаком в обозѣ учиненном», начинаются «обещанием, каково учинил на раде новоизбранный гетман», затем идут 22 статьи, текст присяги, в конце сообщение: «Року 1708 октоврїя в первых числах измѣнил великому государю Петру Первому Мазепа гетман. Того бо октоврїя... (в тексте пропуск), переехав он, Мазепа, реку Десну в Дюгтяревки, совокупил ся тамо с королем шведским Фридериком (переписчик так ошибочно именует шведского короля Карла XII)³⁵ и поклонился ему». В состав этих материалов входит также копия печатной грамоты Петра I, данной в Сумах в 1709 г., 3 февраля, в которой украинское население оповещалось об измене Мазепы.

Об избрании гетманом Скоропадского только упоминается, но приводятся документы, связанные с периодом междугетманства (л. 168—171 об.). «Сего пунктов просительных не было, при окончанїи жизни его в 1722-м году опредѣлена в Малую Россию Коллегія, а в какой силѣ ниже следует данная тут инструкция», т. е. царский указ, состоящий из 12 пунктов. Как всегда, для подтверждения достоверности копии сделана запись: «У подлинного [титул] указу подписано тако — Петр. По листам закрепил обер секретарь Онисим Маслов в Санк-питербурге, апрі[ля] 16-го 1723 года». Среди этих документов имеется текст прошения казацкой старшины о ликвидации Малороссийской коллегии и о восстановлении гетманства: «Между гетманством челобыте наказного гетмана Павла Полуботка с енеральными, с полковники и со всею старшиною».

³⁵ Большинство списков повторяет эту ошибку, только в списке ГПБ, Ф, IV, № 808 редактор, выверяя текст, имя «Фридерик» исправил на «Карл XII».

Пятым в челобитной подписался: «Григорый Гребянка, судія полковый і наказній полковник гадѣцкій с полковою старшиною».

Последняя часть документального компакта посвящена окончанию междугетманства и избранию 1 октября 1727 г. гетманом Даниила Апостола, полковника Миргородского полка (л. 171 об.—197). Среди данной группы копий исторических материалов 20 «просительных пунктов» — гетмана, старшины и «всего войска Запорожского» и столько же утвержденных статей, озаглавленных: «Рѣшение, учиненное по его імператорского величества указу в Верховном тайном совѣтѣ на подданное прошение войска Запорожского обоїх сторон Днѣпра гетмана господина Апостола. Дан в Москве августа 22-го 1728 году. Канцлѣр граф Головкин, Андрей Остерман». В овале — «место печати государственной».

Составитель сборника также включил в него две грамоты императора Петра II за 1727 г., мая 27 и декабря 26, в том числе и о «конфирмации», и две грамоты императрицы Анны Иоановны. Первая подтверждает гетманство Даниила Апостола и право его владения «маетностями на булаву» (5 июля 1730 г.). Другая грамота Анны Иоановны, являющаяся последним документом сборника (август, 1730 г.), освобождала население Украины от ряда войсковых сборов, взимаемых украинской казацкой старшиной с крестьян, низов мещанства и частично рядовых казаков (л. 198—200).

Следовательно, рассмотренный особый вид сборника — краткая редакция Летописи Грабянки и так называемые договорные гетманские статьи — включает документы, подобранные тематически и отражающие политическую историю Украины, а также отдельные вопросы социальных отношений и ее экономического состояния. Эти документы были скопированы кем-то, кто имел доступ к материалам правительственных канцелярий, очевидно, выходцем из Украины, служившим в Москве или Петербурге. Возможно, именно он и сократил Летопись Грабянки, заменив исключенную часть текста документами, считая, что они лучше отражают интересующую его тему.

Данный вариант сочетания Летописи с документами-статьями заинтересовал читателей XVIII в., и они неоднократно копировали этот сборник. Нам известно пять таких копий, которые почти зеркально повторяют его. Из них наиболее близок по времени создания к рассмотренной рукописной книге (VIII 150 м/50) сборник в 186 листов, пе-

реписанный 15 почерками. филигрань которого датируется 1744 г. (ГПБ, F, IV, № 810)³⁶. Очевидно, сборник писался на заказ, не очень старательно. Небрежные, будничные почерка, хотя и принадлежат все к киевской школе, однако можно наблюдать только отдельные проявления эстетизма в графике. На каждого переписчика приходилось от двух до одиннадцати листов. Четверо из них дважды возвращались к переписке. Все они выдерживали последовательность в употреблении надстрочных знаков. Оформлена книга без всяких украшений. Правые поля занимают треть страницы, таким образом, текст идет узкой полосой. Все переписчики украинизировали текст обильным употреблением буквы *ы*.

Сборник I, 584 (6274), объемом в 201 лист (листы 1—12, 25—27 утрачены, как и обложка) с Летописью Грабянки и статьями, заканчивающимися пунктами Даниила Апостола, переписан также 15 почерками с применением надстрочных знаков в самых различных вариациях, даже по три точки над гласными. Все почерка относятся приблизительно к середине XVIII в. Текст переписан на достаточно высоком для того времени уровне грамотности, хотя в результате последующей его вычитки владельцем 16 почерка все же были замечены пропуски и на полях сделаны вставки.

В сборнике в 172 листа (ГБЛ, ф. 205, № 420) сохранился деревянный переплет времени создания сборника. Оформление сборника не закончено. Некоторые главы не имеют заголовков, для них оставлены чистые части страниц, возможно, собирались позднее украсить рукопись. Есть маргиналии владельцев книги: священника Иосифа Вакуловского и канцеляристов Павла Шубы и Тимофея Худоновича, а также некоего Ливоучовича.

Состав сборника XVIII в., объемом в 175 листов, принадлежавший рукописному собранию бывшей Черниговской духовной семинарии (после Октябрьской революции — Черниговскому музею), которое в большей своей части погибло во время войны 1941—1945 гг., устанавливается нами по достаточно подробному описанию М. И. Лилеева³⁷. Приведенные им цитаты из документов буквально совпадают с текстом названной рукописи VIII 150 м/50.

В рукописной книге начала XIX в., объемом в 201 лист (I, 7563), в которой скопирован сборник XVIII в., сохране-

³⁶ Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки, № 681, с. 67.

³⁷ Лилеев М. И. Описание рукописей, с. 85—87.

ны слова, выражения последнего и даже неправильная дата — 1689 г.; однако на полях отмечено: «Описка, должно быть сіе 1622-го года, судя по гетманству Богдана Хмельницкого» (л. 8 об.). В записи под заголовком отмечено: «Списана из рукописи, имеющейся у госп[одина] статского совѣтника Федора Андрѣевича Шимкова, а списал Николай Боровиковский 1814 года». Некоторое отличие рукописи I, 7563 от книги VIII 150 м/50 заключается в том, что письмо Богдана Хмельницкого царю, которым обычно завершаются списки краткой редакции Летописи Грабянки, здесь перенесено в компакт документов; этим письмом открываются статьи 1654 г. (л. 54 об.)

Наличие Летописи Грабянки, которая здесь имеет название: «Малороссийская история о начале проименования казаков», установлено нами.

В копии Николая Боровиковского отразилось явление, которое наблюдается в украинской письменности на переломе двух веков. Исчезают надстрочные знаки, а в связи с этим в графике утрачивается йотированное *ї*, которое писалось ранее в виде буквы *и* с полукружьем и точкой, хотя в произношении оно сохранялось и дошло до нашего времени. У Боровиковского нет уже никаких надстрочных знаков, в результате окончание *їи*, которое читалось, как *її*, у него изображается *иу*.

Рассмотренные выше сборники Ананиевича и Козельского также повторяют сборник VIII 150 м/50, включая еще дополнительные произведения — Летопись Самовидца и «Лѣтописец краткий» (ГПБ, Ф. IV, № 889, I; 3862).

Очевидно, такого же вида сборник имел в руках А. И. Ригельман, составляя свою компиляцию по истории Украины³⁸. В нее он включил Летопись Грабянки, переведя ее на русский язык, сделав некоторые сокращения и внося отдельные дополнения из других источников, а также раздробив текст своими заголовками. Кроме того, он вмонтировал договорные «статьи» в те части Летописи, где описываются выборы каждого гетмана.

Сборники с летописью Грабянки и несколькими документами. В ряде сборников составители, желая продолжить документальное освещение истории Украины и, возможно, довести его до своего времени, добавляли к Летописи Грабянки и договорным статьям другие компактны или же от-

---

³⁸ Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаков вообще. М., 1847. (Список конца XVIII в. книги А. И. Ригельмана имеется в ЦНБ (VIII 158 м/200)).

дельные документы. Среди них — императорские манифесты и указы Сената, которые чаще всего представляли собой копии с печатных экземпляров, рассылаемых в соответствующие учреждения страны.

Нами установлено, что рукописные сборники этого вида имели единый протограф. Переписчики вносили только некоторые отличия в текст Летописи, изменяли состав документов, варьировали их подбор в компактах.

Сборник Ломиковского. В подобной рукописной книге в 182 листа, по филиграням и почерку отнесенной нами к третьей четверти XVIII в. (I, 54483, Лаз. 32), после Летописи Грабянки (л. 1—40) и договорных статей (л. 41—159) включена подборка документов из трех компактов.

Первый описывает организацию на Украине встречи императрицы Елизаветы Петровны, направляющейся в Киев. В документах, определялось, начиная от границы и по территории девяти полков, через которые пролегал маршрут, количество выделенных для встречи императорского кортежа левобережных и компанейских казаков, бунчуковых и войсковых товарищей, генеральной и полковой старшины, сотников, приводились их списки (л. 159 об.—164 об.).

Второй дополнительный компакт этого сборника, охватывающий столетний период (1654—1755) (л. 164 об.—174 об., 177—181), включает документы экономического характера о внутренних и общеимперских податных сборах на Украине. Документы переписаны без соблюдения хронологической последовательности, однако совершенно очевиден сознательный их тематический подбор (даже с историческим осмыслением). В числе семи документов данного компакта находятся: грамота царя Алексея Михайловича от 30 апреля 1654 г. об упразднении откупов и других сборов с проезжих, а также об отмене пошлин, мыт и т. д.; императорский указ от 2 апреля 1755 г. об освобождении Украины от «индукты и евекты и от всяких внутренних пошлин» и об ограничении сборов в «войсковой скарб», т. е. в пользу старшины (л. 171—174 об.); справка, составленная генеральной старшиной и полковниками для Коллегии иностранных дел на основе седьмого пункта статей Даниила Апостола также в отношении сборов (л. 174—177); императорский указ, отрешающий за злоупотребления нежинского войта Петра Тарновиота, откупщика, от сборов индукты и евекты (5 декабря 1748 г, л. 164 об.—167 об.); сенатский указ от 4 февраля 1749 г. об освобождении Украины на три года, в связи с неурожаем и унич-

тожением хлеба и травы саранчой от поста и довольствия шести русских драгунских и глуховского гарнизонного полков, генералитета и полковой аптеки. Два последних документа были скопированы составителем компакта, по всей видимости, с канцелярского оригинала, т. к. есть входящий номер, дата получения в Глухове и затем отметка в «Воскресенском», а на полях помечено — «подлинной». Следует предположить, что первый переписчик и создатель компакта своим служебным положением скорее всего мог быть связан с Воскресенской канцелярией. Последующие переписчики переносили эти заметки в другие списки как глосу.

Третий дополнительный документ компакт сборника (л. 170—175) объединяет указы Елизаветы Петровны Сенату от 5 мая 1747 г. и 6 октября 1749 г. о возобновлении гетманства на Украине и переводе ее в ведение Коллегии иностранных дел, а также еще один императорский указ гетману Разумовскому и его универсал Генеральной войсковой канцелярии (ноябрь 1754 г.). В последних двух документах говорится о розыске поселившихся на Украине после отставки русских военных низших чинов и об отправке их на поселение в Казань.

Нами обнаружен в этом сборнике (I, 54483, Лаз. 32) список Летописи Грабянки. Он является несколько сокращенной и не очень грамотной копией списка VIII 150 м/50, хотя в противоположность последнему в сборнике I, 54483 (Лаз. 32) датировка дается цифрами, а не буквами: последнее было бы для третьей четверти XVIII в. уже анахронизмом.

Этот сборник принадлежал украинскому дворянскому историку, этнографу, агроному Василию Ломиковскому (1777—1848). После отставки от военной службы он поселился на Миргородщине в своем хуторе, названном им «Парком трудолюбия», и занимался там «древностями» — собирал рукописные и печатные книги, документальные материалы по истории Украины. Он создал свой рукописный сборник, названный им «Припасы для малороссийской истории», включающие выписки из летописей, печатных книг и исторических документов (I, 54663—54670, Лаз. 34). В 1803—1805 гг. Ломиковский составил сборник народных дум, а в 1808 г. — «Словарь малорусской старины», опубликованный только в конце XIX в.³⁹ В тот же период издан

---

³⁹ Словарь малорусской старины, составленный в 1808 г. В. Я. Ломиковским. Киев, 1894.

фрагмент из дневника Ломиковского⁴⁰ и его письма к И. Р. Мартосу⁴¹.

Ломиковский имел два списка «Дѣйствій презѣльной брани...». Кроме данного сборника с краткой редакцией Летописи Грабянки без заголовка (I, 54483, Лаз. 32) у него имелся и список пространной редакции с указанием автора. Владелец обеих книг увидел близость текстов, но не догадался, что они составляют одно и то же произведение. Поэтому он провел своеобразную текстологическую сравнительную работу, о чем сам свидетельствует на листе 1 вверху в рамке, заготовленной неизвестным переписчиком сборника: «Дополнение и разныя примѣчання к сей рукописи дѣлал я из записок, составленных в 1710 году в Гадячѣ трудами Григорія Гребіонки, а он из следующих источников...» и т. д.

Дополнения и другие записи и пометы интересны для нашего исследования, поскольку тут прежде всего проявляется активное, творческое отношение читателя к тексту. Ломиковский перенес из пространной в краткую редакцию отсутствующие в ней части текста, сделал поправки и т. д. Если вставки были слишком обширные, он отсылал к самой рукописи — «Продолженіе сего смотри рукопись А, дополнение 13, страница 94» (л. 39) «Смотри дополнение пятое» (л. 13) и др. В конце Летописи он отмечает, что продолжение изложения можно найти в другой рукописи: «Сим кончилось повѣствованіе военных подвигов в сей рукописи. Продолжение же оных и смерть Хмельницкого смотри мою рукопись под литерой А, дополнение 14, страница 96». Была произведена им и грамматическая и синтаксическая обработка текста: расставлены точки, сделаны заглавные буквы, введена современная ему орфография, модернизирован стиль: «Ко згодѣ» он исправляет, например: «к перемерію», «Не мощно бо бѣ ляхом ни голов выхилити з обозу» — Ломиковский зачеркивает последние два слова и надписывает: «И головы показать» (л. 33).

Хотя, возможно, такие правки владелец рукописей просто переносил из пространной редакции в краткую, поскольку большинство этих дополнений и исправлений находим в изданном тексте Летописи, но некоторые из них отсутствуют и там. Вероятно, у Ломиковского был какой-то

⁴⁰ Л. А. Отрывок из дневника В. Я. Ломиковского. — Киевская старина, 1895, № 11, с. 230—243.

⁴¹ Частная переписка И. Р. Мартоса (1817—1830). Киев. 1898. Письма Мартоса к Ломиковскому и другим лицам хранятся в ЦНБ (VIII 218 м/180) и др.

неизвестный нам список пространной редакции. На полях он сделал примечания и выделил некоторые места текста. Например, он пишет: «Число войск сомнительно», или же замечает: «В другой летописи стоит год 1540, а не 1471. Разница большая. Надлежит рачительно найти истину» (л. 2 об.). Ряд помет носят оценочный характер — «замѣчательно», «выразительно» (л. 2 об., 24 об.). «Эта побѣда очень замечательная, как первая» (О Желтоводском сражении) (л. 10 об.). Очень интересна запись, характеризующая оценку Ломиковским руководителя крестьянско-казацкого восстания на Украине конца XVI в. Северина Наливайко — «1-й мученик-рыцарь» (л. 5).

Общая оценка Ломиковским Летописи Грабянки, т. е. мнение о ней читателя начала XIX в., записана на приклеенном к переплету ярлыку: «№ 2. О Малороссіи рукопись очень замѣчательная, о войнѣ Богдана Хмельницкого с поляками». Этот переплет, очевидно, принадлежал Ломиковскому и был сделан в 1829 г. Известно, что его покровитель и большой библиофил вельможа Д. П. Трощинский имел в своем поместье искусного переплетчика, который, как можно думать, выполнял и заказы Ломиковского⁴².

С некоторыми отличиями описанный нами сборник Ломиковского с Летописью Грабянки повторяет рукописная книга, объемом в 163 листа, в которой обнаруживается 26 почерков (VIII 151м/51). Она была создана в 60-е годы XVIII в. Летопись занимает первые 35 листов. В ней, взамен невключенного компакта о налогах, увеличено число документов о поездке Елизаветы Петровны на Украину, в частности, добавлены оформленные в виде таблиц данные о количестве съестных припасов и напитков, которые обязаны были поставить крестьяне, мещане и казаки для кортежа императрицы, а также сообщается о выделенных лошадях на каждый перегон (всего 12 400 голов). Приводятся также тексты приветствий Елизавете Петровне, произнесенных глуховским протопопом и 6-летним сыном генерального асаула Якова Якубовича Александром, взятым после этого ко двору в пажи (л. 141 об.— 148 об.).

В данном сборнике еще более расширен также компакт документов о восстановлении гетманства на Украине и об избрании последнего украинского гетмана Кирилла Разумовского (л. 149—163 об.). Включен «Журнал» 1745 г., представляющий собой дневник отправленного к императорскому двору «посольства от всей малороссійской націі

⁴² Л. А. Отрывок из дневника В. Я. Ломиковского, с. 232.

для прошения о битіи в Малой Росіи попережнему гетману и о прочем следующем дѣйствіи». Вместе с указами императрицы Елизаветы Петровны об отправке графа Гендрикова на Украину для присутствия на гетманских выборах переписана «Вѣдомость», в которой подробно описывается помпезная встреча посланника императрицы по пути в каждом городе, а также в Глухове — с музыкой, литаврами, почетным караулом, строем войск, распущенными знаменами, пушечными и мортирными залпами, приветственными речами и тостами на банкете. Второй «Журнал» за 15, 18 и 22 февраля 1750 г. скрупулезно, с расписанием по часам зафиксировал весь торжественный церемониал избрания Кирилла Разумовского — «коим образом произійшло обраніе гетманом войск Запорожских обоих сторон Днѣпра». В документе этот церемониал именуется «гетманский театр». Грамота Елизаветы Петровны об утверждении выборов, подписанная ею в Глухове, а также благодарственная челобитная казацких старшин императрице и их письма канцлеру и обоим Разумовским — Кириллу и Алексею завершают эту группу документов.

При оформлении сборника VIII 151 м/51 использована вязь в названиях глав и документов и в инициалах с элементами растительного и звериного орнаментов. В букву О первый переписчик врисовал человеческое лицо. Каждая страница взята в рамку, статьи завершаются колофоном и росчерком в виде спирали.

Рукописная книга в 149 листов, по филиграням относящаяся к 60—70-м годам XVIII в. (ГПБ, Ф, IV, № 808), как бы объединила все материалы предыдущих сборников и дополнила их новыми документами, включив в свой состав список Летописи Грабянки краткой редакции и четыре документальных компакта в их наиболее полном сочетании: договорные статьи, о встрече Елизаветы Петровны на Украине, о податных сборах, о восстановлении гетманства и выборах Разумовского гетманом.

Написанная одним ровным, красивым почерком с прямоугольной буквой *в* и изображенных параллельными линиями *с* и *к* книга уже не имеет надстрочных знаков, никаких украшений. Только заглавие взято в рамку. Датировка, как естественно для поздних сборников, переведена на нашу эру, а буквенное изображение чисел — на цифровое. Языковые особенности текста дают основание предполагать, что сборник переписывал русский писец, допустивший ошибки в написании неизвестных ему исторических имен и слов польского происхождения. Однако в

процессе редактирования были внесены исправления, выполненные, судя по чернилам, позже создания списка, но еще в XVIII в., как свидетельствует почерк. Возможно, редактор имел перед собой подлинные документы или их идентичные копии. Он уточнял некоторые даты до дня и даже часа, не только вставлял пропущенные переписчиком слова и целые фразы, но и делал фактически дополнения, отмечая служебное положение упоминаемых лиц, чего мы не находим в других списках. Именно в данном сборнике редактором исправлена ошибка многих переписчиков, копировавших Летопись Грабянки с компактом договорных статей: вместо «Фридериха» вписано имя шведского короля — Карла XII.

В тексте Летописи данного сборника подчеркнуты чернилами, подобными тем, которыми написан текст, т. е., возможно, переписчиком, сведения о наиболее важных событиях, а также — выделены имена и цифры.

Киевская временная комиссия для разбора древних актов при подготовке Летописи Грабянки к изданию использовала этот список для дополнения⁴³. На многих листах встречаются карандашные правки, возвращающие старославянские формы языка более ранних списков, например, зачеркнуто — «упражняются», вместо него надписано — «упражняхуся».

Рассмотренный сборник, очевидно, имел общий протограф с другим сборником (ГПБ, F, IV, № 809), созданный одним переписчиком с филигранями, датируемыми также 60—70-ми годами⁴⁴. Почерк — мелкий, круглый, буквы выписаны четко, отдельно, сохраняются закругления и петли киевской школы. Заголовки оформлены полууставным письмом, а в конце каждой статьи, заканчивающейся колофоном, — замысловатые росчерки, банты.

Этот сборник примечателен записями, сделанными активными читателями. Один из них до седьмой страницы включительно испещрил поля книги заголовками к частям Летописи Грабянки. Он сам придумывал эти заголовки или же брал из текста наиболее яркую фразу с элементами обобщения, творчески воспринимая читаемое. Заголовки он составлял к тем частям текста, в которых освещались политические и военные события. Проявляя особен-

---

⁴³ Он был подарен Комиссии И. А. Домонтовичем. Известно, что данный сборник принадлежал до этого А. В. Марковичу, который приобрел его у Григория Шафонского. Таким образом, сын Афанасия Шафонского не все рукописи отца передал М. И. Судненко.

⁴⁴ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели, № 20, 22, с. 38.

ный интерес к казачеству, обязательно отмечал их победы, а также факты преследования со стороны польской шляхты. Маргиналии писались, очевидно, в скором времени после создания сборника. Их графика даже ближе, чем почерк основного текста, к киевской школе.

Другой читатель выразил свое отношение к восстанию 1648 г., надписав над заголовком одной из глав — «Сказание чесо ради воста Хмельницкий на ляхов» — фразу: «Нестерпимые муки». Третий читатель отмечал заинтересовавшие его места текста латинскими буквами «NB» (сокращенное — «Nota bene»). Они касались кроме внешнеполитических и внутренних отношений в среде казачества, например — выступлений против Богдана Хмельницкого рядовых казаков и старшин Черноты и Гуляницкого после Белоцерковского мира в 1651 г.

В сборнике видны следы последующей работы переписчика над текстом: вычитка и вставки пропущенных слов, сделанные другими чернилами.

Еще одна рукописная книга повторяет содержание предыдущих двух сборников вплоть до глос, но с незначительными вариациями в составе документов. В ней 175 листов, филигрانی 1749, 1754 гг.⁴⁵ (ГПБ, Погод. 1514). Запись на первом листе сообщает о принадлежности книги Софийской епископской кафедре, которой она была подарена в 1752 г. киевским митрополитом, а «ныне московским». Установив имя этого митрополита — Тимофей Щербацкий, комбинируя эти косвенные данные, можно определить приблизительно время создания сборника — начало 50-х годов XVIII в. В оформлении книги, которую переписывало 10 писцов, ощущается тенденция выделить заголовки и инициалы (полууставный жирный шрифт, на мачтах букв кружочки). Каждая страница сборника включена в рамку, а группы документов завершаются росчерками, спиралями, бантами в виде лежащих восьмерок и т. д. Нами выявлен в этом сборнике текст Летописи Грабянки.

Сборник Якубовичей. К данному виду сборников относится также рукописная книга в кожаном переплете, узкий цветочный орнамент по бокам верхней обложки, корешок разделен ребрами на 6 сегментов, в центре каждого — цветок (НБХГУ, № 151 с). Маргиналии этого сборника делают его уникальным. Здесь нами выявлена Летопись Грабянки.

⁴⁵ Клепиков С. А. Филигрانی и штемпели, № 24, 25, с. 38, 39.

Сборник имеет владельческую запись о принадлежности книги библиотеке Якубовичей, где она числилась под № 38. Старшинский род Якубовичей занимал влиятельное положение на Украине. Родоначальник Якубовичей — польский шляхтич Федор Якубовский воевал на стороне украинского народа и находился в ближайшем окружении Богдана Хмельницкого, возглавляя Черниговский полк, о чем есть упоминание в Летописи (с. 23). Один из его потомков — владелец сборника поставил здесь крестик, а на полях дописал сведения о нескольких поколениях потомков Федора Якубовича, в том числе и о занимавших уряды генеральных старшин — генерального подскарбия и генерального асаула, завершив приписку словами: «Оной полковник Федор Якубович был с Хмельницким, отвоевавшись от поляков, российскому престолу в подданство вѣрно с потомством служил на вѣчность».

Но еще более примечательна запись на заглавном украшенном листе к тексту приветственной речи шестилетнего сына генерального асаула Якова Демьяновича Якубовича — Александра, обращенной к императрице Елизавете Петровне. Здесь, как и в рассмотренных выше сборниках, отмечается, что Александр был взят ко двору в пажи. А в записи данного сборника сообщается подробно о его дальнейшей жизни: «Который младенец, питомец высочайшего двора через 14 лѣт тамо пребыванія был выучен высоким иностранным наукам, выпущен капитаном в 1757 году в пруский поход под командованием генерала Фермера. Был в Пруссіи за Одером рѣкою, Франфорѣ, Цорндвирфи, Кистринѣ, Колберхѣ, Мемели и разных других тамо местах; да в турецком походѣ во флотѣ Черного моря и Дуная при городах Тулчи, Измаилѣ и в Бесарабіи — Акермане, Бендер, Киліи, Татарбунатѣ; оттуду на Дунай, гдѣ взял город Гирсов, Геану, Росовато; а в блокадѣ Тулчи и фрегатов у Исакчи и Силистріи, Кагула; в полском походѣ; в дѣйствительных сраженіях против государственного бунту в Сибирѣ. Был награжден генерал-майором і орденом Георгія кавалером, по благодати божіей доживя вѣку безпорочно лѣт до 70. Писано 1806 году, ноября 30, в Прилуцку».

Подтверждение и дополнение к этим сведениям находим в документальных источниках, в том числе и среди архивных данных, приведенных в неопубликованной статье В. Л. Модзалевского о Якубовичах (II, 16839—16849). В них сообщается, что в русско-турецкой войне в чине подполковника Александр Якубович уже в кампанию 1769 г.

отличился в Бендерской экспедиции, в сражениях под местечком Дубасовым, под г. Бендерами и «в разных мѣстах по обеих сторонах Днѣпра». В 1770 г. А. Якубович в составе авангардных батальонов первой русской армии участвовал в сражении при Рябой Могиле, в котором блестяще проявился полководческий талант П. А. Румянцева.

В 1771 г. А. Якубович командовал «особым деташементом морских запорожских войск на судах за Дунаем», т. е. запорожской флотилией с двухтысячным экипажем. Запорожская флотилия, которая спустилась из Запорожской Сечи вниз по Днепру мимо турецких крепостей Очакова и Кинбурна и, пройдя морем, вошла в устье Дуная и действовала тут против турецкого флота и прибрежных крепостей. Особенно отличилась она в боях при Тульче, Мачине, Госанашти, у Гирсова. Запорожцы под командованием А. Якубовича составляли авангард в экспедиции русского флота к Силистрии, когда в крупной победе у местечка Рисоватого были захвачены неприятельские суда, знамена, много пленных (II, 16844, л. 17). В документе говорится, что Якубович был награжден орденом за захват береговой батареи и восьми вражеских знамен 20 октября 1771 г. П. А. Румянцев, который отметил храбрость и военное умение Якубовича, назначил его к окончанию войны прилуцким казацким полковником.

Упомянутое в записи на рукописном сборнике участие А. Якубовича «против государственного бунту в Сибирѣ», в документах уточняется таким образом. А. Якубович был назначен начальником особого тысячного отряда украинского казацкого войска, отправленного для подавления пугачевского восстания и находившегося в походе до 1781 г. С упразднением полково-сотенного управления и ликвидацией украинского казацкого войска А. Якубович продолжал службу в русской армии и был произведен в генеральский чин⁴⁶.

На последнем листе сборника еще одна маргиналия на весь лист вновь возвращается к эпизоду встречи Елизаветы Петровны. В ней сообщается факт, который отсутствует в других сборниках. Императрица была «восприемницей от купель младенцу Александру... дала 500 червонцев и багатой парчи на 2 порчиши». «Восприимным отцом» был вице-канцлер граф М. И. Воронцов.

---

⁴⁶ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии.— Т. 3. Прилуцкий полк. Киев, 1902, с. 54—56.

Думается, что есть основания считать автором записей самого Александра Якубовича, который так старательно излагал события своей жизни. Он сделал еще ряд записей четким, наклонным, со штрихами киевской школы почерком. Некоторые отличия в почерке этих явно разновременных маргиналий, очевидно, объясняются возрастными изменениями владельца этого почерка.

В конце текста Летописи Грабянки, где излагаются события Переяславской рады 1654 г., Александр Якубович дописал о введении в обращение золотой копейки: «Сего ж году бѣ монет нови копѣйки золотіе, ценою у 30 копѣек сръбных» (л. 36 об.). На обороте 188 листа он записал о затмении солнца — «1760 году июня 2 дня в пяток сонце мѣнилось в полдник» — хронологически связав, как свойственно военному человеку, с периодом войны — «во времена военные с пруссом».

О некотором вольнодумстве А. Якубовича говорит такая его запись на л. 123: «Насиліе да не будет во всяком словѣ и дѣлѣ. Совѣтом же паче да управляется народ и едино от двою потребно. Да или обладая, и советует обладаемому, хотя получать желаемое, или обладаеміи увещан, свободно, волею своею творит повелеваемое».

В аспекте этого высказывания интересно привести опубликованные данные о рассмотрении в 1810 г. в Прилуцком земском суде дела по обвинению Александром Яковлевичем Якубовичем своего младшего сына Александра Александровича в клевете. Объяснение Александра младшего, очень путанное и неясное, включает в себе инкриминирование отцу «богоотступничества» и «чародейства»⁴⁷.

Таким образом, рассматриваемый рукописный сборник (НБХГУ, № 151 с.) находился в руках одного читателя, который многократно в течение длительного времени его перечитывал. Будучи сам участником событий, освещаемых в переписанном в сборнике документе, читатель излагает свою биографию в записях, расширяя этим хронологические рамки и обогащая содержание материалов сборника. Следовательно, перед нами особый случай активного чтения и творческого продолжения читаемого текста. Книга еще долго находилась во владении рода Якубовичей. Имеются пометы старшего сына Александра Яковлевича — ротмистра Ивана Александровича и его внука — поручика Петра Ивановича.

⁴⁷ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии, т. 3, с. 56.

К такому же виду сборников относился очевидно экземпляр, краткую информацию о котором получаем из заметки Н. М. Ткаченко⁴⁸. Автор заметки назвал сборник «историческим», а список Летописи Грабянки, входящий в него — «Кременчугским». Он обобщенно перечислил документы, входившие в сборник: статьи Богдана Хмельницкого, Юрия Хмельницкого, Демьяна Многогрешного (челобитные нежинских и киевских мещан), Самойловича, Мазепы, копия манифеста Петра I про измену Мазепы, инструкция Вальяминову, указы Малороссийской коллегии, пункты Даниила Апостола, грамоты Елизаветы Петровны, Екатерины II разного содержания, указы Разумовского, распоряжения П. А. Румянцева. Орденом П. А. Румянцева 1785 г. о создании карабинерных полков рукопись заканчивается.

К виду сборника, сочетающего Летопись Грабянки краткой редакции с документами — договорными статьями и другими компактами относилась, как свидетельствует опись, еще одна книга XVIII в. из фонда ЦНБ (VIII, 152м/Лаз33), объемом в 182 листа⁴⁹, утраченная, очевидно, в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Краткую редакцию произведения Грабянки «Дѣйствія презѣльной брани...» в сочетании только с двумя документами из компакта гетманских статей мы обнаружили в сборнике из 36 листов, датируемым на основании филиграней 1756—1765 гг.⁵⁰ (ГПБ, Погод. 1517). В сборник вслед за Летописью переписаны письмо Богдана Хмельницкого царю Алексею Михайловичу, отправленное с посольством во главе с Самойлом Богдановым, и грамота царя Алексея Михайловича, выданная украинскому гетману «по его челобитью».

Переписанный одним почерком — скорописью, мелкой и небрежной, текст Летописи не имеет надстрочных знаков, язык ее перенасыщен церковнославянизмами, хотя переписчик очень часто употребляет букву *ы*.

В другом подобном сборнике, объемом в 75 листов (ГПБ, Погод. 1515), создание которого относится приблизительно к тому же периоду, что и предыдущий сборник (филигрань 1754—1763 гг.), подбор документов из нескольких компактов и дополнение их копиями печатных императорских манифестов и указов, присоединенных с Летописи Грабянки, отличаются бóльшим количеством и

⁴⁸ Україна, 1925, кн. 6, с. 171.

⁴⁹ Маслов С. И. Обзор рукописей, с. 28.

⁵⁰ Клепиков А. С. Филигрانی и штемпели, № 749, с. 70.

разнообразием тематики. Здесь имеются документы, известные нам по другим сборникам: три грамоты Петра I и универсал Ивана Скоропадского об измене Мазепы; грамота Елизаветы Петровны о конфирмации гетманских выборов и др.

Впервые вводимые в читательский оборот документы именно этим сборником связаны с действовавшими на Украине полотняной фабрикой, конскими заводами. Приобщен также манифест Екатерины II о разрушении Запорожской Сечи. Писанный четырьмя почерками данный сборник включает еще и каталог гетманов с очень краткими аннотациями (л. 71—71 об.), хотя и с отдельными ссылками на источники. Наличие этого произведения исторического характера приближает рассмотренную рукописную книгу к последующим выделенным нами видам сборников.

Краткая редакция в смешанных сборниках. В качестве отдельного вида выделяем сборники, в которых к Летописи Грабянки и компактному документу приобщены исторические и литературные сочинения.

На грани двух столетий — XVIII и XIX — создавался сборник в 287 листов, в состав которого вошли: Летопись Грабянки (л. 10—47) — текстуально очень близкая к списку VIII 150 м/50; полный компакт договорных статей (л. 47—182 об.); копии печатных указов Петра I, Петра II, а также Екатерины II, связанных с Украиной; речь запорожских послов на приеме у Екатерины II (л. 183—232 об.) и, наконец, литературное произведение на историческую тему — «Разговор Великой России с Малой Россией» (л. 233—253 об.). По листам сделана дарственная запись 1773 г. поручиком сухопутного кадетского шляхетского полка Федором Михайловичем сотенному старшине Берцинскому и, очевидно, — более поздняя владельческая запись — Милорадовича. (ЦГИА УССР, Коллекция исторического общества им. Нестора Летописца, № 19, далее КИОНЛ).

Такой же смешанный литературно-исторический характер имеет сборник, находящийся в настоящее время в Житомирском музее и включающий в свой состав: Список Летописи Грабянки 1739 г., «Летописец краткий...» 1740 г. (близкий к списку из сборника ГПБ, Ф. IV, № 889); два документа из компакта договорных статей — грамота Алексея Михайловича 1654 г. и решения Верховного тайного совета по поводу челобитной гетмана Данила Апостола 1728 г.; в конце — подборка поэтических произведений (ЖКМ, КП2410/КПІ ст. 362).

Три сборника данного вида содержат в своем составе в дополнение к историческим и литературным материалам произведения богословского и церковно-исторического характера, занимающих, однако, незначительную часть объема книги. В первом из них (VIII 216 м/199), созданном (как нами установлено по имеющимся семи видам филиграней) во второй половине 80-х годов XVIII в., объемом в 150 листов и переписанном одним почерком, религиозные тексты занимают первые 23 листа. Далее скопированы два исторических сочинения: «Синописис» (л. 25—63) и Летопись Грабянки (л. 65—105), которая, за исключением некоторых языковых нюансов и сокращений, как и большинство списков краткой редакции, близка к каноническому тексту — VIII 150 м/50.

На л. 109—116 в сборнике VIII 216 м/199 переписана историческая поэма, именуемая «Героїчні стихи о славных военных дѣйствіях войск запорожских вкратцѣ з розных гисторій просторѣчно сочиненны. Писани же (т. е. скопированы — Е. А.) года 1784»⁵¹.

Поэма структурно и своим содержанием имеет много общего с Летописью Грабянки, напоминая в отдельных местах ее стихотворное переложение. Но изложение событий в поэме продолжено на несколько десятилетий. Начав с происхождения казачества, автор описывает его борьбу против турецко-татарской агрессии, подчеркивает решающую роль запорожцев в Хотинской битве 1621 г. Однако центральное место в поэме отводится освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого. Автор очень высоко оценивает воссоединение Украины с Россией. Отмечается также большое значение участия запорожских казаков в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. и их «верная служба» русскому государству.

К поэме приложена «Дедикацѣя» (посвящение) (л. 116 об.) — «В началѣ содержащему правленіе Запорожского Коша главному коммендиру, по нем войсковим и курѣнным старшинам, потом и всему Войску Запорожскому желаніем всѣх благ временных и вѣчных». Указана дата и

⁵¹ В. Н. Памятник украинской литературы конца XVIII века.— Киевская старина, 1891, № 1, с. 154—161. В статье анализируется содержание поэмы и приводятся из нее значительные извлечения. В другой публикации раскрывается имя ее автора — Иоани, зашифрованное им в стихотворной загадке, помещенной в конце поэмы, где Иоани сообщает также о себе, что он — священник. (Тихоновский Ю. Имя автора «Героичных стихов о славных военных дѣйствіях войск запорожских». — Киевская старина, 1893, № 6, с. 517—518.)

место написания: «Писанно года 1784, м-ца августа, дня 21, в ключу Оуманском». Здесь автор декларирует не только познавательное, но и воспитательное значение его сочинения, призывая читателей изучать историю своего народа и знать его героев в прошлом и настоящем, подчеркивая, что храбрость и слава казаков «доселъ суть».

На полях поэмы и в ее тексте в виде заголовков автор упоминает использованные им источники, летописные и документальные: «Лѣтопис древній», Бароній, «Лѣтопис о Украинѣ», «Кроник полскій», «Турецка гисторія», «Кроник полскій і лѣтопис оукраїнській», «Реляція фелтмаршала Миніха». Однако в освещении периода до начала XVIII в. основой ему, несомненно, послужила Летопись Грабянки.

Четвертую часть анализируемого сборника, смешанного исторического и литературного содержания, составляет подборка материалов, в которых преобладают документы, отражающие насилия униатов и польской шляхты над украинским православным населением Правобережной Украины в XVIII в. (л. 117—150). К ним принадлежат грамоты Петра I: три к польскому королю, а одна — к мазовецкому воеводе (1712, 1720, 1722, 1724), две речи епископа Георгия Конисского перед Екатериной II с просьбой о защите от террора польской шляхты, католического и униатского духовенства (1762) и перед польским королем Станиславом-Августом (1765), челобитная украинского населения Правобережной Украины Екатерине II (1774), протокол заседания Синода (1774), рескрипт из Коллегии иностранных дел русскому послу Стакелбергу в Варшаву (1776), послание переяславского епископа Гервасия (1778). Этой же теме посвящены литературные произведения: рассказ «Страданіе», вирши «Нагробные во вѣчную память», описывающие сожжение заживо в обозе польского войска под местечком Ольшаною млиевского ктитора Даниила Кушнира, отказавшегося принять унию (1776), и другой рассказ также под заголовком — «Страданіе» об избиениях и пытках униатами и шляхтой уманского православного протопопа Кирилла Зелницкого и его семьи. Эти произведения, без сомнения, производили большое впечатление на читателей. Они встречаются и в других рукописных сборниках⁵².

В сборнике, объемом в 80 листов (VIII 213 м/52), составитель также самостоятельно укомплектовал докумен-

⁵² Лобода Ф. Вирша о сожжении млиевского ктитора Даниила Кушнира.— Киевская старина, 1886, № 1, с. 202—205.

тальную часть. Вместе с Летописью Грабянки (л. 46—77) и двумя богословскими сочинениями скопированы документы, которые помещены не после, как почти всегда в рукописях, а перед Летописью (л. 29—41). О копии царской грамоты Богдану Хмельницкому (от 27 марта 1654 г.) сообщается: «Переписана сья грамота 1730 року септевр. 7-го з списку у сотника полкового переяславского пана Ивана Доброницкого имеючогося, который список воспять ему, пану Доброницкому, отдадем» (л. 39). Кроме этой царской грамоты из документов вписаны: универсал Богдана Хмельницкого от 18 мая 1648 г. из Белой Церкви и начало письма Петра I патриарху Адриану о взятии Азова, которое в списках пространной редакции вмонтировано в текст, а в данном случае подается как отдельный документ. Имеется еще рекомендательное письмо А. Бутурлина генералу И. И. Бибикову из Риги о выбелевском сотнике Черниговского полка Тризне от 13 сентября 1745 г., которое, возможно, является личным документом, а этот выбелевский сотник мог иметь какое-то отношение к созданию данного сборника (л. 45).

В тексте Летописи Грабянки произведена передатировка «от сотворения мира» на новую эру, все даты и числа обозначены цифрами, а не буквами, как в большинстве других списков этого произведения. Сборник переписывало шесть человек. Трое из них для демонстрации своей эрудиции привели латинские тексты, намереваясь дать их украинские переводы. Для этого они разделили страницу по середине двумя близко прилегающими линиями. Первый и второй переписчики скопировали отрывки из теологических сочинений на латыни и дали их переводы. Однако первый переписчик не закончил перевод, и на шести листах место для украинского перевода осталось незаполненным. Владелец шестого почерка, скопировавший саму Летопись, в качестве дополнения к ее первой главе переписал на латинском языке отрывок из исторического сочинения с такой преамбулой: «О чом всем в подтверждение вышеописанному з певного латинского историка начало, проймає, обычай, выводячого, тако ж мужество и силу казаков выхваляючого, выписка зде прилагається» (л. 47). Однако перевода он не сделал, хотя место для этого заготовил.

На нескольких листах (4, 7, 13, 35, 50) стоит владельческая запись Афанасия Шафонского. Значительно более поздним почерком сделана запись: «Учись, когда хочишь разумным в свете быть. Учись красно писать и тако гово-

ритель», свидетельствующая об интересе к этому сборнику у русских читателей.

Таким образом, в этом сборнике смешанного состава скопированы были в различное время отдельные части, а затем объединены в одну рукописную книгу в первой половине 80-х годов XVIII в. Именно на эту дату указывает филигрань чистых листов, которые использовались при переплете книги.

Необычность состава присуща еще одному смешанному со списком Летописи Грабянки сборнику, созданному из рукописей, также переписанных в разное время — как определено нами по филиграням — в 40—60-х годах XVIII в. (VIII 214 м/35). Всего в данной книге выявлено 11 почерков

Документальная часть, наряду с известными уже нам двумя грамотами Петра I, выданными в январе и феврале 1709 г., универсалом гетмана Ивана Скоропадского, данным в Лебедине 8 декабря 1708 г. (л. 153—165), включается и «список с листа измѣнника Мазепы к польскому королю» (5 декабря 1708 г.).

Тематические рамки компакта об избрании гетманом Кирилла Разумовского расширены здесь за счет привлечения таких дополнительных документов, как «Форма церемониала, каким образом должно быть произвождене церемонїи ко избранію гетмана февраля 22 сего 750 году» и указы Елизаветы Петровны о сохранении графского титула украинскому гетману и др. Впервые встречаем два универсала самого гетмана Кирилла Разумовского в Генеральную войсковую канцелярию (июль 1750 г.) с оповещением об его избрании и о заготовке и переправке по Десне и Сейму строительных материалов для сооружения гетманского дома и других зданий в Батурине (л. 170—178 об.).

Из компакта договорных статей в этом сборнике имеются только статьи гетманов Богдана и Юрия Хмельницких, которым предшествует реестр-оглавление одиннадцати «частей», т. е. документов (л. 179—231). По этому реестру можем определить, что данный цикл документов составлял отдельную книгу, присоединенную позже к сборнику. Однако три четверти объема этой книги (начиная с четвертой части) утрачено. Отдельно от документальной части сборника между историческими произведениями помещен белоцерковский универсал Богдана Хмельницкого от 18 мая 1648 г. (л. 104—109). На четырех, специально разграфленных листах (165 об.—169 об.) скопирован

«Журнал или описание лѣтъ и преславных высокотоужественных побѣд» Петра I, встречающийся в сборниках другого типа, о которых говорилось выше.

В рассматриваемый сборник входят два общеизвестных и широко распространенных в рукописных сборниках произведения исторического и литературного характера, однако — оба с теологическо-дидактической направленностью. «Лѣтопись келейный» Дмитрия Ростовского (л. 1—102) и «Бесѣда отца с сином снискателна от различных писаний: от богомудрых отец, от премудрого Соломона, от Исуса Навина и от Исуса Сирахова и от инных многих философов, и от искусних мужей отеческое предание ко сыну о женской злобѣ и о синовнѣй добротѣ обоих вкупѣ» (л. 141—151). Переписчик зафиксировал в весьма пространной форме источник, с которого он снимал копию данного произведения: «Списано з расколничой безименной печатной и писанной книжки, которая обрѣталася в полковой Стародубской канцелярии, с протчїими взята была из школы их в Стародубѣ, тако учрежденной року 1743 ноября 1 дня [...], в которой так точно написано».

Летопись Грабянки и хронологические таблицы. Отдельный вид сборника составляют две рукописные книги, форматом в четверть листа, в которых к Летописи Грабянки добавлены хронологические таблицы.

Такая таблица-хронология предшествует Летописи Грабянки в сборнике (по филиграням 50—60-х годов XVIII в., объемом в 44 листа), переписанном одним почерком (ГБЛ, ф. 152, № 30). Таблица-хронология носит название «Список войнам, от Хмельницкого над ляхами послѣдовавшим, и о протчем». В ней из 37 пунктов первые семь посвящены битвам освободительной войны 1648—1654 гг., затем сообщается о воссоединении Украины с Россией, о смерти Богдана Хмельницкого, о некоторых гетманствах и коронации царей, о низложении гетмана Самойловича. Приводятся также данные о нашествии саранчи, голодных годах и т. д. Заканчивается «Список войнам...» Полтавской битвой 1709 г.

Летопись Грабянки в данный сборник (л. 2—44) переписана украинским живым модернизированным языком. Изъяты из лексики церковнославянизмы, а также — архаичные грамматические формы, например, вместо: «быша», «бѣше», «бѣху», «бысть» — «были», вместо: «прийдоша» — «пришли» и т. д. Неумелые попытки украсить эту рукопись проявились в том, что переписчик пером изобразил две заставки в традиционных формах. Над заголовком табли-

цы-хронологии — «Список войнам...» — три розетки, а над царской грамотой Богдану Хмельницкому 1654 г., которой во всех почти списках заканчивается краткая редакция Летописи Грабянки, — ваза с цветами, рядом — ветка с сидящим на ней голубем. Сборник завершается словами: «Конец первой книги». Значит ли это, что переписчики знали о существовании пространной редакции Летописи Грабянки, которая, возможно, делилась структурно на две части?

Следующий сборник данного вида включает Летопись Грабянки и таблицу-хронологию под названием «Краткая записка дѣйстви́й прежде годов бывших по настоящее время» (I, 6300), которая отличается от рассмотренного выше «Списка войнам...» в сборнике ГБЛ, ф. 152, № 30 значительно бóльшим объемом и увеличенным размером аннотаций под каждым годом, а также расширенным хронологическим диапазоном (1581—1789).

В «Краткой записке» 69 пунктов. В них отмечено: принятие Польшей григорианского календаря, крестьянско-казацкие восстания конца XVI — первой половины XVII в. на Украине, Хотинская война 1621 г. и др. Как во всех почти исторических произведениях такого рода, центральное место занимает освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией. Период второй половины XVII в. нашел отражение в сведениях о междоусобной старшинской борьбе за власть, о нападении орд крымского хана и о нашествии войск турецкого султана на Украину. Под 1679 г. говорится, что в Киеве были сосредоточены русские и украинские войска «для оборони от турка і тогда первій мост на Днѣпрѣ на байдаках наведен». Имеется даже сообщение о восстании Степана Разина. Далее рассказывается о Кизы-Керменских и Азовских походах. В заметках первой четверти XVIII в. в центре — Северная война и особенно оттенены ее события, связанные с Украиной. Выделено участие в войне Якова Лизогуба и его отца Евфима. Возможно, что для «Краткой записки» одним из источников послужила так называемая Лизогубовская летопись. Сообщается о строительстве крепости в Киеве Петром I, о Прутском походе. Отмечены также начало правления и кончины русских царей, польских королей, украинских гетманов, митрополитов, патриархов, фельдмаршалов и т. д. Проявилась здесь и давняя летописная традиция в записях о стихийных бедствиях: голоде, землетрясении, появлении комет и т. д. После 1734 г. записи прекращаются, и только под 1788 и 1789 гг.

другой рукой, очевидно, читателем конца XVIII в. записано о взятии Очакова и Бендер русскими войсками. Тем же почерком сделаны записи на полях, уточняющие даты и вносящие незначительные дополнения.

Список Летописи Грабянки в этом сборнике относится к середине XVIII в., но текст сохранился не полностью. Часть недостающих фрагментов скопирована в XIX в. на вклеенных листах. Основной текст отличается народным языком. Вставки XIX в. сделаны с более раннего списка, с сохранением всех церковнославянизмов.

Рассматриваемый сборник написан одним почерком киевской школы, четким, красивым, изысканным, с надстрочными знаками. Для оформления рукописи использована киноварь и серебряная краска, с помощью которых выписаны заголовки, инициалы, большие буквы, сделаны штриховки, переплетенные спирали и т. д. В конце глав и заголовков — красные кресты, обведенные серебром. Нумерация тройная — XVIII, XIX и XX вв.

Документальные сборники. Большой интерес читателей XVIII в. к компактному договору статей, а также к другим документальным источникам вызвал появление чисто документальных сборников. В них входили компакты договорных статей или другие популярные наборы документов — о путешествии императрицы Елизаветы Петровны в Киев, о восстановлении гетманства, об избрании гетманом Кирилла Разумовского и др.

Нами обнаружено до десятка таких исторических документальных сборников. Например, какой-то любитель чтения удовлетворил свой интерес к историческим знаниям, переписав гетманские статьи за 1654—1698 гг. в сборник, размером в лист (I, 186, 9019), назвав его — «Книга статей с гетманами и со всѣма Малоросіи станами з того времени, как учинилась Малая Россія в подданствѣ всепресвѣтлѣйших монархов всероссійских». На обороте титульного листа заголовков повторяется в другом варианте: «Списки із поставленных статей, бывшим гетманам данных, а во первых слѣдуют статть из гетманом Богданом Хмельницким учиненные». Здесь типичное для некоторых исторических сборников оформление: титульный лист в рамке, большие фигурные буквы в заголовках, обилие надстрочных знаков. На полях неоднократно переведены даты документов, «от сотворения мира» на нашу эру. Филигрань относится к 50—60-м годам XVIII в.

Есть основания предполагать, что для данного сборника протографом мог послужить более ранний (по филиграням

датируемый концом 40-х годов XVIII в.) документальный сборник, в котором нами выявлено два почерка (I, 58041— I, 58049). Титульный лист тут озаглавлен иначе: «Стать, утверженіе от великого государя царя всероссийского Алексѣя Михайловича и обоіх сторон Днѣпра гетману валечному Богдану Хмельницкому и всему войску Запорожскому и народу Малороссийскому». Непосредственно «Статьи» Богдана Хмельницкого предваряет заголовок: «Список з приїзду Богдана Хмельницкого посланцов и какови послани з ними к нему Хмельницкому против их прошенія грамоти и постановленія статті».

Назовем еще один аналогичный документальный исторический сборник XVIII в., объемом в 47 листов⁵³, без начальных 9 листов, который также включал гетманские «Статьи», однако скомбинированные выборочно — статьи Богдана Хмельницкого, Юрия Хмельницкого, Ивана Мазепы и Даниила Апостола. Сборник заканчивается 1734 г.

Следующий компакт документов, выделившийся в самостоятельную рукописную книгу (форматом в лист, 130 страниц) второй половины XVIII в., имеет наименование: «Журнал шествия ее императорского величества... из Москвы в Киев в июле месяце 1744 году» (I, 7565).

На основе документального компакта об избрании гетманом Кирилла Разумовского сформировался сборник в середине XVIII в., включающий 25 документов за 1745—1751 гг. (ГБЛ, Муз. 435/2899). Среди различных по форме и содержанию документов, не встречавшихся в других сборниках, имеется журнал 1745 г. о пребывании украинских депутатов при императорском дворе и их ходатайство о восстановлении гетманства, челобитные от «Малороссийского народа» императрице Елизавете Петровне, наследнику престола Петру Федоровичу, брату Кирилла Разумовского — Алексею Разумовскому об утверждении Кирилла Разумовского гетманом Украины. Здесь же — императорские указы о передаче в управление гетмана Запорожской Сечи, о разрешении жителям Украины привозить из Крыма соль и торговать ею, а также перевод известий из французских газет об избрании гетмана Разумовского. Его распоряжения генеральной старшине и Генеральной войсковой канцелярии касаются розыска документов, раскрывающих систему и характер правления предыдущих гетманств (о распределении обязанностей в

---

⁵³ Лилеев М. И. Описание рукописей..., с. 87—88.

Генеральной войсковой канцелярии, между старшинами, о разделении войсковых сотен). Наконец, в сборнике находятся выписки из Литовского статута.

Подбор документов за 1659—1768 г. в сборнике второй половины XVIII в (ф. 30, № 77) особенно выразительно характеризует социальные и профессиональные интересы его составителя. Кроме известных по другим сборникам «Статей» Юрия Хмельницкого, указов Петра I, Анны Иоановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, в том числе об учреждении 1-ой и 2-ой Малороссийской коллегий, восстановлении гетманства и т. д., две довольно многочисленных группы документов здесь отражают систему судопроизводства на Украине и происходящие изменения в ней на протяжении более, чем полувека; а также земельные отношения на Украине в этот же период (Указы Сената, Генеральной войсковой канцелярии, ордера Александра Румянцева и др.)

В этом сборнике находим свидетельства обращения его в читательской среде. На чистых листах и на полях сделаны владельческие записи разных лиц и кем-то в конце XVIII в. составлены заголовки-записи именно к судебным документам и к документам о земельных владениях старшины, казаков и посполитых крестьян. Например: «О производстве в коронных добрах [имениях императорского двора.— Е. А.] судов и о чинении об них следствия при депутатъ — членъ Генерального суда»; «О чем и по каковым рядовым казакам словесные разборы читать, а по каким они, казаки, до судов земских и гродских принадлежат»; «О непродании и некуплѣ казачьих грунтов»; «О некупленіи в посполитых свободных грунтов» (1742); «О перехождѣ посполитым с мѣста на мѣсто без письменных свидѣтельств» (1763).

Даже в русском документальном сборнике указов и манифестов за 1724—1757 гг. (110 печатных документов и копий), в 174 листа (ГБЛ, Муз. № 740) среди материалов о московских купцах и злоупотреблениях иркутского вице-губернатора и др. имеется «Журнал каким образом произошло обране гетмана войск Запорожских обоих сторон Днепра 750 году февраля 22 день» и грамота Елизаветы Петровны бо этом (л. 144—149).

Пространная редакция. Насчитывается девять сборников со списками пространной редакции «Дѣйствій презѣльной брани...». Все они, кроме одного смешанного,— исторические. В трех из них Летопись Грабянки соединяется с документами. Пять сборников включают, кроме «Дѣй-

ствія презѣльной брани...», другие исторические произведения.

Списки пространной редакции Летописи Грабянки в сборниках, как и в отдельных рукописях, большей частью повторяют друг друга. Они также соответствуют тексту ее первого издания, осуществленного в XVIII в. Федором Туманским. С изданием 1854 г. совпадает в большинстве порядок и содержание глав этих списков, однако наблюдается и ряд существенных отличий. Текст сборников и рукописей сравнительно с публикацией XIX в. более сокращенный за счет исключения в первых главах библейских рассказов, сведений из античной и западноевропейской истории, религиозно-дидактических рассуждений. Для рукописных текстов также характерно более лаконичное и экономное изложение и некоторые структурные отличия. Несколько небольших глав во втором издании — «Гетманство Гоголево», «Гетманство Яненко», «Гетманство Куницкого», «Гетманство Могилы» — в большинстве рукописных текстов не выделены, а примыкают без этих названий непосредственно к предшествующим главам. В то же время в этих текстах имеется глава — «О гетманстве Многогрешного», которая, в свою очередь, не выделена в издании.

Язык пространной редакции «Дѣйствий презѣльной брани...» преимущественно живой, светский, очищенный от церковнославянизмов, с сильными элементами украинской народной речи. «Король Степан смущашеся зѣло вкупі і боящеша», — пишется в раннем списке, близком по времени к оригиналу (VIII 150 м/50). «Король Стефан усомнѣвался и боявся», — излагается в большинстве списков пространной редакции. «На многих бранях победиша», «Видят всѣ бо на око», «нарицаху» — в первом случае. «На многих баталіях победили», «Явно сіе видимо всѣм», «называли» — в пространной редакции.

Можно думать, что дошедший до нас именно данный вариант списка пространной редакции был наиболее популярен среди читателей XVIII в., импонируя им характером изложения.

Набор документов в сборниках с пространной редакцией Летописи Грабянки отличен от того, что встречается в сборниках со списками краткой редакции этой же Летописи.

Нетрадиционный набор копий десяти документов имеется в сборнике второй половины 30-х годов XVIII в. (VIII 149 м/49), принадлежавший в конце XVIII в. Г. А. Полетике. Здесь документы охватывают 1727—1734 гг.

(л. 105—117). Два из них, вероятно, заимствованы из документального компакта о создании Правления гетманского уряда в 1734 г., а из гетманских статей здесь переписан только универсал Даниила Апостола (1727). Остальные документы встречаем впервые. Два — отражают социально-экономические отношения на Украине: грамота Анны Иоановны от 30 июня 1730 г. рекетмйстром о челобитчиках, «Пункты» Коллегии иностранных дел от 31 октября 1732 г. об утверждении земельных владений на Украине. Внимание составителя сборника к этому вопросу говорит о принадлежности его к казацкой старшине. Четыре документа имеют военно-политический характер: первый — «Ратифъкація» шведским королем Ништадтского мира в 1721 г. (копия с печатного); остальные три — о событиях в Польше в первой половине 30-х годов XVIII в.: реляции и манифест Вейсбаха о действиях русских войск в Польше и о взятии Гданска; «ассекурация» (признание) в Гданске польскими магнатами Августа королем Польши (июль—август 1734 г.). Особенный интерес создателя сборника к этим событиям, очевидно, был вызван участием его в боевых действиях в Польше вместе с казацким войском в составе русской армии. Может быть, он имел какое-то отношение к канцелярии и мог пользоваться делопроизводственными материалами, т. к. копии документов в данный сборник снимались очень добросовестно. Сохранялись имена тех, кто сверял первые копии. «С печатною реляцією сводил писарь Михайло Турковский, канцелярист войсковій, Афанасій Шкляревич» (л. 106—107 об.) или «читал канцелярист Федор Свѣрскій с копію» (л. 10).

Кроме документов, в составе этого сборника находится «Лѣтописец краткий, року 1647 в місяць декемврїї заведений, что в котором году былося и сколько тому год до 1734 году» (л. 118—118 об.). Данное сочинение типа хронологии вмонтировано в расчерченную таблицу из трех граф: «Года в котором, что собилося», «Звания бытіям», «Сколько того и какому году». В последней графе против каждого пункта, очень кратко сформулированного, а их 40 в таблице, указано количество лет, прошедших от фиксируемого события до 1734 г. Можно предположить, что в этом году был составлен «Лѣтописец краткий».

Сборник переписывало более 10 человек различными почерками: каллиграфическим, парадным и функциональным, рабочим; закругленным, с изысканной графикой букв, с вынесенными высоко над строкой замкнутыми петлями; простым, квадратным, геометрическим; растянутым или

компактным; острым; высоким; прямым и наклонным; с нажимом и без нажимов; связным, в результате строка получалась почти непрерывной, как лента, или каждая буква вычерчивалась отдельно; почерком четким, ясным и почерком неразборчивым. Все переписчики применяли надстрочные знаки, но с бóльшей или меньшей частотой. Такая же пестрота наблюдается и в оформлении, что также типично для сборников, переписанных несколькими почерками. Одни переписчики оформили свои заголовки уставной вязью, другие писали их обычной скорописью, иногда большего размера, чем в тексте. Некоторые из них пытались украсить свой текст вычурными, «химерными» инициалами. Среди переписчиков были и русские люди. На первых страницах сборника встречаем ъ, переведенное в е. В некоторых местах имеются следы редакторской правки (л. 98 об.—99). Редактировалось письмо Петра I к патриарху Адриану о победах под Азовом, вмонтированное в Летопись Грабянки во всех ее списках. В нем Петр высоко оценивает совместные усилия русских и украинских войск в штурме крепости Азов, подчеркивая, что в боях 17 и 18 июля особенно отличились героизмом и военным искусством украинские войска. При этом царь отмечает военный талант и личное мужество наказного украинского гетмана Якова Лизогуба. Это письмо Петра I, которое в рукописных списках на Украине ходило в украинизированном варианте, правки редактора возвращали к тексту русского оригинала. Поэтому редактор исправляет ряд украинских слов на русские: «гарматы» на «пушки»; «коммонники» — «конница»; «суден» — «судов»; «ввійшлих людей» — «выходцев», «розбіглися» — «розбежались»; «просили» — «были челом», «немца Якова» — «немчина Якушку», «войска» — «воинство», «хорогв» — «знамена»; вместо «старшого полку воеводы» — «большого»..., «бляковец» — на «раскат». Дописал редактор и концовку документа: «Писан в завоеванном нашем градѣ Азовѣ лѣта 7204 іюля в 20 день».

Еще более своеобразный и необычный цикл документов присоединен к тексту Летописи Грабянки пространной редакции, в которой нет надписи для портрета Богдана Хмельницкого во вступительных приложениях (ГБЛ, ф. 205, № 421). Летопись и документы писаны двумя различными почерками, документы — более ранним. По филиграням датируем написание Летописи 60-ми, а документов 40-ми годами XVIII в. Это обстоятельство позволяет предположить механическое соединение двух частей

сборника, а также считать эту книгу сборником-конволютом.

Сборник включает четыре документа из комплекта договорных статей и один — о восстановлении гетманства и избрании гетманом Кирилла Разумовского, остальные — охватывают 15-летний период (1723—1738). Оригинальная тематическая подборка из шести документов посвящена судопроизводству и делопроизводству, в частности вопросам — о «форме» суда, о запрещении судьям заниматься другими делами, о доносах, казнях, а также о «формах» челобитных и доношений в Сенат. Переписаны также три документа о содержании казацкой войсковой артиллерии в городе Коропе, о злоупотреблениях старшины в Слободских полках и царский указ старшине, ограничивающий ее произвол и требующий не чинить «обид и тягостей» рядовому казачеству. Интерес к материалам такого характера мог проявить, скорее всего, представитель низов казачества.

В сборнике, о котором упоминается в предисловии к изданию Летописи Грабянки, последняя была объединена с двумя документами, которые некоторыми исследователями считаются апокрифическими: универсалом Богдана Хмельницкого 1648 г. из-под Белой Церкви и письмом кошевого атамана Ивана Сирко крымскому хану 1672 г. Письмо Ивана Сирко, хотя и не так часто, как универсал Богдана Хмельницкого, однако несколько раз встречается в рукописных сборниках. Его приводит в своей Летописи Самойло Величко.

Сборник Максима Плиски. Выше говорилось, что в рукописных книгах переписчики редко сообщали дату и место их создания: как правило, они не оставляли записей и о своих именах. Поэтому чрезвычайно ценным следует признать сборник, имеющий выходные данные и включающий Летопись Грабянки, документы и вирши, сочиненные переписчиком (ГБЛ, Тих., 552). На чистом листе (196 об.) внизу записано: «Сочинена сія книга перепискою с книги давной 1763 года м[еся]ця сентября 7 дня в Кіевѣ». А через два листа переписчик после вирша — «Сказаніе о Малой Россіі і о бѣдствіях ей бывших» — называет свое имя: «Труды сіі суть старца іер[омонаха] Максима Никифорова Плиски, священника Фроловского монастыря девішого Кіевского» (л. 198 об.). Еще под другими двумя виршами он также оставляет свою подпись, но сокращая каждое слово до одной буквы: «Іер. М.В.Д.К.Ф.» и «Іер. М.Н.П.»

Плиски засвидетельствовал, что он переписал сборник «с книги давной». Безымянный составитель этой книги-сборника продолжил пространную редакцию «Дѣйствій презѣльной брани...» освещением событий до 1717 г., затем сделал запись под 1734 г. и уже после этого включил в сборник документы (л. 193—196). Они относятся к русско-турецкой войне 1735—1739 гг. В результате, документы как бы продолжают дополнения Летописи Грабянки. В ее текст вмонтировано письмо кошевого атамана Ивана Сирко крымскому хану (1672).

Сборник Максима Плиски интересен стихотворной частью, до сих пор неопубликованной. Свое авторство этой части он, как мы видели выше, очень четко зафиксировал. Предисловие в стихах («До чительника») включает более 50 строк и по схеме Летописи Грабянки излагает происхождение казачества, его историю, события освободительной войны. Автор стихотворного предисловия поясняет, чем именно его заинтересовал переписанный им исторический труд и призывает читателя познакомиться с этим произведением.

Рассказав об образе жизни казачества, об установлении магнатско-шляхетского господства на Украине, о введении Брестской унии 1596 г., Плиски далее говорит о кануне и о первом этапе освободительной войны, подчеркивая роль Богдана Хмельницкого в развитии восстания:

Сей зучился и писма и военной штуки,
 Зажил мало от везуит латинской науки.
 Хитро себѣ поступал, жил при двору кроля,
 Не едножды поставлял с татарами поля.
 А когда впал в ненависть ляхам аж до смерти,
 Оставивши жену и дом, мусѣл в Сѣч утекты
 К запорожским косакам, где их знайшол мало,
 Всю им бѣду росказал, шо ся ему стало
 . . . . .
 Начал в них подмовлять би стали за вѣру,
 Как прежнія козаки храбро по примѣру.
 С того свѣтлость козаков зачалась сіяти
 В одну купу козаки начались збыратись.
 Перво на Жовтой Водѣ дали ляхам пива.
 Под Корсуном второе також нещаслива
 Стрѣла ляхов година, что з многих их трупов
 Козацкая простота набралася злупов.
 В Пилявцах и Збаражѣ была брань жестока,
 Не един там стал поляк без уха и ока.
 А что болше козацкой храбрости бывало,
 То мнѣ тое чернила писать не ставало.
 Сам, чительник, чти книгу, будешь разумѣти
 И внушай вси козаков давніе примѣти.

Я писал ее от любви своей, не от страсти
 С книги, написанія от царскіе власти.
 Хотѣл бо я познати как козаки смѣли,
 Что лядзкому кролевству весма одолѣли,
 Познал, что отвагою гординю и сили
 Козаки осмиренніе ляхов одолѣли.
 А ти, когда охоту прилѣжную маешь
 До того, то посмотри и добре познаешь.

Второй вирш, сочиненный Плиской, записанный им в конце книги (л. 197—198 об.) — «Сказаніе о Малой Россіи и о бѣдствіях ей бывших» — в полтора раза превышает объемом предыдущий вирш «До чительника», во многом повторяя его, но в иных вариациях и формулировках. Плиска называет повинности и налоги, которые накладывались польскими и украинскими феодалами на крестьян и казаков

Подимное от хати, з волов роговшину,
 ставивщину от ставов, от пчол десятину
 і с козаков, и с простих стали ляхи брати,
 а без козаков нигдѣ не ішли воевати.

Он также отмечает тот факт, что Богдан Хмельницкий в освободительной войне опирался на низы казачества и крестьянскую массу.

...Перво до голоти
 прелѣпился и просил, бы за вѣру стали,
 за волности, издревле козацтву наданны,
 и за здирства, от вѣка, сказать, не слиханни.

Вновь повторив краткий рассказ о победах войск Богдана Хмельницкого, Плиска в соответствии своим религиозным взглядам, определяемым его положением священника, среди причин воссоединения Украины с Россией первенствующее значение придает фактору единства веры, завершая свое виршованное «Сказаніе о Малой Россіи» традиционным обращением к читателю.

Вѣдав тоє Хмелницкий гетман и Вкраина,
 разсуждали, что в ляхов вѣра не едина.
 Восточному царевѣ начали служити,
 в одной вѣрѣ и мирно хотѣли пожити.
 И поныне царскому величеству служат,
 Королевство лядское, оставиши, не тужат.
 Любезній чительнику, сам приложи труду,
 читай книгу, познаеш Хмелницкий откуда,
 род козацкий и імя, как зачался здавна,
 гисторія покажет вид тебѣ преславна.

Также в стихотворной форме, с определенной дозой юмора, изложил Максим Плиска типичную формулу — приписку писца («Писец до себе»). Наличие виршей пре-

вращает книгу Плиски в смешанный литературно-исторический сборник. В нем 203 листа. Летопись Грабянки — не полная, заканчивается рассказом о Берестечком сражении. Плиски модернизировал язык Летописи, который в его изложении очень близок к современному нам, что особенно удивительно для священника XVIII в. Тем более, что он переписывал «с книги давной», т. е., очевидно, с более раннего списка, близкого к оригиналу, который, как известно, был пронизан церковнославянизмами. Везде и последовательно Плиски упорно ставит точку над *и*, показывая этим, что эту букву надо произносить твердо — *ы*. Он попытался украсить рукопись, орнаментировав заглавные буквы.

Таким образом, Максим Плиски проявил творческую инициативу, создавая сборник. Он использовал стихотворную форму для общения с читателем. Плиски выступает не только как создатель и переписчик смешанного литературно-исторического сборника, но и как поэт. Его рукопись в определенной части является автографом.

Пространная редакция и исторические произведения. В двух сборниках Летопись Грабянки пространной редакции сочетается с «Кратким описанием Малороссии», которое, как уже упоминалось, представляет собой ее сокращенный конспективный вариант. В каждом сборнике обе его части переписывались отдельно и даже в разное время, а уже позже какие-то книголюбы объединили под одной обложкой однотипные произведения. Очевидно, переписчики не видели необходимости в копировании подряд Летописи и ее сокращенного варианта.

В сборнике в 104 листа (ГБЛ, ф. 178, № 2899) на полях списка Летописи Грабянки, занимающей листы 1—82, переписчик отметил: «кончина Богдана Хмельницкого» (л. 23) — и произвел вычитание — «1751—1657», устанавливая сколько лет прошло от этого события до времени переписки. «Краткое описание Малороссии» (л. 63—104) и один документ (Указ Анны Иоановны об учреждении Правления гетманского уряда), переписанные другим почерком, имеют на последней странице следующую запись — «Итого всѣх в лѣтописцѣ занумеровано листов сорок един козаком роменским Саввой Римаренком, 1762 году, декабря 29». Таким образом, становится ясным, что первую часть сборника отделяет от второй 11 лет. Бумага форзаца имеет дату — 1793 г. Следовательно, сборник при помощи объединения двух рукописей в картонном переплете, обтянутом холстом, был создан в самом конце XVIII в.,

т. е. через 30 с лишним лет после переписки второй части. Текст Летописи здесь неполный — утрачена почти третья часть, перепутаны листы.

Во втором сборнике данного вида (I, 202) также повреждены и утрачены начальные листы Летописи Грабянки, приблизительно до 14 страницы. Этот список в 69 страниц был атрибутирован нами. «Краткое описание Малороссии», занимающее 52 страницы, не имеет окончания. Книгу переписывали одиннадцать переписчиков, в результате — та же картина, что и в предыдущих сборниках, — пестрота разнообразнейших почерков и неравномерность в оформлении заголовков.

В рукописной книге, объемом в 237 листов, размером в четверть листа (I, 6490), объединены «Дѣйствія презѣльной брани...» пространной редакции с небольшими выписками о казачестве из книги XVIII в. — «Краткого описания всѣх случаев, касающихся Азова». Переписчик не назвал автора — Байера, но отметил, что «Выписано из книги печатной»⁵⁴.

Летопись имеет заголовок с именем Грабянки. Зафиксировано время и место переписки: 1751 г., местечко Сорочинцы Миргородского полка. Издатели Летописи Грабянки считали, что данный список наиболее близок к основному тексту, для дополнений которого они его и использовали. Хотя данный список не закончен, последнее сообщение — о смерти Богдана Хмельницкого, но он лишен сокращений и содержит в тексте вирши, не в пример остальным спискам пространной редакции. В предисловии к изданию высказано предположение, что сборник был переписан для сына украинского гетмана Петра Даниловича Апостола, которому принадлежали Сорочинцы. На нижних полях первых трех десятков листов есть владельческая более поздняя запись: «Из библиотеки Семена Капниста».

Сборник переписан одним почерком. В тексте об Азове, поскольку выписки делались из русской книги, ощущается влияние русской лексики и правописания.

Данный сборник интересен своим оформлением. Некоторые заголовки выполнены уставной вязью и штриховкой пером. Над ними в виде заставок вычерчены рамки со

---

⁵⁴ Эта книга на немецком языке была опубликована в России в 1737 г., а в переводе адъютанта Академии наук И. К. Тауберта с немецкого на русский под названием «Краткое описание всѣх случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращенія онаго под Россійскую державу» — была издана в XVIII в. трижды: в 1738, 1768 и 1782 гг.

стилизованными цветами, листьями и др. Подобным образом разрисованы инициалы. Но самым замечательным является оформление основного заглавия книги, как бы копирующее фронтопис федоровского издания «Апостола».

Исторический сборник в 183 листа второй половины 50-х — начала 60-х годов XVIII в. (Научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР, Отдел рукописей и старопечатных книг, собрание Тихомирова, № 13) объединяет пространную редакцию летописи Грабянки (л. 1—118) с тремя небольшими историческими произведениями.

Летопись Грабянки переписана одним почерком, скорописью киевской школы. Стремясь усилить плавность графики, переписчик вырисовывает петли даже тем буквам, которые традиционно в скорописи киевской школы не применялись. Очень много надстрочных знаков. Заголовки и инициалы оформлены крупным уставным письмом, вязью. Поля с одной стороны, узкие. Нумерация XVIII в. Переписчик не оставил о себе никаких сведений. Несколько его записей на полях представляют собой вставки пропущенных слов к тексту. Он очень добросовестно, тщательно и грамотно скопировал летопись Грабянки и, в противоположность другим переписчикам, не добавил от себя ничего.

Следующее за летописью Грабянки произведение, переписанное более поздним почерком, именуется: «Описание краткое знатнейших действий, что в Малороссии на Украину дѣялось, в яких годах которіе были гетмани за владѣнія королей польских Украиною і Малою Росією» (л. 119—149). Тут каждый лист имеет графу для датировки, озаглавленную — «В коих годѣх». Это произведение начинается с 1506 и заканчивается 1762 г., включая также сведения из русской истории. Оно составлено на основе переработки (конспективного сокращения и хронологического продолжения) «Краткого описания Малороссии», которое, как говорилось выше, возникло в результате сокращения и хронологического продолжения летописи Грабянки.

Третья и последняя статья сборника состоит из пяти неравномерных по объему частей, озаглавленных следующим образом: 1. «Сокращенная Российская история». Рядом добавлено более мелкими буквами — «С печатного списка»; 2. «О Польше»; 3. «О России повторная история»; 4. «О Швеции»; 5. «О турецкой империи». Каждая страница этой статьи, кроме полей, имеет узкую графу с надписью — «От Рожд. Христова», в которой проставлены даты. Изло-

жение построено в виде вопросов и ответов. Вопросы определяют необходимость освещения происхождения народов и государств и периодизации их истории.

Так, в первой, самой большой по объему части (л. 1—15, здесь с л. 151 начинается новая пагинация) спрашивается: «Откуда российский народ ведет свое начало?»; «Где была столица великих князей?»; «Чем прославился князь Александр Ярославович Невский?»; «Кто государствовал после царя Бориса Федоровича?»; «Чем славен Петр Великий?» и др. Кончается эта часть, в которой упоминается как последняя дата — 1741 г., царствованием Елизаветы Петровны.

Во второй части, с последней датой — 1768 г. (л. 15 об.— 20) — среди вопросов имеются такие: «На сколько периодов раздѣляется історія польская?»; «Что ж происходило с королем Августом?»; «Что последовало со Станиславом Лещинским?» и др. Четвертая часть (л. 22 об.— 32) включает вопросы: «Как можно раздѣлить шведскую історію?»; «Сколько времени содержит в себе первая історія?»; «Которіе королі в послѣднем періодѣ владѣли?»; «В каком состояніи нині Швеція находится?» и др. Кроме этого здесь нашли освещение взаимоотношения Швеции с Россией и Польшей. В последней, пятой, части (с л. 35 новой пагинации — до конца рукописи) среди других включены и такие вопросы: «Как разделить можна історію турецкую?»; «Откуда турки начало воспріяли?»; «Кто были по порядку Оттоманские владѣтели?»; «Какие по порядку следуют императоры турецкие?»; «В каком состояніи нынѣ Оттоманская имперія находится?».

Третья часть — «О Россіи повторная історія» (л. 20 об.— 22) отличается от остальных характером своего изложения. Она представляет собой как бы аннотации расположенных хронологически печатных императорских указов за 1762—1769 гг., о чем несколько раз упоминается в тексте. Из 14 пунктов только три касаются непосредственно русской истории, остальные связаны с Украиной. Отобраны указы, касающиеся не только политических, но и социально-экономических отношений. Наряду со сведениями о ликвидации гетманства сообщается о запрещении крестьянских переходов, о налогах, о проведении Румянцевской ревизии, о передаче казаков в ведомство военных судов, о поставке волов и погонщиков, а также о постое русских войск на Украине во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Представляет интерес сообщение, которое не встречалось в других источниках, о совместных манев-

рах русских и украинских казацких войск на Украине под Переяславом в июле—августе 1768 г.

В отдельных рукописях, без сопровождающих материалов, Летопись Грабянки представлена списками пространной редакции, относящимися, главным образом, к середине XVIII в.

Старейшим среди них текстом является книга в 169 листов (I, 6698), в которой по всем листам внизу идет запись-скрепа о дате создания и имени владельца этой книги: «1740 года с перепискою выйшла и имѣется собственная с книг гисторіи в продградущее время слѣдователного дѣйствія отчизнику для знанія яко вишьозначеная книга бунчукового товариша Михаила Павлова сына Мартоса, жительствующего в полку Лубенском, сотнѣ Лохвицкой, села Скоробагатках». На верхней обложке — другая запись от 22 декабря 1812 г., принадлежащая потомку М. П. Мартоса — Павлу. Он называет цену, за которую была куплена книга почти три четверти века назад (2 р. 40 коп.), и сообщает, что сын ее первого владельца — Иван завещал хранить ее в роду Мартосов.

Эта книга интересна тем, что в ней указано имя автора и полное наименование произведения Григория Грабянки: «Дѣйствія презѣльной брани...» и т. д. Она художественно оформлена и в ней есть изображение запорожского герба под соответствующими виршами.

К середине XVIII в. относятся такие отдельные рукописи с Летописью Грабянки: ГПБ, Погод. 1516 (109 л.); I, 164 (216 л.), принадлежавший Григорию Полетике; I, 7972а (65 л.) с копией 1865 г. (I, 7972б) и ГПБ, Эрмитажн., 372 (95 л.) (оба списка выявлены нами), Неж., 48 — датируется 60—70-ми годами, XVIII в. — 148 м/137 (128 л., рукопись утрачена).

Имеется несколько отдельных рукописей с краткой редакцией произведения Григория Грабянки: ГБЛ, ф. 173, № 97, 1731 г. (46 л.). ГИМ, Собрание Вахрамеева, № 130 (39 л.), середины XVIII в.; ГПБ, Ф. IV, № 676 (39 л., в четвертую долю листа) 60-е годы, оформленная на высоком профессиональном уровне; БАН, 17.16.6 (71 л.), начало XIX в., установлена нами. Два фрагмента с описанием Желтоводского, Корсунского и Батогского сражений составляли в прошлом часть списка Летописи Грабянки 60-х годов XVIII в. (Днепропетровский исторический музей, отдел рукописей, № 681, 682).

**«Краткое описание Малороссии»
и его вариации
в рукописных сборниках**

«Краткое описание Малороссии», созданное во второй половине 30-х годов XVIII в. на основе Летописи Грабянки, очевидно, пространной редакции, пользовалось не меньшей популярностью, чем его прототип. Современников привлекала лаконичность формы «Краткого описания», вместившего в значительно меньший объем фактическое содержание «Летописи», а также его функциональный, деловой стиль и живой язык, в значительной степени очищенный от церковнославянизмов и полонизмов. Правда, автор ввел другие иностранные слова, в частности немецкие, получившие распространение со времен Петра Первого⁵⁵. Творческое начало автора «Краткого описания Малороссии» проявилось также в продолжении им Летописи Грабянки с 1710 г. еще почти на четверть столетия. Таким образом, хронологические рамки этого произведения охватывают 1340—1734 гг.

«Краткое описание Малороссии» послужило основой для других переработок, как, например, для следующих двух исторических произведений, текстуально во многом очень близких между собой. Это — «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных дѣйств и случаев описаніе, что в каком годѣ в Украинѣ Малороссійской дѣялось, найпаче кто именно, когда был козацким гетманом и о протчих приключениях от России кратко»⁵⁶ и уже упомянутый выше «Лѣтописец или описаніе краткое знатнѣйших дѣйств и случаев, что в котором году дѣялось в Украинѣ Малороссійской обѣих сторон Днѣпра и кто именно, когда гетманом был козацким»⁵⁷.

Уже в XVIII в. «Краткое описание Малороссии», по существу, было опубликовано. Его копией, но продолженной с 1734 г. еще на 36 лет, была книга, изданная В. Рубаном в 1777 г. в Петербурге под наименованием: «Крат-

---

⁵⁵ Житецкий П. И. «Энеида» Котляревского и древнейший список ее..., с. 76—77.

⁵⁶ Южнорусские летописи..., с. 51—106.

⁵⁷ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888, с. 1—70. В предисловии к данному изданию проведено сравнительное рассмотрение текстов двух вышеназванных исторических произведений, а также «Краткого описания Малороссии» (с. 1—11). Иконников В. С. (Опыт русской историографии, с. 1600—1603) пересказывает названное предисловие в более расширенном изложении.

кая летопись Малыя России». Также в последней четверти XVIII в. Жан Бенуа Шерер перевел «Краткое описание Малороссии» на французский язык и издал его в Париже вместе с выдержками из «Описания Украины» Гийома Левассера Боплана, французского автора середины XVII в., и с материалами о запорожских казаках из других источников⁵⁸. Ж. Б. Шерер, именующий себя «членом многих академий, советником Большого сената Страсбурга, прежде юрист-консулом Императорской юридической коллегии в Петербурге для дел Ливонии, Эстонии и Финляндии», на титульном листе сообщает читателям, что перевод осуществлен «по рукописям, хранящимся в Киеве, богатым на записки».

Французский текст Шерера в свою очередь перевел на немецкий язык Карл Хаммерсдорфер, сделав добавления, в частности продлив изложение до 1775 г., показав топографию рек Среднего Поднестровья и т. д. Карл Хаммерсдорфер издал эту работу в Лейпциге в 1789 г. под таким названием: «История украинских и запорожских казаков с некоторыми сведениями о положении и нравах по Ж. Б. Шереру с русской рукописи переведено История Малой Руси etc, обработана Карлом Хаммерсдорфером, преподавателем Иенского университета».

Под своим названием «Краткое описание Малороссии» появилось в свет лишь в 1878 г. как приложение ко второму изданию Летописи Самовидца⁵⁹.

Считаем, что сохранилось более 20 списков «Краткого описания Малороссии», 15 из них входит в состав сборников. В результате изучения всех его списков делаем вывод, что они относятся к одной редакции, но трем ее вариантам. Первый совпадает с опубликованным текстом и именуется: «Краткое описание Малороссии. Как она послѣ самодержавія великаго князя Владимира была под полским владѣнием, и как нескоро послѣ того, по изгнаніи из оной ляхов, гетманом Зѣновіем Богданом Хмелницким приведена под высокодержавную руку [титул] Алексѣя

---

⁵⁸ *Annales de la Petite-Russie ou Histoire des cosaques — zaporogues et des cosaques de l'Ukraine ou de la Petite-Russie*. Paris, 1788. В 1808 г. В. С. Ломиковский осуществил обратный перевод издания Шерера на русский язык, не подозревая о существовании оригинала XVIII в. на украинском языке, и включил под названием — «История о малороссийских и запорожских казаках» — в свой рукописный сборник — «Припасы для украинской истории» (I, 54664, Лаз. 34), о котором упоминалось выше.

⁵⁹ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам..., с. 209—319.

Михайловича, какие потом были козацкие гетманы и дѣйства украинскіе, наченшеся з року от Рождества Христова 1340».

Второй, несколько более полный вариант имеет текстовые отличия⁶⁰, в том числе и в наименовании, информирующем также о наличии документов в сборнике, которые его создатель рассматривает как дополнения к историческому изложению: «Лѣтописецъ краткій, принадлежащій к історіі українской о владѣвшихъ в ней прежнихъ гетьманахъ, в которой приполнено многими грамотами, указами и инструкціями, принадлежащими к сей історіі». В некоторых списках, например, в двух рукописях (I, 203; ГБЛ, ф. 152, № 26), имеется подзаголовок «Исторія о Українѣ». Третий вариант отличается от предыдущих наличием хронологического продолжения.

Классификация сборников с «Кратким описанием Малороссии» соответствует определенным нами видам сборников с Летописью Грабянки, поскольку обнаруживаются здесь очень четкие аналогии. В семи сборниках вокруг «Краткого описания Малороссии» группируются документы; в шести — оно сочетается с другими историческими сочинениями; в двух сборниках составители вмонтировали списки второго варианта «Краткого описания Малороссии» в Летопись Самовидца, о чем писалось выше (313/256 с, VIII 156 м/54, л. 1—4, 70—76).

В рукописные книги, включающие в свой состав «Краткое описание Малороссии», попали многие документы, общие для сборников с Летописью Грабянки и Летописью Самовидца.

Сборник Кирилла Разумовского. Наибольшее количество документов вошло в состав рукописных книг, которые списывались с одного сборника-протографа, принадлежавшего Кириллу Разумовскому. Ближайший ко времени создания протографа список всего сборника был скопирован в 1753 г., о чем свидетельствует запись на последнем листе: «Списана при Академіи наук 1753 году с книги, полученной от его яснѣвѣлможности гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского» (ГБЛ, ф. 152, № 26). Поскольку последний документ в этой книге (форматом в лист, на 104 листах) датируется мартом 1750 г., то очевидно, что сборник-протограф был оформлен в период между второй половиной 1750 г. и началом 1753 г. Возможно, что он был сделан специально по распоряжению вновь избранного

⁶⁰ В издании они отмечены в качестве разночтений и дополнений.

гетмана, т. к. мы имеем прецеденты создания книг с копиями документов именно в результате распоряжений Разумовского.

Так, например, сохранился сборник документов, сформированный Генеральной войсковой канцелярией по непосредственному указанию гетмана от 30 апреля 1750 г. Копией его ордера об этом и открывается сборник, который именуется «Экстракт..., выписанный на 87 листах», включающий 21 документ (копии) и датированный 9 июня 1750 г. В заголовке сообщается, что «Экстракт» составлен «по справке с имеющимися великих государей, царей и великих князей, императоров-самодержавцев всероссийских грамот, також с привилегиями королей полских и великих князей литовских на волности, права и преимущества Малороссии и прочих чинов». На полях отметка об отправке книги гетману с генеральным хорунжим Николаем Ханенко.

Возвращаясь к рукописи Разумовского, отметим вероятность предположения украинского историка первой половины XIX в. Николая Маркевича о том, что гетман Украины, подарив Академии наук в Петербурге сборник с «Кратким описанием Малороссии» второго варианта, т. е. оригинал-протограф, возможно, распорядился сделать для себя копию. Н. Маркевич поэтому и называл «Краткое описание Малороссии» — «Летописью Разумовского»⁶¹. Сборник-копия впоследствии оказался во владении внучки Разумовского, передавшей книгу своему сыну — князю В. Н. Репнину, владевшему большой библиотекой в Яготинском имении. Там эту книгу и получил историк, проведший некоторые сравнительные наблюдения над ее текстом и фрагментами из французского издания. «Сличенье Шерера с рукописью гетмана Разумовского»⁶² — так назвал эту свою работу Н. Маркевич. На обороте первого чистого листа он записал: «Шерер перевел эту книгу и выдал за свою. Н. Маркевич».

С собранием Н. Маркевича книга перешла в Румянцевский музей и сейчас находится в составе рукописных фондов ГБЛ (ф. 152, № 26).

Большинство документов в данном сборнике выписаны из нескольких компактов и уже известны. Часть из них отражают события, связанные с подготовкой и избранием Разумовского гетманом.

---

⁶¹ Маркевич Н. История Малороссии, М., 1843, т. 5, с. 91, 93.

⁶² Маркевич Н. История Малороссии, т. 5, с. 97—102.

Компакт об освобождении Украины от налогов дополняют следующие, не встречавшиеся в других сборниках документы: челобитные Елизавете Петровне от генеральной казацкой старшины и бунчуковых товарищей и отдельно от Стародубского полка с благодарностью за освобождение от сборов (4 февраля 1749 г.) и благодарственное письмо от них Кириллу Разумовскому за его ходатайство перед императрицей об этом (25 февраля 1749 г.), а также указ из Генеральной войсковой канцелярии в Стародубскую полковую канцелярию по этому же поводу.

В некоторых документах идет речь о назначении на должности: стародубским полковником майора Ивана Кошкина вместо Журавки, «чинившего обиды обывателям» (грамота Петра I от 28 октября 1723 г.), командующим войсками на Украине генерал-лейтенанта Бутурлина (указ Елизаветы Петровны от 25 ноября 1745 г.), а также имеется указ Генеральной войсковой канцелярии по поводу отстранения от «уряда» переяславского полкового писаря Якима Коневского за упущение в ведении дел (12 марта 1750).

Некоторые материалы разнородны по своей тематике. Среди них — указ Петра I гетману Скоропадскому с инструкцией об оформлении гетманской корреспонденции (17 ноября 1720), духовное завещание Стефана Яворского (17 ноября 1722 г.), выписка в 1746 г. из Стародубских магистратских книг для генерального обозного Якова Лизогуба о передаче в его владение войсковой степи под Стародубом.

Направленные на Украину правительственные документы, копии которых были включены в сборник Разумовского (ГБЛ, ф. 152, № 26), отложились в Генеральной войсковой канцелярии, а также в Стародубской полковой канцелярии. Связанных со Стародубским полком — более пяти документов, что может служить основанием для предположения о Стародубе как месте создания сборника.

Третью часть сборника (хотя по порядку в книге она стоит на втором месте после «Краткого описания Малороссии») составляет конспективное его изложение — «Описание кратчайшее знатнѣйшихъ действий и случаев, что в которомъ годѣ дѣялось в Украинѣ Малороссійской и около Украины и кто имянно когда был гетманомъ козацкимъ» (л. 51—106), охватывающее 1506—1734 гг., с очень краткими аннотациями.

Полной копией описанного выше сборника является рукописная книга размером в лист, объемом 90 листов

(I, 203). По филиграни она датируется последними двумя годами XVIII в. Нами было установлено наличие в ней списка «Краткого описания Малороссии». Страницы с произведением «Описания кратчайших знатнѣйшихъ действ...» — разграфлены с правой стороны: проведены две узкие графы с рубриками — «число гетманов», «годы». Для написания заголовков, в том числе и для некоторых документов, использована киноварь; название сборника выписано высоким уставом в комбинации с крупной скорописью, красивой, четкой, каллиграфической.

Переплет сборника — картон, обтянутый кожей, с художественными тиснениями, позолоченный растительный орнамент по краям. На корешке тисненное название «История о Украине».

Еще одна копия сборника Разумовского, однако без третьей части, обнаружена нами в рукописном фонде ЦНБ (I, 58240, Лаз. 59). Это — книга размером в четверть листа, объемом в 200 листов (л. 1—7, 165—200 — чистые), по филиграни датируется серединой 60-х годов XVIII в. В этом списке русское написание слов. Например, «дитинѣ» — в изданном тексте, здесь — «дитяти», «знову» — «снова» и т. д.

В сборнике (форматом в лист, объемом в 62 листа) с выявленным нами еще одним списком «Краткого описания Малороссии» не сохранились начальные и последние листы (I, 839/6276).

Поэтому в нем осталось всего семь документов, из них шесть совпадают с документами сборника Разумовского, за исключением одного — Комиссии Гадячской 1658 г. Текст «Краткого описания Малороссии», здесь, видимо, списывался переписчиком, по всей вероятности, украинцем с украинского оригинала, лексику, орфографию и общее изложение которого он сохранил, усовершенствовав стиль по сравнению с другими списками. Маргиналии в книге имеют характер комментариев и заголовков к частям текста, например о местонахождении реки, упоминаемой в тексте и т. д.

Вариантами сборника Разумовского, с некоторыми отличиями в составе документов, являются две книги: (200 листов, размером в восьмую часть листа (VIII, 155 м/Лаз 68) и книга (БАН, 1716. 29) 80-х годов XVIII в. размером в четверть листа, объемом — 97 листов, с сокращенным набором документов из договорных статей. Этот сборник принадлежал историку Д. Н. Бантыш-Каменскому, который упоминает его среди использованных источ-

ников⁶³. Во вступительном разделе его книги по истории Украины, где он перечисляет источники малороссийской истории, им называются (с краткой характеристикой) четыре исторические произведения, которые, по всей вероятности, являются списками «Краткого описания Малороссии» (под № 16, 17, 19 и 20).

Как и *Летопись Грабянки*, «Краткое описание Малороссии», объединяясь с другими историческими сочинениями, дает особый вид сборника без документов.

В двух книгах, очевидно, скопированных с одного протографа, список «Краткого описания Малороссии» первого варианта сочетается с «Хронологией митрополитов киевских», занимающей в обеих книгах последние три листа и включающей справки-аннотации о митрополитах, начиная с Киевской Руси и кончая 1748 г., т. е. поставлением киевским митрополитом Тимофея Щербацкого. Первый сборник, относящийся к середине XVIII в., имеет объем в 120 листов и размер в четвертую долю листа, с ярко выраженными украинизмами (ГПБ, Q, IV, № 356).

Во втором сборнике форматом в четверть листа, объемом в 96 листов, очевидно, созданном в третью четверть XVIII в. (I, 7379), хронология доводится до 1731 г., т. е. установления киевским митрополитом Рафаила Заборовского. На последнем листе сборника ее владелец оставил запись: «Сыя книга, называемая Исторія в кратком сочинения полкового канцеляриста Анисима Бѣлогруда». Ниже — другими чернилами, возможно, позже, записано: «Нынѣшнего значкового товариша». А еще ниже — Анисим Бѣлогруд тщательно выписал фразу, в которой выразил свое понимание исторической роли Богдана Хмельницкого: «Богдан Хмельницкий Зіновій Войска Запорожского и Малой Росіи гетман и защитнику». Этот сборник интересен записями переписчика — почти на каждой странице по четыре — пять записей. Обобщающие приписки к отдельным частям текста отражают их основной смысл. Переносы на поля из текста ссылки на польских хронистов и Печерскую летопись, переписчик от себя добавлял указания на страницы, если их не было в основном тексте, свидетельствуя, таким образом, о своем знакомстве с данными произведениями.

Маргиналии носят эмоциональный характер и отражают отношение их автора к историческим событиям. Например,

---

⁶³ *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Слб, 1903, с. IV.
13 2-2908

он очень резко осуждает унию — «Рагоза [митрополит киевский — униат] бѣситя... прилѣпляется дѣволу-папѣ» — и отрицательно характеризует польскую шляхту и ее политику на Украине. С большой экспрессией он комментирует события освободительной войны 1648—1654 гг: «Король Казѣмѣр коронован со страхом 1649 года»; «Ляхи, непостояннѣе и вѣроломные, бѣды Русѣ чинять»; «Бог заячим страхом ляхов казнит»; «Ляхи чванятыся»; «Война ляхам трудная и тѣсная бѣда» (л. 11, об., 16, 17, 18, 20); «Под Збаражем ляхам тѣсно. Ляхи конѣ и собаки и протчая їдят», «Здобулися ляхи на лихо под Зборовим»; «Зборов. Пакта лях не додерж. Зламали» (л. 12 об.—13 об.). Переписчик использует даже пословицы для своих маргиналей: «Гетман Кор[ецкий] опарен на молоцѣ, и на воду студит» (л. 14 об.). Копируя текст о боях Богуна с польским войском под Винницей в 1651 г., переписчик добавляет на полях: «Ляхи, як фараон гордіе, у водѣ гинут» (л. 16 об.).

О последствиях Белоцерковского перемирия 1651 г., заключенного после Берестецкого поражения, так прокомментировано на полях: «Ляхи винтерквартеруют на Украинѣ, весма людей обѣждают, откуда вопль и горе в народѣ». Одновременно переписчик отмечает большое значение в этих условиях для украинского народа разрешения царского правительства переселяться украинцам на территорию Русского государства («свободно народ украинский начал ити в Великороссію на житло» (л. 20 об.), в связи с чем произошло заселение Слободской Украины» («Когда Слободские полки начали сѣдати житлом») (л. 21).

В записи, отражающей позицию низов казачества, говорится: «Гетмани полские просят в мирѣ, но чернь не позволяет свѣрепо» (л. 19 об.).

Сборники Григория Покаса и Алексея Дзивовича. В сборнике Григория Покаса «Двѣ гисторіі о казацком народѣ» (ГПБ, Ф., IV, № 812) первой «гисторией» является «Краткое описаніе Малороссии», продолженное по 1751 г.

Освещение Покасом периода 1735—1751 гг. носит характер погодных записей, однако они насыщены информацией о политических и военных событиях, об изменениях в управлении Украиной и др., а в ряде случаев отражают авторское отношение к этим событиям. В предисловии к сборнику Покас заявляет, что он пользовался рукописными произведениями «по своду з разными гисторіями печатными». Его изложение функционально, близко к раз-

говорной речи, целиком светское. Автора совсем не интересуют религиозно-церковные дела. Произведение Покаса впервые рассматривается в нашей работе.

Григорий Покас пишет о русско-турецкой войне 1735—1739 гг., участником которой он был, о завоевании русскими и казацкими войсками Очакова, Хотина и др. Он перечисляет трофеи, захваченные у султанских войск и крымских орд. Под 1739 г. сообщается о смерти Григория Грабянки в боях этой войны. Говоря о низложении фельдмаршала Миниха и ссылке его в Сибирь, Григорий Покас крайне отрицательно оценивает его бесчинства и произвол на Украине — «непотребные государству». Фиксируется Покасом проезд через Украину турецких послов в Петербург и русского посланника А. Румянцева в Оттоманскую Порту. Под 1731 г. записано о казни самозванца Ивана Лисицкого и четырех его сподвижников в селе Ярославце Киевского полка.

Упоминание о землетрясении в Киеве 31 мая 1738 г. сопровождается у Покаса подробностями, которых нет в обнаруженных нами на рукописных книгах записях, также затрагивающих это событие. У Покаса читаем: «Того ж году мая 31 дня трясеніе земли было как-бы чрез двѣ минуты, от которого трясенія Печерская новосозидаемая дзвоница раздѣлись в нѣскольких мѣстах».

Особенно обстоятельно описана коронация Елизаветы Петровны, ее поездка в Киев, а также подготовка и проведение церемонии избрания Кирилла Разумовского гетманом («триумфальная церемония»), приводятся полностью тексты императорских грамот.

Находим в этом изложении много общего с «Вѣдомостью» и «Журналами» из документального компакта рассмотренного выше сборника (VIII 151 м/51). В описании Покаса наблюдается конкретность, детальность и точность, вплоть до часа, а процедура выборов также именуется «гетманским театром». Скорее всего, Покас привлек именно эти документальные источники, может быть, даже непосредственно в Генеральной войсковой канцелярии или же в рукописных списках. Несомненно он был очевидцем этой процедуры и личные впечатления также использовал для составления своего «Описания церемоніи в избраніи малороссійского козацкого гетмана в городѣ Глуховѣ, бывшей в 1750 году февраля 22 дня».

Но даже этот подробнейший рассказ Покас счел необходимым дополнить французским изданием, посвященным этой же теме и в переводе на русский язык вышедшем

в Петербурге. «Писатель сей гисторіи (так себя именует Григорій Покас) здѣс вписать за достойное рассудил», чтобы сообщить «любопытному читателю иностранных народов мнѣнія о избраніи нинѣшнем в Малой Россіи гетмана и о достоинствѣ его и о всей Малой Россіи».

Под 1751 г. (август) Покас поместил копии документов, связанных с доносом ямпольского сотника Купчинского на генерального писаря Безбородко. Купчинскому было определено «публичное жестокое наказаніе кіями за неправдѣднѣй донос и чина и чести вовсѣ лишено».

В конце книги (л. 72—81) переписана вторая «гисторія», т. е. «Кройника о земле Полской» Софоновича.

«Краткое описание Малороссии» с продолжением Григорія Покаса попало в сборник последнего десятилетия XVIII в., слагающейся из нескольких хронологических пластов (НБХГУ, № 135 с). Первый составитель этого сборника воспользовался списком Алексея Дзивовича, который в 1756 г. скопировал «Двѣ гисторіи о козацком народѣ» и, в свою очередь, продлил дальше покасовское продолжение «Краткого описания Малороссии»⁶⁴.

Дзивович описал пышную процедуру приема гетманом Разумовским в августе 1751 г. кошевого атамана Якима Игнатовича, прибывшего в Глухов. Ему была «авдиенция учинена знатная и достойная чести его» — утверждает Дзивович. Любопытно отметить, что последняя роль в этой «авдиенции» отводилась войсковым канцеляристам, правда, их элитарной части: «У самых ворот встретил его старший войсковой канцелярист Василь Туманский и от его велможности с достойною почестію просил в палаты». Там его встретил генеральный писарь Безбородко, «церемониально, с немалым числом знатных войсковых канцеляристов и увел в залю, где до того уже была вся генеральная старшина и много знатного малороссийского шляхетства». Вошел гетман, к нему обратился с приветствием («весьма преизряднее») от имени кошевого атамана войсковой запорожский писарь. Гетман, в свою очередь, ска-

---

⁶⁴ М. Горбань, впервые обнаруживший список Алексея Дзивовича, сравнил его с литературным произведением 1762 г. — «Разговор Великороссии с Малороссией», написанном переводчиком Генеральной войсковой канцелярии Семеном Дивовичем. Он нашел в них определенную идейно-тематическую общность. На основании этой общности и сходства фамилии он приписал авторство «Краткого описания Малороссии» переписчику Алексею Дзивовичу, игнорируя почему-то различие имен этого переписчика и автора «Разговора Великороссии...» (Семена Дивовича). (Горбань М. Нариси з української історіографії: Новий список літопису «Краткое описание Малороссии», Харків, ч. 1, 1923).

зал речь. На другой день кошевой атаман с запорожской старшиной был «пребогатым трактован банкетом».

Дзивович зафиксировал, что запорожцы получали каждый день «50 баранов, 5 яловиц, простого вина 5 бочек, одну бочку сала, ситного хлѣба 150, пшеничных булок 50». В день отъезда было «пожаловано» кошевому атаману и войсковой старшине дорогая одежда, а рядовым запорожцам по три рубля.

Следующая запись под 1754 г. (14 января) информирует о «страшном громѣ» в Киеве «по всѣму городу», нанесшим «много вреда, а особливо около Андреевской строящейся церкви и в Печерском монастыре». Записано также о пожаре в Нежине, в этом же году, 14 сентября, когда «1080 дворов выгорело и многие лавки погорели».

«Сія исторія сим кончилась 1790 года перепискою» — этой фразой первый составитель сборника зафиксировал время переписки данной части книги.

Далее, другим почерком, очевидно, позднее на разграфленных страницах (л. 99—134) излагается сокращенный текст «Краткого описания Малороссии» (1506—1734). Этот второй составитель сборника переписал неоднократно встречаемые в рукописных книгах — письмо кошевого атамана Ивана Сирко крымскому хану и универсал Богдана Хмельницкого из-под Белой Церкви. В конце переписана челобитная московского митрополита Макария Ивану IV — «о волностях церковных, о неотнятіи движимых и недвижимых архіерейских монастырских церковных имѣній» (л. 135—145).

В данном сборнике очень интересна приписка читателя конца XVIII в., свидетельствующая о его критическом отношении к источникам и правильном понимании истинного характера избрания последнего украинского гетмана. На полях против текста о том, как граф Гендриков оповестил об избрании гетмана «вольными голосами», читатель записывает свое мнение: «Неправда, ибо хотя наказано волними голосами, но сказано им повелено избрать Разумовского».

«Краткое описание Малороссии» в смешанных сборниках. В смешанном литературно-историческом сборнике (в четверть листа, на 362 листах), писанном множеством почерков, полууставом и скорописью конца XVIII в. (ЦГИА УССР, КИОНЛ, № 21), вокруг «Краткого описания Малороссии» (л. 1—94) группируются разнообразнейшие материалы, преимущественно копии с печатного, которые дают представление о заинтересованности одного из

читателей того времени политическими событиями, происходившими в его стране и в Западной Европе.

Документальная часть включает гетманские статьи; императорские указы; отписки Коллегии иностранных дел, Генеральной войсковой и полковых канцелярий; копии с печатных внешнеполитических документов — русская и шведская ратификация трактата «вечного мира», описание аудиенции персидского полномочного посла в Москве (1742), реляция русского представителя английскому адмиралу о коронации Елизаветы Петровны (1741); выписки из «Санкт-Петербургских ведомостей» о землетрясении в Неаполе (1743); о казни «рenegата иеромонаха» Константина Политанского (1742); афиши о представлениях в Петербурге силача с группой акробатов («вторым Сампсоном нарицают») (1719); корреспонденции из Мадрида и Иены. Две выписки отражают научно-познавательный интерес составителя сборника: «3 Большой Еографии, сколко величиною какое государство в Европе» и «из Гербаріуша Бартоша Попроцкого» (Краков, 1584 г., на польском языке).

Включены в состав сборника и встречавшиеся нам в других рукописях «Разговоры в царствіи мертвых...» и «Духовная» митрополита Стефана Яворского, а также статья о «чудесах» с иконой в Ахтырке (1747), сочетающаяся с таблицей «несчастливых дней» в году (1660), приписываемой средневековому астроному Тихо Браге, и «предсказаниями» Мартина Задеки (1770). Сборник завершают 12 бытовых советов и кулинарных рецептов.

Отдельные рукописи. Ряд списков «Краткого описания Малороссии», которые являются отдельной рукописью, а не сборником, заслуживают упоминания, поскольку несут на себе печать активного и творческого отношения к тексту со стороны читателя и переписчика.

В рукописи, размером в восьмую часть листа, объемом в 112 листов (I, 581; I, 593), «Краткое описание Малороссии», обнаруженное нами, продолжено до 1776 г. (л. 84—112). Сообщения в продолженной части текста отличаются точнейшей датировкой, конкретностью, красочностью и детальностью описаний, в частности, выборов Кирилла Разумовского гетманом, отдельных сражений, в том числе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Автор, который, очевидно, принимал участие в этих сражениях, принадлежал, как можно думать, к правящей старшинской верхушке. Ему известна в подробностях деятельность Генеральной войсковой канцелярии; он со знанием дела

перечисляет все налоги и подати, собираемые в то время на Украине; сообщает сведения о внутренней жизни Запорожской Сечи; дважды говорит о Пугачеве; показывает дислокацию и передвижение войск на Украине; он был хорошо осведомлен о назначениях и перемещениях на должности казацких старшин, русских офицеров и генералов, не забывает называть все их титулы и звания. Но при этом, изложение его носит бесстрастный характер, без эмоций и оценок.

В маргиналии упоминается имя владельца книги — Теодор Манькивский. Был ли он переписчиком и одновременно автором продолженного текста «Краткого описания»? Для ответа на этот вопрос нет необходимых данных.

Еще один вариант продолженного «Краткого описания Малороссии», однако излагающего события более лаконично, внесен в сборник (ГБЛ, ф. 152, № 28), имеющий приписку переписчика: «Писанна 1822 года июля 14 дня В. Гудимою в Пирятинѣ (л. 1). Под 1750 г. сообщается об избрании Разумовского гетманом «общими голосами», а под 1764 — «по прошению его от этого звания уволен». С 1768 г. связана такая запись: «Малороссийское войско подсудимо учинилось военному суду». Завершая свое продолжение «Краткого описания Малороссии» сообщением об открытии наместничеств в 1775 г., автор пишет, что в связи с этим прекратила существование Киевская губернская канцелярия (л. 85 об.— 86). После этого скопирован реестр украинских гетманов до 1657 г. Список «Краткого описания Малороссии» в этом сборнике атрибутирован нами.

Следующая рукописная книга (I, 6699) с вольным сокращенным переводом «Краткого описания Малороссии» на русский язык начала XIX в. (1813) принадлежала библиотеке В. П. Бороздны. Этот список под названием: «Лѣтописецъ Малой Росіи или сокращенная история о казацких гетманах и о всѣм случившимся с примѣчанія достойного в Украинѣ» — интересен своеобразной трактовкой переписчиком ряда событий. В то же время встречаем здесь и искажения смысла и значения происходивших событий, множество хронологических ошибок. Одновременно добавляются описания новых фактов, относящихся к русской истории, например, подробности о заключении Прутского мира, есть новые сведения и об Украине. Как один из источников дополнений использовалось историческое произведение, созданное на Украине на рубеже XVIII—XIX вв., — «История русов» неизвестного автора, откуда,

например, было заимствовано известие о пожаре в Киево-Печерской лавре и о гибели ее знаменитой библиотеки, которая именуется «истинное сокровище для России» (л. 149—150).

Еще одна книга с сокращенным текстом «Краткого описания Малороссии» первого варианта (в четверть листа, объемом 108 листов) интересна множеством записей на полях конца XVIII в., конспективно пересказывающих его содержание (312/689 с). Подобна этой книге рукопись середины XVIII в. (как нами определено по филиграням), в четверть листа, объемом в 74 листа (ГПБ, Ф. IV, № 451).

В рукописи, в которой утрачена почти вся первая половина текста «Краткого описания Малороссии» и которая относится к 60-м годам XVIII в., нет и последнего листа, а изложение заканчивается 1733 г. (ГПБ, Ф. IV, № 811). Однако некоторые события освещаются с большими подробностями, чем в печатном варианте. Например, в последнем абзаце (л. 61 об.) к сообщению о параличе гетмана Даниила Апостола добавлено, что в это время от его имени «правил малороссийскими делами» генерал Паршин, а за гетмана подписывался «писар енеральный Михайло Турковский».

Список «Краткого описания Малороссии» 80-х годов XVIII в. в отдельной рукописи размером в лист, объемом 209 листов, переписанный полууставом (ГПБ, Ф. IV, 56), интересен собственноручной припиской Василия Рубана. Он свидетельствует, что данный текст явился для него наборным экземпляром: «По сей рукописи печатана и издана книга в 1772 году под названием Россійской лѣтописи, с дополненіем, сочиненным с 1734 по 1770 год и напечатанным купно з землеописанием вмѣстѣ, от Василя Рубана, коллежского совѣтника, который сію рукопись подарил Петру Петровичу Дубровскому, Коллегии иностранных дел переводчику при Россійском министерством постѣ, находящемуся в Париже, и подписа своеручно в Петербурге февраля 1 дня 1788 года. Василий Рубан».

Копия издания Василия Рубана. В конце XVIII в. на Украине была снята копия с печатной книги Василия Рубана «Краткая летопись Малыя России» (1506—1770). К ней позже была присоединена «Общая планетоскопия» (отрывок), переписанная скорописью XIX в. В результате образовался сборник размером в четверть листа (I. 5423).

Печатная книга скопирована полностью с предисловием издателя и со всеми добавлениями под рубрикой «Короткие географические, политические и исторические известия

о Малой России», автором которых, по свидетельству издателя, был канцлер Александр Безбородько — личный секретарь Екатерины II, президент Коллегии иностранных дел, сын последнего генерального писаря Украины.

* * *

Подводя итог исследованию рукописных сборников, имеющих в своем составе казацкие летописи и производные от них сочинения, приходим к выводу о большом значении этих сборников для развития украинской историографии XVIII в. и формирования общественно-политического сознания и вообще — для развития культуры Украины в то время.

Сборники данного типа явились популяризаторами в читательской среде исторических сочинений, в первую очередь — летописей Самовидца и Грабянки, «Краткого описания Малороссии» и более сокращенных вариантов последнего, вплоть до исторических работ малых форм — исторических хронологий и таблиц.

Эти сборники содержат значительный объем документов, которые, войдя в их состав, приобрели просветительское и источниковедческое значение для читателей своего времени. Для современных исследователей эти документы во всех их комбинациях, компактах и сочетаниях важны не только в источниковедческом, но и историографическом отношении, свидетельствуя об усилении интереса у составителей сборников к историческим знаниям. Следует сделать заключение и об археографическом значении самих сборников — рукописных книг, в составе которых впервые распространялись в читательской среде исторические документы.

В сборниках названного типа, созданных на Украине в XVIII в., составной частью выступают также произведения русского происхождения, что свидетельствует об интересе украинского читателя к русской истории и культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII в. на Украине переписывание остается одним из широко применяемых способов распространения книг, особенно среди демократических слоев читательской среды, которым была недоступна покупка печатной книги и создание личных библиотек. Излюбленным видом рукописной книги являлись сборники, которые богатством и разнообразием репертуара значительно превосходили печатные издания. Рукописные сборники объединяя по несколько произведений, представляли собой своеобразную микробиблиотеку в одном томе.

Создание, существование и развитие рукописных сборников находилось в тесной связи с историческими условиями, и их социальная направленность определялась в значительной степени средой, в которой они возникали. Характер и состав рукописных сборников, отбор и компоновка материалов в них определялись социальными, политическими и общественными интересами создателей. Поэтому в рукописных сборниках нашли отражение моменты классовой борьбы, идеологии, мировоззрения, политические отношения, быт и нравы.

Сборники не только тиражировали произведения. Будучи носителями различных вариантов-списков, они вбирали в себя и отдельные редакции, в которых произведение подвергалось коренной переработке. В него вносились значительные дополнения, в которых встречались отрывки более ранних произведений, ныне утраченных. Нередкими были случаи хронологического продолжения изложения событий переписчиками. Таким образом, создавалось новое произведение и, следовательно, рукописный сборник в своеобразной форме расширял книжный репертуар.

Рукописный сборник, будучи фактором и продуктом культуры, является также замечательным памятником письменности, источником для воссоздания интеллектуально-духовной атмосферы прошлых веков.

Каждый отдельный список произведения, как и сборник в целом могут стать ценнейшим исследовательским материалом для историков, прежде всего — для изучающих историю развития культуры, в том числе — общественно-политической и исторической мысли.

Характер непосредственных оценочных реалий приобретают прямые высказывания переписчиков о копируемом произведении, об освещаемых в нем фактах и идеях, а также — записи читателей в процессе бытования книги, выражающие их отношение к прочитанному, а иногда фиксирующие имя и социальное положение читателей. Особенную историографическую ценность имеют предисловия переписчиков, излагающих в них свои взгляды на роль и значение исторической науки в жизни общества.

Сборники с документальными добавлениями к основному переписанному произведению имеют археографическое значение. Стабильные тематические подборки документов, переходившие в компакте из сборника в сборник и утратившие свои первоначальные функции, отражают социально-экономические и политические отношения на Украине в XVIII в. и представляют собой специфическое явление украинской рукописной исторической книжности. Такие сборники можно считать первыми документальными тематическими публикациями на Украине в рукописной форме.

Значительна роль рукописных сборников для развития культуры Украины. Исторические произведения, созданные на Украине в XVII—XVIII вв., были изданы за исключением двух (Летописи Грабянки и «Краткого описания Малороссии») через столетие, а то и более после их создания. Они были известны современникам только в списках. Поэтому количество списков — непреложное свидетельство популярности произведения. Самыми популярными историческими произведениями на Украине в XVIII в. являлись летописи Самовидца и Грабянки и производные от них, меньшие по объему. Названные списки составляют 90% всей массы светских рукописных сборников этого столетия. В рукописные сборники XVIII в. пришли также сочинения XVII в., уже несущие в себе элементы обобщающих, сводных исторических трудов: Густынская летопись, украинский хронограф, «Кройника» Софоновича, Черниговская летопись.

Взаимоотношения рукописной и печатной книги нашли яркое воплощение в сборниках. Переводы иностранных произведений имели хождение в сборниках прежде, чем попадали на типографский станок. В то же время в сборники переписывались тексты из печатных изданий.

Рукописные сборники отразили этапы и особенности развития украинской письменности, выразившиеся в ее «омирщении» и демократизации, в процессе перерастания летописей в обобщающие сводные сочинения и постепен-

ном подходе к синтетическому научному труду, а также в выделении историографии из письменности в качестве отдельного ее жанра, вначале как исторической повести.

Процессы, связанные с развитием украинского языка и эволюцией украинской графики письма, также нашли отражение в сборниках. Сборники, копируемые большим числом переписчиков, выходцами из разных частей Украины и представляющих разные поколения, отличаются пестротой почерков и смешением школ украинской скорописи и спецификой ее отдельных этапов развития.

Основываясь на материалах рукописных сборников, можно говорить о взаимоотношениях и о взаимовлиянии украинской и русской рукописной книги в XVIII в., отразившееся, прежде всего, на составе сборников. До нашего времени дошли сборники, сочетающие произведения украинского и русского происхождения.

Исключительно важное значение имеют рукописные сборники для изучения читательской среды. Создателями сборников были переписчики, редакторы, владельцы и читатели, которые часто объединялись в одном лице.

Активное отношение к тексту — характерная черта читателей рукописных книг. Печатную, дорогостоящую книгу не сокращали, вычеркивание ничего не давало, текст оставался. Редко у кого-либо поднималась рука что-то дописывать, вставлять. Вносились только вкладные и владельческие записи. Зато все это было возможно проделать с рукописным текстом при его переписывании. Кроме того, в печатной книге невозможна была мобильная комбинация различных текстов, присущая рукописным сборникам.

Наиболее активной частью читательской среды XVIII в. на Украине являются сами переписчики. Существовало три типа переписчиков. К первому типу относятся те, кто переписывал книги по заказу, часто механически, допуская много ошибок, не оставляя о себе следов, не делая никаких приписок. Второй, более многочисленный тип переписчиков объединял тех, кто создавал сборники «для себя». Третий — составляли те, кто переписывал сборник «для других» с просветительской целью, ставя перед собой задачу распространения знаний. Переписчики второго и третьего типа всегда относились к тексту активно. Даже желание просто иметь копию произведения — уже является оценкой последнего. Такие переписчики, перерабатывая текст, вносили творческий элемент в чтение и переписку книги. Они сокращали текст, излагали его более сжато, делали дополнения, снимали религиозную фразеологию,

модернизировали язык. А все изменения текста, в том числе и сокращения, не только демонстрируют отношение к нему. Переписчик-читатель превращался в своеобразного соавтора, особенно когда он продолжал изложение.

Переработка текста переписчиком-читателем по линии конспективного сокращения давала несколько новых произведений. На основании сокращения Летописи Грабянки возникло «Краткое описание Малороссии». В свою очередь, в результате сокращения последнего появились два произведения: «Лѣтописец или описаніе краткое знатнейшѣх дѣйств и случаев» и «Краткое лѣтоизобразительное знаменитых и памяти достойных дѣйств и случаев описаніе».

Конечным результатом конспективного сокращения Летописи Грабянки, как и других произведений, стали таблицы и хронологии — своеобразные микроисторические произведения, часто встречаемые в рукописных сборниках. На их списках лежит печать читательских интересов. Списки хронологий и таблиц разнятся числом пунктов и широтой содержания последних. Переписчики-читатели добавляли свои описания событий, сокращали факты и т. д.

Удовлетворяя интерес к прошлому своей Родины и осознавая необходимость документирования истории своего народа, переписчики-читатели копировали в сборники исторические документы в качестве дополнения либо монтируя их в основной текст, чем поднимали его еще на одну ступень в развитии историографии. Вводя в сборники документы апокрифического характера, переписчики стремились облечь в документальную форму исторические положения и, таким образом, придать им достоверность. Переписывая стабильные тематические документальные компакты, создатели сборников — читатели рассматривали их как историческое повествование. Общность сюжетов этих компактов и исторических произведений XVIII в. свидетельствует об усиленном интересе современников именно к данным событиям на Украине.

Давняя, идущая со времен Киевской Руси традиция общения авторов и переписчиков с читателем приобрела во второй половине XVII—XVIII вв. дальнейшее развитие и новые формы. Самой примечательной из них являются призывы авторов и переписчиков к своим будущим читателям познавать и изучать историю своего народа.

Таким образом, наряду с авторами светских исторических и литературных произведений читатели, в первую очередь переписчики-читатели, внесли свой вклад в развитие культуры Украины XVIII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень рукописных книг, использованных в данном исследовании

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной ра- боты
1. Густынская летопись. «Летописец о первом зачатїи и созданиї... монастыря Густын- ского.» «Вѣдомость о первоначатїи и устроениї монастыря... Густын- ского.» «Повѣсть правдивая о Киевском монастырь св. Михаила Золотовер- ского.» Летописные записи. Документы.	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ)	ф. 205, № 118	XVII—XVIII	215 л.	69, 70
2. Густынская летопись. А. И. Манкиев «Ядро історїи россійской» А. Чекаловский «Краткое опи- сание достопамятным дѣлам от дни рождения Петра Великого»	Центральная науч- ная библиотека Академии наук УССР (ЦНБ)	309/540с	Конец 40-х го- дов XVIII в.	202 л.	36, 71—74
3. Густынская летопись. «Святых новоявленных Иоанна младенца с отцем его Варягом, иже в Киевѣ пострадаша» «Повѣсть дивна и ужасна о смер- ти блаженного Константина, ми- трополита киевского.»	ЦНБ	314/541с	1764 г.	189 л.	74, 75

4. Густынская летопись.	ЦНБ	315/687 с	1778 г.	687 л.	75—77
5. Густынская летопись.	Библиотека Академии наук СССР (БАН)	16.12.5	XIX в.	548 л.	77
6. Густынская летопись.	БАН	24.4.35	XIX в.	177 л	77
7. Ф. Софонович «Кройника» (2-я и 3-я части). Состав повторяет содержание Тверской летописи.	Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ)	Ф. IV, № 214	1681 г.	537 л.	80
8. Ф. Софонович «Кройника». О превращении Киевского княжества в воеводство. «О возвращении... града Киева». «Лист... патриарха Досифея, писанный до малороссийского народу». «Повесть ведлуг некоторых мудрых людей, откуль початок свой и назвиско взяли козаки». Пересказ авторского предисловия Иоанникия Галятовского к книге «Скарбница». Летописные записи 1241—1399 гг. Сказание о Куликовской битве. О происхождении названия — Москва и др. городов. О постанвлении митрополитов. Об убийстве царевича Димитрия.	ГПБ	Ф. IV, № 215	1681—1682 гг.	680 л.	79, 80

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной ра- боты
<p>«Повесть о Махometъ — фальшивом пророку». «Енеалогья турецкая». «Порядок о рыцарстве цесаря турецкого». Об Астраханском царстве. Статьи религиозно-церковного характера (три).</p>	ЦНБ	107м/57	Начало 90-х гг. XVII в.	29 л.	81
<p>9. Ф. Софонович «Кройника» (3-я часть).</p>	Центральный государственный архив давних актов СССР (ЦГАДА), ГПБ	ф. 181, ед. хр. 93/122; Погод. № 1476	Конец 90-х гг. XVII в.		78, 79
<p>10. Ф. Софонович «Кройника»</p>	г. Вестерос, Швеция (Гимназическая библиотека)	АД 10	Конец XVII в.		83
<p>11. Ф. Софонович «Кройника» (1-я часть). Книга Большого чертежа. Описание Сибири и ее присоединения к России. Извлечение из Степенной книги. «Родословец» великих и удельных князей русских. Описание Ново-Иерусалимской церкви Воскресенского монастыря. Переписка запорожских казаков с турецким султаном. «Чертеж всей России».</p>					

«Разговор, каков имели царские послы с королевскими сенаторами и гетманом литовским». Документы. «Комедіи или дѣйствія». «Приклады». «Книга, глаголемая Езоп». «Перевод из Цицерона». Лирические стихотворения. (Всего 50 статей)	ГПБ	F. XVII. № 19	Вторая половина 30-х гг. XVIII в.	339 л.	82, 83
12. Ф. Софонович «Кройника» (1-я часть). Повторяет часть Вестероского сборника. (Всего 27 статей).	ЦНБ	310/250с	Первая четверть XIX в.	137 л.	83
13. Ф. Софонович «Кройника». Полная копия Вестероского сборника.	ЦНБ	I, 171	1632—1648 гг.	646 л.	90—96, 97—99
14. Украинский хронограф.	ЦНБ; Краков, Библиотека Польской Академии наук	Ф. 30, № 89; № 231	1699 г.	637 с.	37, 85—89, 96—99
15. Украинский хронограф — «Хроника Леонтия Боблинского» Документы. Письма. «Наука о дриаквѣ» «Реестр князьям черниговским... где погребены».	ГПБ	F. IV, № 688	Конец XVII в.	644 л.	99, 100
16. Украинский хронограф.	ГПБ	F. IV, № 372	40—50-е гг. XVIII в.	121 л.	99, 100
17. Украинский хронограф «Наука о дриаквѣ».	ГПБ	F. IV, № 727	40—50-е гг. XVIII в.	I т.—297 л.	99, 100
18. Украинский хронограф «Наука о дриаквѣ».	ГПБ			II т.—328 л.	

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной ра- боты
19. Украинский хронограф «Наука о дриаквѣ».	Госархив Тюменской области, от-дел рукописных книг	№ 79	40—50-е гг. XVIII в.	575 л.	99, 100
20. Украинский хронограф	ЦНБ	I, 165	Середина XVIII в.	483 л.	96—99
21. Украинский хронограф. Копия сборника Боблинского.	ГПБ	Эрм. 320	1792 г.		87, 88
22. Черниговская летопись. «Хронологія благочестивых мирополитов кievских». «От летописца. Собрание краткое о начале родословія от Адама». «Начаток в Руси великому княженію всех князей». «О многочудеснѣ побѣдъ над ливонскими нѣмцы». «Сказаніе нѣкїих чудес, бывших на Москвѣ». «О взятїи града Казани и всея земли на Волзѣ рѣць і по Камѣ». Таблица хода Северной войны.	ЦНБ УШ 147м/56	Середина 80-х гг. XVIII в.	180 с.	100—117	
23. Черниговская летопись. Четыре первых статьи предыдущего сборника.	ЦНБ	I, 66719	Конец XIX в.	44 л.	106

24. Летопись Самовидца. Летопись Грабянки. «Летописец краткій от початку великороссійских і протчіих князей и монархов». Документы.	ГПБ	F. IV, № 889	1735—1742 гг.	140 л.	130—133
25. Летопись Самовидца. Феофан Прокопович — Полеми- ческое произведение. «Разговоры в царствіи мертвых». Документы.	ЦНБ	I, 3866	Вторая полови- на 30-х гг. XVIII в.	119 л.	127—129
26. Летопись Самовидца. Летопись Грабянки. Летописец краткій от початку великороссійских і протчіих князей и монархов». Документы.	ЦНБ	I, 3862	Середина XVIII в.	182 л.	129, 130
27. Летопись Самовидца. Документы.	Черниговский му- зей	АЛ-8	60 е гг. XVIII в.	104 л.	135
28. Летопись Самовидца. «Экстракт или краткая выписка сколько и кто был малороссійским гетманом». «Летопись о Малой России или сокращенная история о казачьих гетманах». «Устное повѣствованіе бывшего запорожца... Никиты Леонтьевича Коржа». Документы.	Харьковская госу- дарственная науч- ная библиотека им. В. Г. Коро- ленко (ХГНБК)	№ 596805	Середина 60-х гг. XVIII в.— 1841 г.	217 л.	134, 135
29. Летопись Самовидца.	ЦНБ	УШ 156м/54	20-е гг. XVIII в.	88 л.	136, 189

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной ра- боты
30. Летопись Самовидца.	ЦНБ	313/526с	40-е гг. XIX в.	319 с.	136, 189
31. Летопись Грабянки.	ГБЛ	ф. 173, № 97	1731 г.	46 л.	43, 186
32. Летопись Грабянки. «Летописец краткий року 1647 в місяць декемврїї заведений». Документы.	ЦНБ	VIII 149м/49	Вторая поло- вина 30-х гг. XVIII в.	133 л.	35, 48, 176 — 178
33. Летопись Грабянки. «Летописец краткий». Документы. Поэтические произведения.	Житомирский му- зей	КП2410 <u>КПССт362</u>	1739—1740 гг.		166
34. Летопись Грабянки	ЦНБ	I, 6698	1740 г.	169 л.	186
35. Летопись Грабянки Документы.	ЦНБ	VIII 150м/50	Первая поло- вина 40-х гг. XVIII в.	218 л.	148—152, 154, 156, 176
36. Летопись Грабянки. Документы. Димитрий Ростовский «Летопис келейный». «Беседа отца с сыном».	ЦНБ	VIII 214м/35	40—60-е гг. XVIII в.	231 л.	170, 171
37. Летопись Грабянки. Документы.	ГБЛ	ф. 205 № 421	40—60-е гг. XVIII в.	164 л.	178, 179
38. Летопись Грабянки. Байер «Краткое описание всех случаев, касающихся Азова». (фраг- мент).	ЦНБ	I, 6490	1751 г.	237 л.	50, 183, 184

39. Летопись Грабянки. Краткое описание Малороссии. Документы.	ГБЛ	ф. 178, № 2899	1751—1793 гг.	104 л.	182, 183
40. Летопись Грабянки.	ЦНБ	I, 164	Середина XVIII в.	216 л.	151, 186
41. Летопись Грабянки.	ЦНБ	I, 584(6274)	Середина XVIII в.	201 л.	153
42. Летопись Грабянки.	ЦНБ	I, 7972	Середина XVIII в.	216 л.	186
43. Летопись Грабянки. Документы.	ГБЛ	ф. 205, № 420	Середина XVIII в.	172 л.	153
44. Летопись Грабянки. Документы.	ГПБ	F. IV, № 810	Середина XVIII в.	186 л.	152, 153
45. Летопись Грабянки.	ГИМ	Собр. Вахрамеева, № 130	Середина XVIII в.	39 л.	186
46. Летопись Грабянки.	ГПБ	Погод. 1516	Середина XVIII в.	109 л.	186
47. Летопись Грабянки. Документы.	ГПБ	Погод. 1514	Начало 50-х гг. XVIII в.	175 л.	161
48. Летопись Грабянки. «Список войнам от Хмельницкого».	ГБЛ	ф. 152, № 30	50—60-е гг. XVIII в.	44 л.	171, 172
49. Летопись Грабянки. Документы.	ГПБ	Погод. 1515	50—60-е гг. XVIII в.	75 л.	165
50. Летопись Грабянки. Документы.	ГПБ	Погод. 1517	50—60-е гг. XVIII в.	36 л.	165
51. Летопись Грабянки. «Описание краткое знатнейших действ, что на Украйне дьялось».	Научная Техниче- ская библио- тека Сибирского отдела Академии наук СССР	Собрание Ти- хомирова, № 13	Вторая поло- вина 50-х — на- чалю 60-х гг. XVIII в.	133 л.	184—186

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. Данной ра- боты
«Сокращенная российская исто- рия» и др.	ГБЛ	Тих., 552	1763 г.	198 л.	58, 138, 179 — 182
52. Летопись Грабянки. Ее стихотворное переложение. Документы.	ЦНБ	VIII 151м/51	60-е гг. XVIII в.	163 л.	35, 43, 48, 51, 158, 159
53. Летопись Грабянки.	ГПБ	Эрмит. № 372	Середина 60-х гг.	95 л.	186
54. Летопись Грабянки.	Днепропетровский музей	№ 681, 682	60-е гг. XVIII в.	16 + 8 л.	186
55. Летопись Грабянки.	ЦНБ	Неж. 48	60-е начало 70-х гг. XVIII в.	135 л.	186
56. Летопись Грабянки.	ГПБ	F IV, № 808	60—70-е гг. XVIII в.	149 л.	159, 160
57. Летопись Грабянки. Документы	ГПБ	F IV, № 809	60—70-е гг. XVIII в.	144 л.	160, 161
58. Летопись Грабянки. Документы.	ЦНБ	I, 54483, Лаз. 32	Третья чет- верть XVIII в.	182 л.	155—158
59. Летопись Грабянки. Документы.	ЦНБ	VIII 216м/199	1784 г.	150 л.	138, 167, 168
60. Летопись Грабянки. «Героїчні вірші о славних воен- них дїяствїях Войск Запорожских». Синопис. Документы. Религиозные тексты.	ЦНБ				

61. Летопись Грабянки. Документы.	ЦНБ	VIII 213м/52	Герзая поло- вина 80-х гг. XVIII в.	80 л.	35, 168—170
62. Летопись Грабянки. Документы.	Публикация в ж. «Україна»	1925 г., кн., 6, с. 171	Вторая поло- вина 80-х гг. XVIII в.		165
63. Летопись Грабянки.	Публикация в кн. «Российский магазин»	1793 г.	Вторая поло- вина XVIII в.		138
64. Летопись Грабянки. Краткое описание Малороссии.	ЦНБ	I, 202	Вторая поло- вина XVIII в.	69 с.	35, 48, 183
65. Летопись Грабянки.	ЦНБ (по описи)	VIII 148м/197	XVIII в.	128 л.	186
66. Летопись Грабянки. Документы	ЦНБ (по описи)	VIII 152м/Лаз.	XVIII в.	182 л.	165
67. Летопись Грабянки.	ГПБ	F, IV, № 676	XVIII в.	39 л.	183
68. Летопись Грабянки. Документы.	Лилеев. Опись со- брания Чернигов- ской семинарии	№ 110	XVIII в.	175 л.	153
69. Летопись Грабянкп. Документы в «Летописном по- вествовании о Малой России» Ри- гельмана.	ЦНБ	VIII 158м/200	Конец XVIII в.	256 л.	154
70. Летопись Грабянки. «Краткая записка дѣйствій прежде годов бывших по настоя- щее время».	ЦНБ	I, 6300	Конец XVIII— XIX вв.	131 л.	172, 173
71. Летопись Грабянки. Документы.	Научная библиоте- ка Харьковського государственного университета (НБХГУ)	№ 151 с.	XVIII — нача- ло XIX вв.	188 л.	161—164

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной ра- боты
72. Летопись Грабянки. Документы. «Разговор великой России с Малой Россией».	Центральный госу- дарственный исто- рический архив УСССР (ЦГИА УСССР)	ИОНЛ, № 19	конец XVIII в.— на- чало XIX в.	287 л.	166
73. Летопись Грабянки. Документы.	ЦНБ	I, 7563	1814	201 л.	153, 154, 186
74. Летопись Грабянки.	БАН	17.16.6	начало XIX в.	71 л.	
75. Краткое описание Малороссии «Описание кратчайшее знатнейших действ и случаев». Документы.	ГБЛ	ф. 152, № 26	1750—1753	104 л.	189—191
76. Краткое описание Малороссии. «Кройника о земль Польской» Ф. Софоновича.	ГПБ	F. IV, 812	1751	145 л.	37, 194—196
77. Краткое описание Малороссии.	ЦНБ	312/689с.	Середина XVIII в.	108 л.	200
78. Краткое описание Малороссии. Хронология митрополитов.	ГПБ	Q. IV, № 356	Середина XVIII в.	120 л.	193
79. Краткое описание Малороссии.	ГПБ	Q. IV, № 451	Середина XVIII в.	74 л.	200
80. Краткое описание Малороссии. Документы.	ЦНБ	I, 58240, Лаз. 59	Середина 60-х XVIII в.	200 л.	192
81. Краткое описание Малороссии.	ГПБ	F. IV, № 811	60-е гг. XVIII в.	61 л.	200

82. Краткое описание Малороссии.	ЦНБ	I, 581, I, 593	Конец 70-х гг. XVIII в.	112 л.	198
83. Краткое описание Малороссии. Хронология киевских митрополитов.	ЦНБ	I, 7379	Третья четверть XVIII в.	96 л.	193, 194
84. Краткое описание Малороссии.	ГПБ	F. IV, № 56	80-е гг. XVIII в.	209 л.	200
85. Краткое описание Малороссии. «Описание кратчайшее знатнейших действий и случаев». Документы.	БАН	17.16.29.	80-е гг. XVIII в.	97 л.	192
86. Краткое описание Малороссии. «Описание кратчайшее знатнейших действий и случаев». Документы.	ЦНБ	I, 203	1798—1799	90 л.	189, 192
87. Краткое описание Малороссии. Хронологическая таблица. Документы.	НБХГУ	№ 135с.	90-е гг. XVIII в.	135 л.	37, 196, 197
88. Краткое описание Малороссии. «Описание знатнейших действий и случаев». Документы.	ЦНБ	VIII 155, Лаз 68	Вторая половина XVIII в.	200 л.	192
89. Краткое описание Малороссии. Документы.	ЦНБ	I, 839/6276	Вторая половина XVIII в.	62 л.	192
90. Краткое описание Малороссии. Документы. Выписки из «Санкт-Петербургских ведомостей».	ЦГИА УССР	ИОНЛ, № 21	Конец XVIII—начало XIX вв.	362 л.	197, 198
91. Краткое описание Малороссии. «Летописец Малой Росії или сокращенная история о казацких гетманах и о всем случившимся с примечаниями достойного в Украине».	ЦНБ	I, 6699	1813 г.	169 л.	199, 200

Состав	Место хранения	Шифр	Время создания	Объем	Стр. данной работы
92. Краткое описание Малороссии.	ГБЛ	ф. 252, № 28	1822		199
93. В. Рубан «Краткая летопись Малой России». Общая планетоскопия.	ЦНБ	I, 5423	Конец XVIII в.	186	200, 201
94. История малороссийских и запорожских казаков в книге «Приписы для малороссийской истории».	ЦНБ	I, 54663—54670 Лаз. 34	Первая половина XIX в.	386 л.	156, 188
95. «Журнал шестивя... [Елизаветы Петровны] в Киеве... 1744 гсду».	ЦНБ	I, 7665	Середина XVIII в.	130 л.	174
96. Документальный сборник	ЦНБ	I, 58041— I, 58049	Конец 40-х гг. XVIII в.	85 л.	174
97. Документальный сборник	ГБЛ	Муз 435/2899	Середина XVIII в.		174, 175
98. Документальный сборник	ГБЛ	Муз., 740	Середина XVIII в.	174 л.	175
99. Документальный сборник	ЦНБ	I, 186/9019	50—60-е гг. XVIII в.	137 л.	173
100. Документальный сборник	ЦНБ	ф. 30 № 77	2-я половина XVIII в.		175
101. Журнал дел Генеральной войсковой канцелярии.	ЦНБ	I, 66720	1722—1723 гг.	540 л.	38, 39
102. Дниариши Генеральной войсковой канцелярии.	ЦНБ	I, 53762, Лаз 13,1	1727—1731 гг.	400 л.	38

103. Дняриуши Генеральной войсковой канцелярии.	ЦНБ	I, 53764— I, 53698	1750 г.	435 л.	38
104. В. Дворецкий «Летописец». Летописные заметки Выписки из хроник Пословицы, афоризмы Орации. Религиозные произведения	ГПБ	Q, XVIII, № 220	Вторая половина вина XVII — XVIII в.	186 л.	44, 45
105. Климентий Зиновиев. «Вірші. Приповістки посполиті».	ЦНБ	VIII 73м/193	Конец XVII — начало XVIII в.	336 л.	32, 33
106. Ф. Прокопович «О методах писания истории и письмах» в книге «Риторика».	ЦНБ	ДА/п418	1706	лл 146— 152	121
107. С. Климовский. Стихотворный трактат	БАН	2.17.49	1724		52
108. Синопис.	ЦНБ	311/688с	1732—1733	290 л.	35
109. Апокрисис Христофора Филарета Хронология киевских митрополитов и др.	БАН	32. 88	Первая половина на XVIII в. 1772 г.	210 л.	37
110. Вѣдомость войскового товарища Григория Андрѣева сына Покаса в документальном сборнике.	ЦНБ	№ 4972			
111. Письма исторического содержания и др.	ЦНБ	ДА/Е49	Конец 70-х г. XVIII в.	113 л.	43
112. «Ядро історії російської».	ЦНБ	I, 183	80-е г. XVIII в.	89 л.	72
113. Перевод на украинский язык «Хроника» Мацея Стрыйковского.	ЦНБ	I, 57387/48	XVIII в.	675 л.	63
114. «Черниговского наместничества топографическое описание» Афанасия Шафонского	ЦНБ	VIII 185м/58		102	
115. Листовня	ЦНБ	I, 7378	1712 г.	135 л.	31

**АВТОРЫ, ПЕРЕПИСЧИКИ,
В РУКОПИСНЫХ
ВЛАДЕЛЬЦЫ-ЧИТАТЕЛИ, УПОМИНАЕМЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ КНИГАХ XVIII в. НА УКРАИНЕ**

- Авксентий — переписчик, с. 109
 Ананиевич Иван — автор, переписчик, с. 130—133, 154
 Апостол Петр Данилович, читатель, с. 183
- Билогруд Анисим — читатель, с. 193
 Боболинский Леонтий — переписчик, с. 36, 37, 83—90, 96—99, 109—110
 Борзаковский Филипп — автор-переписчик, с. 39
 Боровиковский Николай — переписчик, с. 154
 Бороздна В. П. — читатель, с. 199
- Вакуловский Иосиф — читатель, с. 153
 Васильевич Михаил — переписчик, с. 28
 Величко Самойло — автор, читатель, с. 16, 49, 60, 63—65, 118—120, 136, 142, 179
 Величковский Иван — автор, с. 10, 32
 Власий — переписчик, с. 28
- Гадзалецкий Стахий Иванович — переводчик, с. 82
 Галятовский Иоанникий — автор, с. 11, 79, 80, 82
 Гирман Даниель Захарович — переписчик, с. 31
 Гирман Демьян — читатель, с. 31
 Гирман Моисей — читатель, с. 31
 Грабянка Григорий — автор, с. 41, 60, 65, 88, 118—120, 130—132, 136—148, 152—161, 164—173, 175—176, 178—187, 195, 201, 203, 205
- Гудима В. — переписчик, с. 199
- Дворецкий Василий Иванович — переписчик, с. 44
 Дворецкий Василий Федорович — автор, переписчик, с. 44, 45
 Дворецкий Федор Иванович — переписчик, с. 45
 Дивович Семен — автор, с. 196
 Дзивович Алексей — автор предисловия, переписчик, с. 37, 38, 194, 196, 197
 Доброницкий Иван — читатель, с. 169
 Дубницкий Косма Иванович — переписчик, автор приписок, с. 135, 136
 Дубровский Петр Петрович — читатель, с. 200
- Заграничный Алексей Германович — переписчик, с. 75—77
 Зиновиев Климентий, с. 32, 33
- Иоанн — автор, с. 167
 Искрицкий Петр — переписчик, с. 16, 128, 129, 133
- Капнист Семен — читатель, с. 183
 Кибальчич Петр — читатель, с. 35
 Климовский Семен — автор, с. 52
 Козельский Яков — автор, с. 16, 129—133, 154
 Кохановский Петр — автор, переписчик, с. 129—131, 133, 154
 Константин — переписчик, с. 53
 Косма — читатель, с. 108
 Кохановский Веспасиан — автор, с. 79, 80

- Ладинский Павел — автор, переписчик, с. 39
- Левицкий Иоани — автор, с. 87—89
- Лесовицкий — читатель, с. 64
- Левоугович — читатель, с. 153
- Лизогуб Яков — автор, с. 136, 178, 191
- Ломиковский Василий — переводчик, переписчик, с. 155—158, 188
- Лосицкий Михайло — автор предисловия, переписчик, с. 36, 68, 69, 70—72
- Манкиев Алексей Ильич — автор, с. 71
- Манькивский Теодор — читатель, с. 199
- Маркович Яков — автор, читатель, с. 16
- Мартос Иван — читатель, с. 186
- Мартос Михаил — читатель, с. 186
- Мартос Павел — читатель, с. 186
- Матусевич Иван — переписчик, с. 108
- Милорадович — читатель, с. 64
- Плишка Максим Никифорович — автор, переписчик, с. 58, 179—182
- Покас Григорий — автор предисловия, переписчик, с. 37, 38, 81, 194—196
- Полетика Григорий Андреевич — читатель, с. 16, 176, 186
- Прокопович Феофан — автор, с. 353
- Разумовский Кирилл — читатель, с. 113, 114, 156, 158, 159, 165, 170, 173, 174, 179, 190—192, 195, 197—199
- Ригельман Александр — автор, с. 154
- Римаренко Савва — читатель, с. 182
- Рубан Василий — автор, с. 137, 200
- Рыбаковский Иван — читатель, с. 35
- Савицкий Степан — переводчик, с. 63, 64
- Самовидец — автор, с. 49, 60, 118—120, 126—137, 143, 188, 201, 203
- Слобанский Иоачан — автор рисунка, с. 74
- Софонович Феодосий — автор, с. 77—83, 117
- Туманский Федор — издатель, читатель, с. 127, 138
- Худонович Тимофей — читатель, с. 153
- Чоколовский Александр — автор, с. 72
- Шафонский Афанасий — автор, читатель, с. 16, 101, 102, 106, 110, 117, 160, 169
- Шимков Федор Андреевич — читатель, с. 154
- Шуба Павел — читатель, с. 153
- Якубович Александр Яковлевич — читатель, с. 158, 161—164
- Якубович Иван Александрович — читатель, с. 164
- Якубович Петр Иванович — читатель, с. 164
- Янушкевич Иван — читатель, с. 116

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Рукописная книжная культура на Украине в XVIII в.	20
Образование и рукописное дело на Украине в XVIII в.	20
История создания сборников	35
Состав исторических сборников и их читатели на Украине	54
Состав сборников. Их классификация	54
Исторические сочинения XVII в. в составе сборников XVIII в.	66
Густынская летопись	66
«Кройника» Феодосия Софоновича	77
Сборник Леонтия Боболинского и списки украинского хронографа	83
Неопубликованный список Черниговской летописи	100
Сборники с летописями Самовидца и Грабянки и созданными на их основе произведениями	118
Казацкие летописи	118
Летопись Самовидца	126
«Дѣйствія презѣльной брани...» Григория Грабянки	137
«Краткое описание Малороссии» и его вариации в рукописных сборниках	187
Заключение	202
Приложение	206

Академия наук Украинской ССР
Центральная научная библиотека
Елена Михайловна Апанович

**Рукописная
светская книга XVIII в.
на Украине**

Исторические сборники

*Печатается по постановлению ученого совета
Центральной научной библиотеки АН УССР*

Редактор М. Т. Максименко
Художественный редактор И. Н. Скловская
Оформление художника С. А. Лукьяненко
Технический редактор Г. М. Терезюк
Корректоры Я. Н. Зубко, Н. А. Луцкая,
Л. И. Семенюк

Информ. бланк № 5400.

Сдано в набор 01.12.82. Подп. в печ. 25.04.83.
БФ 01132. Формат 84×108/32. Бум. тиг. № 1.
Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,18.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1850 экз.
Заказ № 2—2908. Цена 2 р.

Издательство «Наукова думка», 252601, Киев, ГСП,
Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографи-
ей, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8,
с матриц Головного предприятия РПО «Поли-
графкига». 252057, Киев-57, Довженко, 3.
Зак. № 2607.

242-24

2 p.

Ва 398995 ¹³

28959

НАУКОВА ДУМКА

